

С. И. Николаев

РАЗЫСКАНИЯ О РУССКИХ ПОЭТАХ

первой половины XVIII века

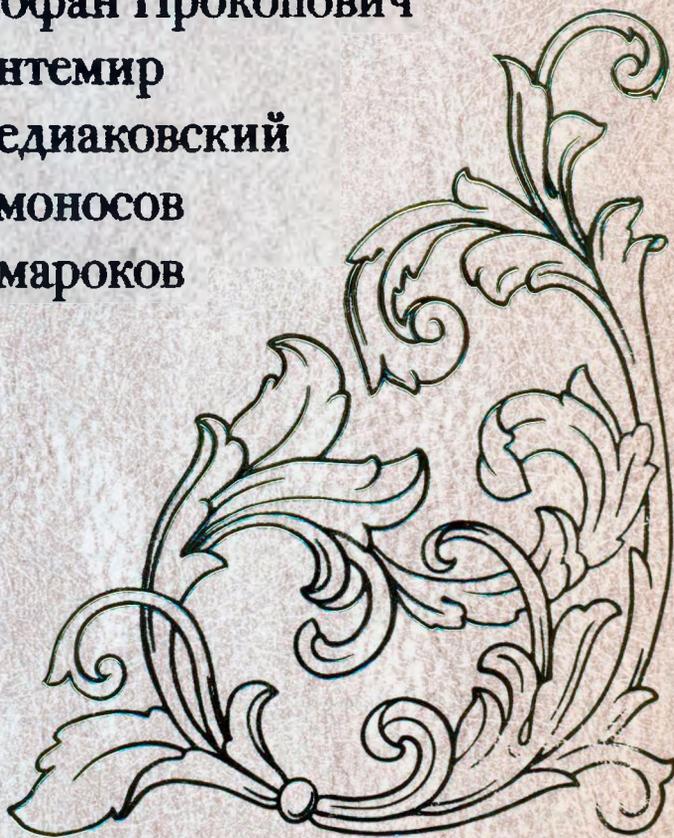
Феофан Прокопович

Кантемир

Тредиаковский

Ломоносов

Сумароков

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

С. И. Николаев

РАЗЫСКАНИЯ
О РУССКИХ ПОЭТАХ
первой половины XVIII века

Феофан Прокопович
Кантемир
Тредиаковский
Ломоносов
Сумароков

Альянс-Архео
Москва — Санкт-Петербург
2023

Николаев С. И. Разыскания о русских поэтах первой половины XVIII века. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2023. — 272 с., ил.

ISBN 978-5-98874-205-0

В настоящую книгу вошли статьи и заметки о русских поэтах первой половины XVIII в. — Феофане Прокоповиче, А. Д. Кантемире, В. К. Третьяковском, М. В. Ломоносове и А. П. Сумарокове. В каждой статье речь идет об отдельном произведении или отдельном эпизоде литературного общения. В действительности между статьями книги есть внутренние связи и переклички, поскольку создатели новой русской литературы были не просто современниками, но тесно общались друг с другом, пусть и не всегда их личные отношения были отмечены печатью дружества, а иногда и откровенной враждой и нетерпимостью.

Рецензенты:

д-р филол. наук *Н. Д. Кочеткова*, канд. филол. наук *Л. А. Курьшиева*

Альянс-Архео

© Зарегистрированный в России товарный знак,
свидетельство № 743093

ISBN 978-5-98874-205-0

© С. И. Николаев, 2023
© Альянс-Архео™, 2023

*Книгу эту посвящаю
моей жене
Елене Николаеве*

ОТ АВТОРА

Собранные в настоящей книге статьи и заметки о русских поэтах первой половины XVIII в. были написаны и опубликованы автором в течение последних трех с половиной десятилетий. Здесь они появляются в заново просмотренном и уточненном виде с дополненной библиографией.

Хотя статьи распределены по отдельным писателям, в действительности они связаны между собой: в разделе о Феофане Прокоповиче рассматривается и Кантемир, в разделе о Кантемире идет речь и о Тредиаковском, а в разделах о Тредиаковском, Сумарокове и Ломоносове три поэта постоянно пересекаются. Это вполне объяснимо, поскольку создатели новой русской литературы были не просто современниками, но тесно общались друг с другом, пусть и не всегда их личные отношения были отмечены печатью дружества, а иногда и откровенной враждой и нетерпимостью.

В книге нет работ обобщающего или теоретического характера, в каждой статье или заметке речь идет об отдельном произведении или отдельном эпизоде литературного общения. Автор, однако, надеется, что ему удалось ввести новые материалы, взглянуть на известные произведения с мало изученных сторон или предложить их новую интерпретацию. Хотелось бы подчеркнуть, что картина литературы XVIII в. зависит не только от появления новых фактов, но и новые факты появляются в связи с изменением нашего понимания литературной жизни XVIII в. — это взаимосвязанный процесс.

В своей исследовательской работе автор руководствовался несколькими положениями историко-филологической работы. Эти положения изложены в небольшой статье «О филологическом методе (насуточные заметки)», которая завершает книгу.

К ПРЕДЫСТОРИИ ГОРАЦИЯ В РОССИИ

В статье речь пойдет, главным образом, о двух стихотворениях первой половины XVIII в. Оба достаточно хорошо известны: одно было впервые издано почти 230 лет назад, второе — 35 лет назад. Оба безусловно являются переложениями Горация и при этом самыми ранними на русском языке. (Самыми ранними из сохранившихся — только из упоминаний самого Ильи Копиевского нам известно, что в 1700 г. он подготовил к печати книгу «Гораций Флякус о добродетели, стихами поетыцкими, русский», но книга эта не увидела света и никаких следов этого перевода не сохранилось).¹ Между тем ни одно из них не попало в новейшую и самую полную библиографию античной поэзии в России, вышедшую в 1998 г.,² не упоминаются они и в исследовании В. Буша о Горации в России.³ При этом оба стихотворения явно не вписываются в общую картину восприятия Горация в России. Именно это и побудило обратиться к одному забытому направлению восприятия Горация и античной поэзии в русской литературе первой половины XVIII в.

Общая и определяющая тенденция восприятия Горация в русской литературе XVIII в. — культурно-историческая, свойственная и западноевропейским литературам. Как и задолго до того в Европе, Гораций и в России с середины XVIII в. стал восприниматься как «законодатель литературных норм, мастер формы».⁴ Поэтому наряду с опытами прямых

---

¹ См.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 526; Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 — январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1958. С. 339.

² См.: *Свицков Е. В.* Античная поэзия в русских переводах XVIII–XIX вв.: Библиографический указатель. СПб., 1998.

³ См.: *Busch W.* Horaz in Russland: Studien und Materialien. München, 1964.

⁴ *Тетени М.* Роль античной поэзии в русском литературном развитии XVIII века. (К вопросу восприятия поэзии Горация) // *Hungaro-Slavica*, 1978. VIII. Internationaler

переводов и в русской литературе развивается та общая европейским литературам тенденция усвоения и творческого осмысления поэзии Горация, которую принято обозначать как «горацианство». В кратком виде ее суть в приложении к поэтическому переложению сформулировал Г. Р. Державин в позднейшем объяснении к своему стихотворению «Похвала сельской жизни»: «Соображена с русскими обычаями и нравами».⁵ Таким образом, перевод (более или менее свободный) и парафраза — это главные виды рецепции Горация во второй половине XVIII в., скорее даже последней его трети. В первой же трети века намечался, как представляется, и еще один возможный путь усвоения поэзии Горация, представленный двумя упомянутыми переложениями.

Первое стихотворение принадлежит Феофану Прокоповичу:

Кто крепок на Бога уповая,
той недвижим смотрит на вся злая;
Ему ни в народе мятеж бедный,
ни страшен мучитель зверовидный,
Не страшен из облак гром парящий,
ниже ветр, от южных стран шумящий,
Когда он, смертного страха полный,
финобалтицкия движет волны.
Аще мир сокрушен распадется,
сей муж ниже тогда содрогнется;
В прах тело разбьет падеж лютой,
а духа не может и двигнути.
О Боже, крепкая наша сило,
твое единого сие дело,
Без тебе и туне мы ужасны,
при тебе и самый страх нестрашный.⁶

История изучения этого небольшого стихотворения весьма поучительна, как своего рода образчик чистоты филологического эксперимента.

Kongress der Slawisten, Zagreb, 3.-9. September 1978. Budapest, 1978. S. 356. См. также: Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация: (К 2000-летию со дня рождения Горация) // Изв. АН СССР, Отделение общественных наук, 10. 1935. С. 1039–1056; Морозова Г. Оды Горация в русских переложениях XVIII века (часть I) // Жанр. Стиль. Метод. Алма-Ата, 1990. С. 56–61; Ревелли Д. Гораций и русская литература XVIII — нач. XIX в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 698–707.

⁵ Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1866. Т. 3. С. 666. В рукописях сохранился вариант названия стихотворения: «Горация похвала сельской жизни, соображенная с российскими нравами» (Там же. Т. 2. С. 166).

⁶ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 226.

Считается, что стихотворение впервые было издано в 1769 г. без имени автора в «Письмовнике» Н. Г. Курганова.⁷ Исследователи пытались установить источник стихотворения, но искали его вовсе не в античной поэзии, исходя, вероятно, из того факта, что Курганов напечатал его в разделе «Псалмы или духовные песни». Так, П. Н. Берков считал стихотворение парафразой сразу нескольких псалмов — 89, 90, 111.⁸ Позднее назывались псалмы 124,⁹ 27¹⁰ и 45.¹¹ Правда, составитель одного песенника первой половины XVIII в. обозначил стихотворение как «светская» (т. е. песня),¹² а И. В. Паузе еще при жизни Феофана пытался понять стихотворение через призму латыни и даже подобрал к отдельным выражениям латинские параллели.¹³ Тем не менее стихотворение всегда воспринималось только как «духовная песня» и образцы ее искали в псалтыри, чему не противоречили лексика и фразеология стихотворения.¹⁴ Лишь сравнительно недавно Г. В. Морозова установила источник первых 10 строк из 16 стихотворения — это ода Горация (III, 3).¹⁵

Между тем эти поиски были излишни, поскольку латинский источник находит подтверждение в свидетельстве, восходящем к самому Феофану Прокоповичу. В 1769 г. одновременно с «Письмовником» Курганова вышел сборник эпиграмм К. А. Кондратовича «Старик молодой»,

⁷ Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л., 1970. С. 392.

⁸ См.: Берков П. Н. Одно из первых применений эзоповского языка в России. (Латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1727 г.) // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971. С. 80, примеч. 10.

⁹ См.: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII — первая треть XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980. С. 70; Verse und Lieder bei den Ostslaven: 1650–1720. Incipitarium. I: Anonyme Texte, Zusammenge stellt von F. Schäfer und J. Brus. Köln; Wien, 1984. S. 310.

¹⁰ См.: Smorzewska H. Bóg — człowiek — naród. Z obserwacji nad problematyką religijną w poezji Teofana Prokopowicza // Roczniki humanistyczne. Lublin, 1994. T. 42, z. 7. S. 172.

¹¹ См.: Глариянтова Е. В. Античные и христианские источники в творчестве Антиоха Кантемира // Знание. Понимание. Умение. М., 2007. № 4. С. 168.

¹² См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1, ч. 2. С. 191.

¹³ См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. С. 257.

¹⁴ Только как образец религиозной лирики это стихотворение анализируется в работе: Smorzewska H. Bóg — człowiek — naród. S. 172–174.

¹⁵ См.: Морозова Г. В. Гораций в литературной теории и практике Феофана Прокоповича // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1980. С. 181–183.

где стихотворение «Кто крепок на Бога уповая» напечатано с пояснением, что это «стихи Феофана, от его ученика гофмейстера инженерного корпуса Якова Юрьевича Петрулева <...> перевод его из Горациевых стихов. Кн. 3. Од. 3». Кондратович привел также и восемь строк латинского текста, а последнее четверостишие Феофана отделил от предыдущего текста словами «Прибавил от себя» (перед всем стихотворением помета — «Перевод преосвященного Феофана по старине»).¹⁶ В списке учеников основанной Феофаном в Петербурге гимназии за последний год ее существования (1736), действительно, значится «Яков Петрулин», который после смерти Феофана был переведен в инженерный корпус.¹⁷ Таким образом, в публикации Кондратовича указан источник перевода, назван переводчик и источник текста.¹⁸ Остается неизвестной только дата перевода. Здесь стоит обратить внимание на словосочетание «финобалтицкия ... волны». Довольно необычный эпитет «финобалтицкия» в картотеке Словаря русского языка XVIII в. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) зафиксирован только один раз: он встречается в школьной пьесе 1725 г. «Слава печальная» в точно таком же сочетании — «финобалтиския волны».¹⁹ Для окончательной датировки перевода Феофана Прокоповича этого редкого словосочетания, безусловно, недостаточно, тем не менее допустимо предположение, что первый перевод Горация на русский язык относится к середине 1720-х годов.

Вопрос с латинским источником стихотворения можно считать решенным. Замечательно, однако, разнообразие псалмов, предлагавшихся в качестве образцов для стихотворения Феофана. Очевидно, что Феофан, перелагая Горация, нашел стилистическое соответствие образному строю латинской поэзии в русской псалмической традиции, отсюда и насыщенность стихотворения оборотами и словосочетаниями, которые легко принять за псалмические. Подобная «библеизация» входит в круг

¹⁶ См.: Кондратович К. Старик молодой. СПб., 1769. Ч. 2. С. 36–37.

¹⁷ См.: Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 634, 636.

¹⁸ В тексте есть только одно разночтение — «Не страшен из облак гром палящий» (в пятом стихе). Чтение «гром палящий» представляется более логичным, чем «гром парящий», известное по прежним публикациям и спискам. То обстоятельство, что сообщенный Петрулевым текст исходит из круга Феофана Прокоповича, позволяет предпочесть его чтение. «Гром парящий» — несомненно испорченное чтение, вызывавшее сомнения у переписчиков, например, в рукописном песеннике 1730-х гг. в этом месте читается «гром гремящы» (ГИМ. Собр. Уварова. № 167/2180. Л. 31 об.).

¹⁹ См.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 471.

явлений, обозначаемых как христианизация античности. Феофан Прокопович придумал этот метод не сам, он был известен уже и древнерусским книжникам, новаторство Феофана заключалось в том, что при обращении к поэзии Горация он воплотил на русской почве распространенную в западноевропейских литературах XVI–XVII вв. практику *parodia christiana*. Смысл этого приема, в отличие от свободной парافразы, заключается в том, что стилистические элементы и идейно-тематические мотивы лирики Горация используются для выражения иных или даже противоположных по отношению к этому образцу идей — религиозно-христианских, т. е. можно говорить о религиозной травестации лирики Горация. *Parodia christiana* явилась воплощением универсального постулата барокко по отношению к классическому наследию — поставить античность на службу христианству.²⁰ Произведения в духе *parodia christiana* создавались преимущественно на латыни, однако в XVII в. появляются «христианские пародии» и на национальных языках.

Эта распространенная — особенно в иезуитской среде — практика была, безусловно, знакома Феофану Прокоповичу, который несколько лет учился в Европе.²¹ Однако Феофан не просто перевел Горация в духе «христианской пародии». Благодаря удачно найденному стилистическому решению его перевод неотличим от его же собственных переложений псалмов. Добавленное четверостишие с религиозно-христианскими мотивами окончательно придает стихотворению характер духовной песни, а упоминавшиеся «финобалтицкия ... волны» — чисто русская поэтическая реалья — только способствовали органичному вхождению класси-

²⁰ См. подробнее: *Stemplinger E.* 1) *Das Fortleben der Horazischen Lyrik seit der Renaissance.* Leipzig, 1906. S. 26–27; 2) *Horaz im Urteil der Jahrhunderte.* Leipzig, 1921. S. 120–129, 203–204; *Müller H. M.* *Parodia christiana. Studien zu Jakob Baldes Odendichtung.* Zürich, 1964. S. 123–133; *Budzyński J.* *Horacjanizm w liryce polsko-lacińskiej renesansu i baroku.* Wrocław, 1985. S. 9–12; *Николаев С. И.* Отзвуки *parodia christiana* в русской литературе XVIII века // Чтения по русской литературе XVIII века М.; СПб., 2018. Вып. 8: Русская литература XVIII столетия в науке XX века; Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX века. С. 258–267.

²¹ Помимо изданий произведений Горация, у Феофана Прокоповича было, в частности, и «обработанное» издание «*Petri Rodelii e societate Jesu, Horatii ad serenissimum Galliarum Delphinum*» (Tolosae, 1683), которое он подарил, как явствует из владельческих записей, Лаврентию Горке, см.: *Мосин А. Г.* Библиотека Лаврентия Горки. Материалы для реконструкции. Екатеринбург, 1997. С. 79. В Библиотеке Академии наук были следующие издания: «*Seneca Christianus, i. e. flores christiani.* Dresdae 1623»; «*Exneri (Balth.) Valerius Maximus christianus.* Hanoviae 1645»; «*Terentius Christianus seu comoediae sacrae sex, stylo Terentiano conscriptae.* Colon. 1599» (*Bibliothecae Imperialis Petropolitanae Pars Quarta Quae Continet Libros Philosophicos, etc.* Petropoli, 1741. P. 131, 271, 378).

ческого текста в русскую поэзию. Таким образом, Феофан Прокопович в одном небольшом стихотворении одновременно использовал все три возможности адаптации гораціанской поэзии — свободный перевод,²² «христианскую пародию» и русификацию.

Второй перевод Горация, в котором также заметно влияние традиции *ragodia christiana*, — это перевод второго эпода, обнаруженный А. В. Позднеевым в рукописном песеннике 1730-х гг. и опубликованный сравнительно недавно.²³ В самом том факте, что переложение второго эпода Горация попало в песенник, нет ничего необычного — произведения Горация, в том числе и второй эпод, уже с XVI в. в Европе кладут на музыку.²⁴

Поскольку в публикации А. В. Позднеева есть целый неточностей, то привожу текст перевода, выправленный по рукописи:

Щаслив безмерно всяки крестьянин,
Жившы в деревни и безхлопотно,
Нравен он богу как христианин,
Что, щастье зная, живет свободно.

В селе отцевском быками орет,
Подати ему всяки не страшны,
Не слышит звуку в войне, что воет,
Ему ни волны морски ужасны.

Что гражданину судьи натужны!
Всякой их спеси гнева не трусит,
Мощных бояров страхи ненужны,
Щастья не ищет, как иным доступит.

Вот как здалека голос привеет
Его скотины, что бродит в поле,
Иль тут он весел, когда кто сеет,
Садит деревье по своей воле.

Косой он сърежет негодны ветвы,
А зеленели вси оставляет;
Стричь ему овцы — то лучше ествы,
В время молочно сыр выдавляет.

²² См. анализ лексических соответствий латинского оригинала и перевода: *Морозова Г. В.* Гораций в литературной теории и практике Феофана Прокоповича. С. 182–183.

²³ См.: *Позднеев А. В.* Произведения В. Тредияковского в рукописных песенниках // Проблемы истории литературы. М., 1964. С. 94–100. См. также: *Pozdnev A.* Sechs unbekannte Lieder V. Trediakovskijs // *Zeitschrift für Slawistik*. 1970. Bd 15. S. 884–885.

²⁴ См.: *Stemplinger E.* Horaz im Urteil der Jahrhunderte. S. 41–46, 435–440; *Showerman G.* Horace and his Influence. London, 1922. P. 113.

Или как в осень яблоков спелых
Готовой носит на лотках груди,
Рад он, збирая и грушпы зрелы,
Виноград красны, видом пурпуры.

Как ты, Прияпе, заплатить делом,
И ты, Силване, межи смотритель;
Лечь тут приятно под старым кленом
Или на влажной травке безбедно.

Блиско глубоки береги водны,
Сон наводящы текут криницы;
В лесе прозрачном жалко свободны
Небоязливы поют там птицы.

По многих громах, как зима станет,
Гонит собакой в частыя сети
Дикаго зверя, те что растянет,
Хоть куропатке нелзя слетети.

Труслива зайца, бежаща мимо,
Ловит забавно петлой в пожиток,²⁵
Как бы ни быстр был — ему не диво
Силно так хитро, что всио прибыток.

Придут ли в память все те раздоры,
Что гражданину — он их не вспомнит.
Ево стыдлива жена без ссоры
Сколко б ни было детей, прокормит.

Та, что сабинка апуллии скажет,
Как мне ненужна, трудолюбива,
Хоть загорела, когда с ней ляжет,
Она набожна, всегда любима.

Как муж труден в поле потеет,
Ей нет миляе, как стадо доит,
Загнано в клетки, вся в поте преет,
Пить без покупки дома готовит.

Ему не нужны устрецы свежи,
Ни стерлидь жива, вещь деликатна,
Птичек заморских не ищет к ежи,
Куропать дика, — так неприятна.

---

²⁵ Испр., в ркп. пожит.

Он себе в сытость выберет тиолку,
Воды нагреет, вложит капусту,
Целу в обеде съест²⁶ ретку горку,
Не быть бы брюху, говорит, пусту.

Празник приспеет — ягня подымет,
С репой то сварит, вот и приправа;
Когда от волка овцу отимет,
Хоть ту он жжарит, — всио не отрава.

Так когда сам едет, видит в окошко,
Что стада с поля в дом поспешают,
Тем веселяся, покинет лошку:
Ах, быка люди за роги тянут.

Ето всио видя, Алфий разсудный,
Оставив слуг всех, как рой пчелный,
Стал быть крестьянин, век кинул грузны,
Взял нрав спокойны, а не спесивый.²⁷

Этот единственный известный список, безусловно, не является автографом переводчика, имя которого в рукописи отсутствует, — в нем есть явно ошибочные чтения, не везде выдержан 10-тисложник (11 слогов в первом стихе 12 строфы и в первом стихе 17 строфы; 9 слогов в первом стихе 13 строфы и во втором стихе 18 строфы), не везде соблюдена рифма (*смотритель* — *безбедно* в 7 строфе), наконец, в стихотворении есть места, смысл которых неясен, вследствие порчи текста при переписке (например, два первых стиха 7 строфы).

Перевод выполнен, несомненное, с латинского языка. Он достаточно точен, хотя в нем есть как мелкие (*клен* вместо *дуба* 'ihex', под которым отдыхает земледелец, или отдельные эпитеты), так и более значительные отступления от подлинника, например, в последней строфе устранена ирония Горация над ростовщиком. Последнее решение, впрочем, не оригинально и имеет свою долгую традицию в восприятии поэзии

---

²⁶ *Испр., в ркп. сеет.*

²⁷ ГИМ. Собр. Уварова. № 167/2180. Л. 70 об.–75 об. Сборник песен конца 30 — начала 40-х гг. XVIII в. Филигрань: МК (лигатура), см.: *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX в. М., 1959. № 336 (1736 г.), № 353 (1727–1728, 1732–1737 гг.). Текст в рукописи не разделен на строфы; вслед за А. В. Позднеевым сохраняется для удобства деление текста на четверостишия. Пользуюсь случаем поблагодарить Е. М. Юхименко за сведения о датировке рукописи.

Горация.²⁸ Наиболее показательна с интересующей нас точки зрения первая строфа русского перевода:

Щаслив безмерно всяки крестьянин,
Жившы в деревни и безхлопотно,
Нравен он богу как христианин,
Что, щастье зная, живет свободно.

Эта строфа задает весьма определенный тон восприятия всего стихотворения, а третий стих («Нравен он богу как христианин») не оставляет сомнений в том, что переводчик хотел придать переводу дух *parodia sacra seu christiana*.

Кем был переводчик? А. В. Позднеев при публикации стихотворения решительно усвоил перевод В. К. Тредиаковскому, исходя из силлабического стиха, латинизированной расстановки слов и употреблению сниженной лексики («в поте преет»)²⁹ Между тем эти аргументы не кажутся столь убедительными при ближайшем рассмотрении. Для 1730-х гг. силлабический стих более привычен, чем силлабо-тонический. Несколько латинизированная расстановка слов объясняется скорее влиянием оригинала, а не синтаксическими пристрастиями переводчика, в оригинальных русских стихотворениях первой половины XVIII в. можно найти гораздо более изощренный поэтический синтаксис.³⁰ Сравнение первого русского перевода второго эпода Горация³¹ из рукописного песенника с переводом Тредиаковского 1752 г. также не свидетельствует в пользу атрибуции А. В. Позднеева. Перерабатывая свои прежние силлабические стихотворения, Тредиаковский в первую очередь обращал внимание на силлабо-тоническое упорядочивание силлабики — между старой

²⁸ Например, во всех многочисленных польских переложениях второго эпода в XVI–XVIII вв. ирония Горация опущена, см.: *Budzyński J.* Horacjanizm w liryce polsko-lacińskiej renesansu i baroku. S. 219. См. также: *Walecki W.* Horacjancki epod «Beatus ille» w literaturze staropolskiej (szkic zagadnienia) // *Meander*. 1972. № 7–8. S. 327–342. Вовсе выпустил эту строфу В. К. Тредиаковский, опубликовавший в 1752 г. свой перевод, см.: *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 192–195.

²⁹ См.: *Позднеев А. В.* Произведения В. Тредиаковского в рукописных песенниках. С. 96–97.

³⁰ См.: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 120–125.

³¹ М. Тетени считает, что А. Д. Кантемир «был первым русским переводчиком и знаменитого второго эпода Горация, в истолковании которого он близок поэтам конца XVIII в., в первую очередь Капнисту и Державину» (*Тетени М.* Роль античной поэзии в русском литературном развитии XVIII века. С. 354). Не ясно, о каком переводе идет речь, поскольку М. Тетени не дает никаких отсылок. Такой перевод Кантемира неизвестен.

и новой редакциями обычно очень много лексических совпадений,³² а между двумя переводами второго эпода никаких лексических соответствий нет. Не упоминает Третьяковский об этом раннем переводе и в статье «О беспорочности и приятности деревенския жизни», в которой говорит: «Имеем мы на нашем языке два перевода с сея песни и в стихах также»,³³ а далее приводит свой перевод и перевод Н. Н. Поповского. Наконец, в пользу атрибуции рукописного перевода Третьяковскому не говорит и первая строфа с элементами «христианской пародии». И дело не только в том, что взглядам Третьяковского 1730-х гг. присущ известный антиклерикализм, сколько в том, что он стремился к передаче подлинной античности посредством перевода. Поэтому крайне сомнительно ожидать от него следования некогда модной (особенно в иезуитских кругах) манере новолатинской литературы, собственно, таких опытов у него и нет. Таким образом, атрибуция Третьяковскому рукописного перевода второго эпода Горация представляется неубедительной.

Аттеза какой-либо атрибуции чаще всего предполагает выдвижение новой. К сожалению, в данном случае в нашем распоряжении нет никаких документальных свидетельств или иных надежных показаний. Конечно, есть соблазн приписать авторство рукописного перевода второго эпода Горация Феофану Прокоповичу. Как известно, корпус его стихотворений окончательно не установлен, новые тексты обнаруживаются до сих пор, возможны и новые находки.³⁴ В пользу атрибуции этого перевода Феофану Прокоповичу можно было бы привести следующие соображения. Феофан — это единственный известный нам горацинец в России 1730-х гг., который в своих обращениях к Горацию опирался на концепцию «христианской пародии». Как горацианца его воспринимали и современники, так, «другим Горацием» назвал его Третьяковский, когда по возвращении в Россию в 1730 г. прочел его латинскую оду Петру II, которая по указанию самого Феофана Прокоповича является переложением 100 псалма. Таким образом, Феофан Прокопович переводил Горация в псалмической стилистике, а парафразу псалма написал в горацианском духе. Вполне вероятно, что именно он мог начать перевод второго эпода Горация «христианской пародией».

---

³² См.: Третьяковский В. К. Избранные произведения. С. 129–134, 453–458.

³³ Третьяковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 1. С. 734.

³⁴ См.: Ничик В. М., Рогович М. Д. Феофан Прокопович в рукописных сборниках XVIII в. // Русская литература. 1976. № 2. С. 91–94; Автухович Т. Е. Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 154–160 (XVIII век. Сб. 15).

Второй эпод Горация в рукописном песеннике написан 10-тисложником. Русскими теоретическими руководствами первой половины XVIII в. этот размер предусмотрен,³⁵ однако в силлабической поэзии той поры он довольно редок, например, в известной антологии «Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.» (1970) 10-тисложник встречается только один раз — как раз в стихотворении «Кто крепок на Бога уповая...» Феофана Прокоповича, который любил редкие и новые стихотворные размеры и строфы (стоит отметить и перекрестную рифму, которую в русскую поэзию вводил как раз Феофан Прокопович, хотя после выхода в 1730 г. «Езды в остров Любви» В. К. Тредиаковского эта рифмовка уже не была новинкой поэтической техники). В текстах из рукописных песенников XVII–XVIII вв. этот размер встречается, правда, чаще,³⁶ хотя в целом для большей части песен той поры вообще характерен относительный силлабизм, а не строгий изосиллабизм.³⁷

Попытка отождествить неизвестного переводчика с Феофаном Прокоповичем на основании использования «христианской пародии» и редкого для силлабики той поры 10-тисложника с перекрестной рифмой — это всего лишь догадка, не подкрепленная надежными аргументами. Безусловно очевиден другой вывод — в первой четверти XVIII в. в русской литературе намечалась вполне определенная тенденция к восприятию античной поэзии в духе христианской религиозной травестации, тогда как культурно-историческая тенденция усвоения и творческого осмысления классического наследия, в том числе и поэзии Горация, появляется несколько позднее, в 1740–1750-х гг. Для «христианской пародии» Гораций был выбран, надо полагать, не случайно — европейские новолатинские поэты вот уже два столетия именно на его творчестве,

---

³⁵ Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 129; Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 417–418, 423–424.

³⁶ См.: Verse und Lieder bei den Ostslaven: 1650–1720. Incipitarius. I: Anonyme Texte. № 34, 56, 102, 133, 149, 183, 296, 299, 331, 354, 426, 508, 528, 576, 640, 694, 724, 799, 800, 805, 1194 (включая русские, а также транслитерированные украинские и польские); польские песни, написанные 10-тисложником: № 859, 860, 884, 886, 888, 891, 895, 901, 938, 956, 1000, 1018, 1023, 1078, 1087, 1113, 1120, 1153; Spiritual Songs in Seventeenth-Century Russia: Edition of the MS 1938 from Muzejnoe Sobranie of The State Historical Muzeum in Moscow (GIM) / Transcribed and Edited by Olga Dolskaya. Köln; Weimar; Wien, 1996. P. 100, 258 (русские песни); 62, 74, 78, 156 (украинские и польские).

³⁷ Bailey J. The Versification of the Russian Kant from the End of the Seventeenth to the Middle of the Eighteenth Century // Russian Literature. 1983. Vol. XIII–II. P. 134.

вошедшем в школьный канон, оттачивали технику «христианской пародии».

«Христианская пародия» в творчестве Феофана Прокоповича не ограничивается только Горацием и двумя названными стихотворениями — «Кто крепок на Бога упоая» и горацанской парафразой 100 псалма (латинская ода Петру II). Хрестоматийно известными стихами Овидия из «Скорбных элегий» (I, 7) он начинает свое переложение 72 псалма,³⁸ в «Поэтике» (1705) в качестве примера «пародии» приводит написанную им на латыни «элегию блаженного Алексия, в которой он описывает свое свободное и добровольное изгнание в такой же манере, как Овидий описал свое»,³⁹ а в переводе эпиграммы Марциала (IV, 21) одним лишь изменением множественного числа («Nullos esse *deos*... Adfirmat Segius») на единственное («Говорит, что *Бога* нет, Селий богомерзский») Феофан переводит эпиграмму в круг христианских ассоциаций. В первой трети XVIII в. Феофан Прокопович был, насколько нам известно, единственным поэтом, столь последовательно пытавшимся в своем творчестве воплотить идею *parodia christiana* для освоения классической поэзии русской литературой.

Следы «христианской пародии» в русской поэзии первой половины XVIII в. хотя и заметны, но все же слишком немногочисленны, а вскоре они оказались и вовсе погребены под лавиной переводов, вернее, по большей части парафраз, «соображенных с русскими обычаями и нравами». В споре «христианизация versus русификация» победила светская тенденция, воплощенная уже во второй половине 1730 — начале 1740-х гг. в переводах Анакреона и Горация, выполненных А. Д. Кантемиром.⁴⁰ Путь христианизации античности в русской культуре нового времени уже не имел перспективы развития — начавшийся со времени Петра I процесс секуляризации культуры и прямого обращения к античности просто не оставил ей места. С другой стороны, для наступающей эпохи

³⁸ См.: Русская литература — Век XVIII: Лирика. М., 1990. С. 31. Об авторстве этого переложения, долгое время приписывавшегося А. Д. Кантемиру, см.: *Автухович Т. Е.* Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72». С. 154–160.

³⁹ *Феофан Прокопович*, Сочинения. С. 356. См. подробный анализ текста: *Грузинский О.* «Elegia Alexii» Теофана Прокоповича // Записки Українського Наукового Товариства в Київі. 1907. Вип. 6. С. 20–40. Ср.: *Smorzewska H.* «Elegia Alexii» Teofana Prokopowicza: niekonwencjonalny powrót do tradycyjnego wątku // Tradycja i inwencja: Wątki i motywy obiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. Łódź, 1999. S. 73–81.

⁴⁰ См.: *Веселовский А. А.* Кантемир — переводчик Горация. (Классический мир в представлении русского писателя первой половины XVIII века) // Известия Отделения русского языка и словесности. 1914. Т. 19, кн. 1. С. 242–254.

классицизма барочный принцип смешения христианского и языческого был неприемлем по теоретическим посылкам, это основной пункт расхождения между барокко и классицизмом по отношению к античности.⁴¹ Необходимо отметить, что *parodia christiana* в русских условиях существенно отличалась от западноевропейской ситуации. В западноевропейской литературе *parodia christiana* была рассчитана на читателей, хорошо знающих оригинал, давно вошедший в школьный канон классических авторов. В России этого не было, поэтому написанные в духе «христианской пародии» стихотворения не могли быть восприняты адекватно — сам предмет пародии еще не вошел прочно в литературное и культурное сознание. «Христианские пародии» Феофана оказались произведениями с утраченным ключом. Однако барочная интерпретация античности вообще и классической поэзии в частности не исчезла вовсе — она развивалась и благополучно дожила до самого конца XVIII в. в семинарской поэзии, т. е. в породившей ее духовной среде. Добавлю, что в украинской литературе XVIII в. также встречается «христианская пародия», так, в начале 1760-х гг. Григорий Сковорода написал на латыни переработку как раз 2-го эпода Горация в духе «христианской пародии».⁴²

Выявленные следы «христианской пародии» в творчестве Феофана Прокоповича имеют, как представляется, важное значение. Позднейшая история русских переводов античной поэзии затушевала их и тем самым несколько сгладила пути освоения классической литературы в России. Теперь очевидно, что культурно-историческая интерпретация стала результатом осознанного выбора и даже внутренней борьбы в рамках противостояния «христианизация vs. русификация». Попыты Феофана Прокоповича вовсе не были бесплодны, а намеченный им путь вполне мог — хоть на какое-то время — оказаться определяющим. Благодаря своему таланту и чувству меры он очень умело и тонко использовал принципы «христианской пародии», в результате чего его стихотворение «Кто крепок на Бога уповая...» долгое время вводило в заблуждение исследователей, превратившись в троянского коня античной поэзии, из которого, правда, герои классической древности так и не выбрались наружу.

---

⁴¹ См.: Живов В. М., Успенский Б. А. *Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII в.* // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4. С. 449–535.

⁴² Савчук О. «*Inveni portum...*»: о рецепции одной латинской эпитафии в творчестве Сковороды // *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo* / A cura di Giovanna Brogi Bercoff, Maria Di Salvo, Luigi Marinelli. Alessandria, 1999. P. 208.

«ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ» ЭПИГРАММА ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Историка русской лексикографии не может не привлечь изящная эпиграмма Феофана Прокоповича (1681–1736), воздающая должное мучительному труду составителей словарей:

К сложению лексиков

Если в мучительския осужден кто руки,
ждет бедная голова печали и муки.
Не вели томить его делом кузниц трудных,
ни посылать в тяжкия работы мест рудных.
Пусть лексики делает: то одно довлеет,
всех мук роды сей один труд в себе имеет.¹

В рукописях и изданиях XVIII в. эпиграмма встречается и под другим названием — «О труде в сочинении лексиконов» с пометой автора «Перевод Скалигеровой эпиграммы» или «Из Скалигеровых стихов о сочинении лексиконов», причем в рукописях приводился и латинский оригинал. В современных изданиях стихотворений Феофана Прокоповича комментарий к эпиграмме не дает ни даты, ни повода ее написания и сводится к пояснению, что это «перевод эпиграммы итальянского философа, филолога и поэта Ю. Ц. Скалигера (1484–1558)».² Между тем этот комментарий неверен, таких стихов в обширном поэтическом наследии Юлия Цезаря Скалигера нет. Однако указание самого Феофана Прокоповича — «Перевод Скалигеровой эпиграммы» — справедливо, просто эпиграмма написана не Юлием Цезарем, а его сыном Иосифом

---

¹ *Феофан Прокопович*. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 224.

² См.: Там же. С. 489. Здесь же приведен и латинский текст с подстрочным переводом.

Юстом Скалигером (1540—1609), не менее знаменитым в свое время филологом.³

Попытка расширить комментарий и установить, когда и почему эпиграмма была переведена, имеет свое основание. Дело в том, что Феофан Прокопович, обремененный многообразными церковными и государственными заботами, стихи писал от случая к случаю, все его поэтическое наследие на «славянском» языке не превышает и тысячи строк. Из десятка написанных им эпиграмм почти все приурочены к какому-либо событию или житейскому эпизоду, что и отражено в названиях: «На день 25 февраля», «О Ладожском канале», «На приход Ее Императорского Величества Анны Иоанновны, когда нас в приморской мызке нашей посетить изволила» и т. д. Маловероятно, что Феофан Прокопович перевел эпиграмму Скалигера просто для гимнастики остроумия. Более логичным будет предположение, что он откликнулся на какой-то конкретный лексикологический труд.

Язык эпиграммы позволяет отнести ее к великорусскому периоду жизни Феофана Прокоповича, то есть к 1716–1736 гг. За эти два десятилетия в России было издано несколько словарей: «Лексикон голландско-русский» Я. В. Брюса (1717), славяно-польский словарь (1722), «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана (1731).⁴ Эпиграмму эту можно, конечно, отнести к любому из названных изданий, но вряд ли автор их имел в виду. Какая-либо личная связь Феофана Прокоповича с этими словарями не прослеживается, к тому же это были не собственно составительские труды, а переводы или обработки других словарей. А вот намек на «мучительския руки», «печали и муки» мог быть очень уместен по адресу одного забытого лексикографа Петровской эпохи, с работой которого Феофан Прокопович был знаком.

В 1714 г. в Россию из Турции вернулась группа повинившихся и прощенных мазепинцев (их судьбе посвящено стихотворение Феофана Прокоповича «Запорожец кающийся»). Среди них оказался Иван Петрович Максимович (скончался в Москве в 1732 г.), племянник покойного митрополита Иоанна Максимовича, плодовитейшего стихотворца начала XVIII в.⁵ Бывшему стороннику гетмана Мазепы было запрещено возвращаться на Украину и в документах ему предписывалось жить безвы-

³ См. текст эпиграммы в кн.: *Scaliger I. J. Poemata omnia*. Leyden, 1615. Pt. 1. P. 35.

⁴ См.: *Вомперский В. П.* Словари XVIII века. М., 1986. С. 14–23.

⁵ См.: *Николаев С. И.* Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 385–399.

ездно в Москве. Особенно тяжелы были первые годы жизни в Москве: И. П. Максимович страдал как от безденежья, так и от бездействия. Наконец, он сам нашел себе занятие: в 1718 г. он перевел с латыни сборник стихотворений бельгийского мистика Германа Гуго, а затем приступил к составлению латинско-русского словаря. В предисловии к законченной только в 1724 г. работе он писал о трудностях перевода с латинского без хорошего словаря, а потому решил «тоскливое время мое иждивати на чтании священных книг латинских, купно и славенских, ради удобнейшаго в сицевых преводах искусства. И не токмо сицевому прилежащ чтению, вся еже внятию моему неудобна вменяхуся отменя, но и отмеченная преписовая и по чину алфавита чинопологая, неколико иждивих лет, вознамерен бо бех краткое собрание во образ лексикона латинославенскаго собственной ради нужды и ползы своей составить».⁶

Во время работы он страдал от нужды и болезней: «Аз настоящему труду чрез шесть лет подлежа, ибо первые три лета на чтении книг, яко выше воспоминах, потом от составления святейшаго синода се уже третий год в сочинении сего дела изнуряю и вся дни и вся нощи непрестанно и з самым малейшим иногда плоти упокоением на сие дело иждивая, тяжкими недуги на всяк год одержим бех, паче же сими тремя последними леты. И перваго суффусию или темную воду очесам случайную, втораго — звук во ушесех, третиаго — скорбут или цынготную болезнь теми приснорачительными стяжах себе трудами».

Неожиданную помощь и ободрение И. П. Максимович получил в начале 1722 г., когда Петр I, весь двор и Синод были в Москве на праздновании победы в Северной войне. Лексикограф изыскал случай показать свой уже наполовину готовый словарь «того ж святейшаго синоду вице-президенту, сиятельному и премудрейшему мужу, его преосвященству кир Феофану Прокоповичу, архиепископу псковскому и нарвскому, иже сообщил оный всему в собрании святейшему синоду». Синод одобрил словарь, и Феофан передал Максимовичу, чтобы он «начатое дело восприятым трудом совершити потщался». Ободренный И. П. Максимович продолжил свой «многоскучный и долговременный подвиг» и в 1724 г. поднес готовый словарь Екатерине I во время ее коронации.

Нетрудно заметить, что эпиграмма Феофана Прокоповича поразительно точно отражает судьбу составителя словаря. Она полна не только почтения к труду лексикографа, но и сочувствия к нему самому. (Макси-

---

⁶БАН. 32.6.2. Л. VIII–XXI об. Все цитаты приводятся по этому списку.

мович, кстати, закончил Киево-Могилянскую академию, где, вероятно, и мог познакомиться с Феофаном, своим сверстником.) Исходя из этого, считаю возможным рассматривать эпиграмму «К сложению лексиков» откликом на труд И. П. Максимовича и датировать ее условно 1722 г.

Почему все-таки Феофан Прокопович воспользовался эпиграммой Скалигера? С одной стороны, «заемное остроумие», по выражению А. С. Пушкина, в те времена, да и много позднее, пороком не считалось. С другой стороны, Феофану, одному из иерархов русской церкви, было, может быть, не с руки посвящать стихи бывшему мазепинцу. Скорее же всего дело в том, что Феофан Прокопович мог здесь блеснуть чисто барочным остроумием: написанная более столетия назад эпиграмма неожиданно наполнилась в точном русском переводе яркими и трагическими реалиями жизни русского лексикографа.

История словарного дела в русской поэзии XVIII в. не очень богата и не очень ярка, неудивительно, что она канула в Лету.⁷ Но есть одно исключение. Эпиграмме Иосифа Скалигера, переведенной Феофаном Прокоповичем, была уготована совсем другая судьба. Впервые она была напечатана в 1769 г. К. А. Кондратовичем,⁸ второй раз — сто лет спустя И. А. Чистовичем,⁹ а затем попала в сборник «Вирши» (1935)¹⁰ и печаталась в разных подборках его стихотворений, причем во всех этих публикациях автором латинского стихотворения назывался не Иосиф Скалигер, а его отец, Юлий Цезарь Скалигер (1484–1558). И. Н. Розанов, автор предисловия к сборнику «Вирши», указал ее академику Л. В. Щербе, который писал в предисловии ко 2-му изданию «Русско-французского словаря»: «В заключение не могу не подчеркнуть, что словарное дело исключительное трудное дело; это прекрасно понимали и творцы западноевропейской науки в XVI веке и зачинатели нашего современного литературного языка в начале XVIII столетия, как об этом свидетельствует следующий замечательный перевод Феофана Прокоповича интереснейшего стихотворения Скалигера»¹¹ и далее привел текст эпиграммы. Все последующие переиздания словаря включают эту эпиграмму (по-

⁷ См.: Николаев С. И. Словари и словарное дело в русской поэзии XVIII века // Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. СПб., 2009. С. 85–94.

⁸ См.: Кондратович К. Старик молодой. СПб., 1769. Ч. 3. С. 49.

⁹ См.: Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 601.

¹⁰ Вирши: Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков. Л., 1935. С. 181.

¹¹ Щерба Л. В., Матусевич М. И. Русско-французский словарь. М., 1939. С. 7.

следнее издание — 15-е, 1997). Дважды предисловие перепечатывалось и в избранных трудах Л. В. Щербы.¹² Эпиграмму Феофана Прокоповича цитирует Л. В. Успенский в своей популярной книге «Слово о словах»,¹³ которая перепечатывалась огромными тиражами несколько раз. А В. П. Берков завершил свой учебник «Двуязычная лексикография» (1996; 2 издания) Приложением «О лексикографическом труде», где писал: «Тем, кто посвятил или решил посвятить себя лексикографическому труду, полезно знать стихотворение голландца Иосифа Юстуса Скалигера, профессора Лейденского университета, выдающегося специалиста по классическим языкам. Стихотворение это написано Скалигером по-латыни и переведено на русский язык Феофаном Прокоповичем»¹⁴ и далее приведен текст эпиграммы, завершающий учебник. Удивительная судьба эпиграммы Феофана Прокоповича, целое столетие сопровождающей отечественные лексикографические работы, с лихвой искупает скудость русской словарной поэзии XVIII в., а во многом и повторяет судьбу оригинальной эпиграммы Скалигера.¹⁵

---

¹² См.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 312. (2-е изд.: М., 2004).

¹³ См.: Успенский Л. В. Слово о словах. (Очерки о языке). М., 1960. С. 185.

¹⁴ Берков В. П. Двуязычная лексикография: Учебник. СПб., 1996. С. 245. (2-е изд.: М., 2004).

¹⁵ И в западноевропейской лексикографии эпиграмма Скалигера часто сопровождает издания словарей, см., например: *Gesenius W. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament.* Leipzig, 1910 (в этом издании словаря (15-м!) эпиграмма напечатана на обороте титульного листа).

ЭПИГРАММА ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА НА Ж.-А. ТУРРЕТИНА

Корпус сочинений Феофана Прокоповича до настоящего времени окончательно не установлен: неизвестные произведения отыскиваются в рукописных собраниях,¹ его авторство восстанавливается и уточняется методами аттезиса и атрибуции,² а какие-то ранее опубликованные произведения вновь приходится извлекать из забвения, поскольку они по тем или иным причинам выпали из научного оборота.³ Как раз последнее и случилось с одной его эпиграммой.

В 1957 г. Л. А. Петров привел пять строк из найденной им в рукописи неизвестной эпиграммы Феофана Прокоповича на женевского богослова Ж.-А. Турретина,⁴ затем в 1962 г. И. В. Шкляр опубликовала полный текст эпиграммы по той же рукописи.⁵ Однако на этом история изучения эпиграммы закончилась — она не была включена ни в одно из претендующих на полноту изданий стихотворений Феофана Прокоповича

---

¹ См.: *Козлов О. Ф.* Два неизвестных сочинения XVIII в. о Синоде и монастырских доходах // Сов. архивы. 1972. № 3. С. 76–82; *Ничик В. М., Рогович М. Д.* Феофан Прокопович в рукописных сборниках XVIII в. // Русская литература. 1976. № 2. С. 91–94.

² См.: *Cracraft J.* Did Feofan Prokopovich really write the «Pravda voli monarshei»? // *Slavic Review*. 1981. No. 2. P. 173–193; *Автухович Т. Е.* Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 154–160 (XVIII век. Сб. 15).

³ См.: *Мусеева Г. Н.* Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979. С. 37–48; *Николаев С. И.* «Эмблемы и символы к воротам триумфальным» Феофана Прокоповича (1727) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 11–13 ноября 1997 г. Новгород, 1997. С. 109–112.

⁴ См.: *Петров Л. А.* Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск, 1957. С. 69.

⁵ *Шкляр И. В.* Формирование мировоззрения Антиоха Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 148–149.

или дополнения к ним⁶ и не попала в библиографию его произведений.⁷ Вместо того, чтобы увеличить не столь уж большой по объему корпус стихотворных произведений Феофана Прокоповича на русском языке, эпиграмма парадоксальным образом «затерялась» на страницах академического сборника. Поскольку в публикациях Л. А. Петрова и И. В. Шкляр эпиграмма напечатана с рядом неточностей и никак не прокомментирована, то эти обстоятельства позволяют, как представляется, вновь обратиться к этой эпиграмме. Вот ее текст, выверенный по рукописи:

Феофан, архиепископ Новгородский, к Турретину
Турретин миролюбный, брани вождь духовной,
Что щитишь христианства полк без брани⁸ кровной?
Вижу и понимаю глазами моими,
Коль ясно доводами правду щитишь сими.
Но кто б⁹ достойно тебя похвалил? Не знаю.
Я¹⁰ себя должным тебе право признаваю,
Не тем, чтоб я въпервыя веры сим учился,
Ибо и от матери верным я родился,
Но что чрез сие даешь спознать злы затей,
Эпикура и Пирра смело бить по шей.
И так буду чрез сие твердый отвещатель
Всякому, вправду хоть он враг мой иль приятель.¹¹

Л. А. Петров, обнаруживший это стихотворение в рукописи, назвал его «собственноручной надписью» Феофана Прокоповича.¹² Действительно, размашистая скоропись и правка в тексте могут навести на мысль об автографе, тем более что основной текст рукописи написан профессиональным писарским почерком. Однако рукопись написана на бумаге, изготовленной после смерти Феофана Прокоповича, а сравнение почерка

⁶ См.: *Феофан Прокопович*. Сочинения. М.: JL, 1961. С. 209–226; Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. JL, 1970. С. 266–286. (Б-ка поэта. Большая серия); *Феофан Прокопович*. Філософські твори: В 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 345–358.

⁷ См.: *Cracraft J.* Feofan Prokopovich: A Bibliography of His Works // *Oxford Slavonic Papers*. 1975. Vol. 8. P. 1–36.

⁸ Испр., в ркп. *брони*.

⁹ Далее в ркп. зачеркнуто *тебя*.

¹⁰ Далее в ркп. зачеркнуто *должен*.

¹¹ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1533. Л. 1а. Рукопись середины XVIII в., 177 л., в лист, водяной знак — «Pro Patria» (*Клепиков С. А.* Филлиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX в. М., 1959. № 955 — 1743, 1764 гг.).

¹² См.: *Петров Л. А.* Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. С. 69.

с известными автографами не подтверждает предположения об автографе.¹³

Л. А. Петров и И. В. Шкляр пишут, что надпись Феофана Прокоповича сделана на рукописи перевода с латинского книги «Рассуждение богословское о истинне богомудрия христианскаго» Ж.-А. Турретина. В обширном наследии плодovitого протестантского богослова Жана-Альфонса Турретина (1671–1737), действительно, есть сочинение под таким названием — «Disputatio theologica de veritate religionis christianae» (Genevae, 1721).¹⁴ В рукописи РГАДА представлен довольно точный перевод именно этой книги, ср.: «Thesis prima. Demonstratam, thesibus antecedentibus, revelationis veteris, seu, quod idem est, „Judaicae religionis veritate“, sequitur, ut ad demonstrandam revelationis novissimae, hoc est, Christianae religionis veritatem jam accedamus» (р. 1) — «Предложение первое. Показавше в предложениях преждеписанных откровения ветхаго или, что тож самое есть, иудейскаго благочестия, истинну, следует уже чтоб к познанию откровения новаго, то есть христианскаго закона истинне мы приступили» (л. 1в); «Sectio prima, qua religionis christianae veritas, ex ipsa doctrinae, seu credendorum praectantia colligitur» (р. 3) — «Часть первая, в которой христианскаго закона истинна из самаго учения или веруемых высочества показуется» (л. 2).

Сочинение Турретина невелико по объему — в книжке 51 страница в четвертую долю листа, поэтому и перевод ее занимает в рукописи немного места и завершается на л. 29. Следует отметить, что фамилия Турретина встречается в рукописи только в названии эпиграммы Феофана Прокоповича, а в самом тексте произведения автор вообще не указан, поэтому исследователи (Л. А. Петров и И. В. Шкляр) приписали все сочинение в рукописи Турретину, основываясь лишь на эпиграмме. Другие источники этого труда еще предстоит выявить. Определенные указания можно найти в биографии Феофана Прокоповича, написан-

---

¹³ См. фотовоспроизведения его автографов: Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI–XVIII вв. / Под ред. А. И. Соболевского. СПб., 1906. № 66; *Никольский А. И.* Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1906. Т. 2, вып. 1. (Снимки помещены в конце тома); *Феофан Прокопович.* Философські твори: В 3 т. Київ, 1979. Т. 1. С. 463; Т. 3. С. 337.

¹⁴ Подробнее о нем и его сочинениях см.: *Grosses vollständiges Universalexicon aller Wissenschaften und Künste.* Leipzig; Halle, 1745. Bd. 45. Sp. 1990–2001; *Guérard J.-A.* La France littéraire, ou dictionnaire bibliographique. Paris, 1838. Т. 9. P. 586–587. — В библиографиях книга приводится под названием «Tres dissertationes theologicae de veritate religionis christianae». Здесь название книги и цитаты приводятся по экземпляру издания 1721 г. из библиотеки «Franckesche Stiftungen» (Германия, г. Галле).

ной его другом, известным ориенталистом, академиком Петербургской Академии наук Теофилом-Готлибом-Зигфридом Байером (1694–1738). Перечисляя сочинения Феофана Прокоповича, он, в частности, назвал труд «*De veritate religionis Christianae ex Hugone Grotio, Labadio, Turetino aliisque in lingua slavonica librum satis prolixum compilavit*» («На основе Гуго Гроция, Лабадия, Турретина и прочих составил довольно пространную книгу на славянском языке об истинности христианской религии»).¹⁵ Такое сочинение Феофана Прокоповича до сих пор не было известно, и теперь есть все основания полагать, что в рукописи РГАДА представлено именно оно.

Никакими датирующими сведениями мы не располагаем, очевидно лишь то, что и эпиграмма, и само «Рассуждение...» появились после выхода книги Турретина, т. е. после 1721 г. Исходя из того, что Байер поместил сочинение Феофана в конце своего списка и заметил, что книгу ожидают нападки («*qui proelium exspectat*»), можно осторожно предположить, что речь идет об одном из последних трудов Феофана, т. е. эпиграмма и «Рассуждение...» появились, вероятно, в первой половине 1730-х гг.

Внимание к Турретину в России привлек именно Феофан Прокопович.¹⁶ Хотя на русский язык было переведено только одно его сочинение, определенный интерес к нему сохранился и позднее. В Новгородской духовной семинарии преподавание богословия велось в том числе и по его трудам, что видно из сохранившейся в собрании семинарии латинской рукописи его «Созерцательного богословия». В самой рукописи есть записи на русском языке о том, что по ней велось преподавание в Александро-Невской семинарии (с 1795 г.), а затем в академии (с 1797 г.) в Санкт-Петербурге.¹⁷ Таким образом, Турретин-богослов был известен в кругах преподавателей русских духовных училищ. Известность эта началась с Феофана Прокоповича, который посвятил швейцарскому богослову вполне одобрительную эпиграмму и предпослал ее своему переводу его богословского сочинения.

---

¹⁵ *J. Beier Th. G. S. J. Vita Theophanis Procopovitsch // Nordische Nebenstunden. Frankfurt, Leipzig, 1776. Th. 1. S. 265.*

¹⁶ Надо отметить, что в описи библиотеки Феофана Прокоповича книг Турретина нет, см.: *Верховский П. В. Учреждение духовной коллегии и «Духовный регламент».* Ростов н/Д, 1916. Т. 2. Отд. 5; *Феофан Прокопович. Філософські твори: В 3 т. Т. 3. С. 378–442.*

¹⁷ См.: «*Theologia contemplativa*» Ж.-А. Турретина (РНБ. Ф. 522 (собр. Новгородской духовной семинарии), № 9; 376 л.; кон. XVIII в. (бумага с датой 1791 г.)).

АНЕКДОТ В ПРОПОВЕДИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

В 1762 г. А. П. Сумароков напечатал басню «Кисельник», герой которой, бросив свое неприбыльное занятие, решил заняться воровством. Забравшись в церковь, он украл икону и показал ее своему другу,

А тот его журил:
«Кафтана твоего не может быть гаже,
Ты весь от масла будто в саже.
Пристойно ль в олтаре в такой одежде красть?
Не меньше я тебя имею эту страсть
И платьице почище я имею,
Да я из олтаря украсть не смею».
Кисельник отвечал: «Не знаешь ты Творца,
Отъемля у меня на Вышнего надежду:
Не смотрит Бог на чистую одежду —
Взирает он на чистые сердца».¹

Источник басни Сумарокова выявлен давно — это известное «Слово о власти и чести царской» (1718) Феофана Прокоповича. Рассуждая о ханжеском лицемерии, проповедник привел следующую историю: «Два человека вошли в церковь, не помолитися, но красти. Один был в честном платье, а другой в рубище и лаптях. А договор был у них не во общую корысть збирать, но кто что захватит, то его. Лапотник искуснейший был и тотчас в олтарь да на престол и, обираючи, заграбил что было там. Взяла зависть другаго. И аки бы с ревности: «Ни ли ты, — рече, — боишися Бога, в лаптях на престол снятый дерзнул». А он ему: «Не кричи, брат, Бог не зрит на платье, на совесть зрит».²

¹ Сумароков А. Притчи. СПб., 1762. Кн. 2. С. 51.

² Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 91.

Забавный случай или шутка вовсе не редки в духовном красноречии, недаром *exemplum* считается предшественником ренессансной новеллы. Они встречаются как в средневековых *exempla*, так и в барочном проповедничестве, в частности, в восточнославянских «предиках» XVII–XVIII вв.³ Так, в слове на рождество Иоанна Предтечи (1690-е гг.) Стефан Яворский вставил небольшой рассказ: «Иконописец един, по-нашему маляр, маючи указ — исполина албо олбрима на малой таблице изобразити, намалевал един только палец знатной величины с таким надписом: не треба ту олбрима всего малевати, бо з пальца каждый может олбрима познати».⁴ У Гавриила Бужинского в проповеди 1717 г. читается развернутая новелла, которую вполне можно было бы встретить в сборнике переводных фацевий: «Обретох в некоторых потешных историях сие. Некий стихотворец, хотяши восприяти от Августа кесаря римскаго милостыню, часто, идущу кесарю в храм со всем сенатом, подаваше ему место просительной челобитной честно сложенные стихи. И егда часто сие творяще, не могл бедный ничтоже испросити, понеже кесарь скуп и лакомый бяше. Видящи же кесарь, яко нищий стихотворец не престае ему стихами своими докучати, единою сам приготовил стихи и егда идяще в храм и стихотворец предстал ему со стихами, он своя стихотворцу отдаде стихи; сия убогий поэта прочетши и похваливши в себе, изем от убогого кармана монету, которую и последнюю имел, и, приступиши смиренно до кесаря, даде ему, глаголющи: «Не по достоинству стихов твоих даю тебе, Августе, аще бых больше имел, больше бы дал тебе». Сие слыша, егда вси в смех обратились, призвав казначея, кесарь от приращения сто тысящей сестерциев повеле поете дати».⁵

Обычный источник подобных историй — классические древности, так, Гавриил Бужинский сам указал, что извлек рассказ из «Сатурналий» Макробия. Показателен в данном случае и зачин «обретох... в историях». *Exemplum* же Феофана Прокоповича не просто ориентирован на структуру устного рассказа,⁶ он явно выхвачен целиком из устной языковой стихии, и в этом большая ценность проповеди Феофана, поскольку уст-

³ См.: *Крекотень В. І.* Оповідання Антонія Радивилівського: З історії української новелістики XVII ст. Київ, 1983.

⁴ *Чистович І.* Неизданные проповеди Стефана Яворского // *Христианское чтение*. 1867. Ч. 1. С. 422.

⁵ *Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727)* / Издал Е. Петухов. Юрьев, 1901. С. 58.

⁶ Ср.: *Гуревич А. Я.* «Exempla» — литературный жанр и стиль мышления // *Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино*. М., 1988. С. 180.

ная культура XVII — начала XVIII в. обычно изучается либо по «сказаниям иностранцев»,⁷ либо по косвенным и зачастую тенденциозным документальным источникам.⁸

Анекдот Феофана Прокоповича уже обращал на себя внимание. О. А. Державина посчитала это место в проповеди типичной фацицией, но отметила, что «ни в русских, ни в польских фацициях такого рассказа нет».⁹ Действительно, в польских печатных сборниках такой анекдот нам также не встретился, хотя в XVII в. польских юмористических сборников было напечатано много.

Но анекдот все же известен по польскому рукописному сборнику XVIII в.: «Как-то осенью вор подговорил себе помощника и забрались они в костел; старший влез на алтарь в грязной обуви и стал сдирать с алтаря серебро. А только что принятый ученик его говорит: «Эх, перепачкал ты своими ножищами такие чудные покрывала». А старший на это отвечает: «Эх, дурень ты, дурень! Бог смотрит на чистое сердце, а не на грязные ноги».¹⁰ Феофан Прокопович, знавший польскую не только книжную, но и устную культуру вовсе не понаслышке, пересказал анекдот с минимальными переделками для православных слушателей. И это не единственный польский анекдот в проповедях Феофана Прокоповича.¹¹

Взаимопереплетение в проповеди высокой книжной учености и фольклорной стихии довольно обычно для духовного красноречия, в том числе и русского,¹² но польский анекдот в «Слове о власти и чести царской», позднее отозвавшийся в творчестве Сумарокова, позволяет поставить вопрос о роли устной традиции в польско-русских литературных связях.

---

⁷ См.: Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 43–48, 58–63; Николаев С. И. Новелла в «Дневнике ц путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 162–167.

⁸ См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

⁹ Державина О. А. Фациции. Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 85.

¹⁰ Dawna fაცეცა polska (XVI–XVIII w.) / Oprac. J. Krzyżanowski i K. Żukowska-Billip. Warszawa, 1960. S. 495. Другой вариант см. в кн.: Ze starych szpargałów śp. Karola Żery fraszki i opowiadania. Warszawa, 1893. S. 39.

¹¹ См.: Феофан Прокопович. Слова и речи. СПб., 1765. Ч. 3. С. 163–164; Николаев С. Польский гуманизм XVI–XVII вв.: взгляд из Московской Руси // Slavia Orientalis. 2009. № 3. S. 275.

¹² См. отрывки из проповеди о суевериях Симона Кохановского 1721 г. в кн.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 492–494.

«ЭМБЛЕМЫ И СИМВОЛЫ К ВОРОТАМ ТРИУМФАЛЬНЫМ» ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА (1727)

В истории русской эмблематической литературы первой трети XVIII в. имя Феофана Прокоповича обычно связано только с выполненным в его бытность префектом Киево-Могилянской академии (т. е. в 1707–1711 гг.) по указу Петра I переводом с латинского языка дидактического сборника испанского дипломата и писателя Диего де Сааведра Фахардо (1584–1648) «Изображение христиано-политического властелина; символами объясненное».¹ Это было не единственное поручение, связанное с эмблематикой. В одном из писем А. И. Остерману (без даты) Феофан писал: «Писание Вашего превосходительства получил я сего июля 2 дня, в котором любовную ко мне благосклонность показуя, изволите требовать изобретения некоей эмблемы на фейерверк в честь ея высочества государыни великой княжны (Натальи Алексеевны. — С. Н.) в день рождения ея. И я, любовь превосходительства Вашего за утверждение моея к Вам любви имея, на толь честное и важное Ваше требование охотно склонясь, сколько могл о требуемом изображении помыслил, и пришло мне на память, что у древних поэтов луна сестрою солнца нарицается; известно же, что луна от солнца свет свой приемлет, и того ради показалось мне не неприличная торжествованию сему эмблема: в концах полусферы земной на одной стороне солнце, а на другой луна от солнца просвещается в знаменование сестры государевой, славу свою от государя, брата своего, имеющей, и над ними треугольник сияющий, свет всех светлостей виновный с надписанием на три места разнятым «От того чрез сего свет мой». Каково ж то ни есть мое вымышление, предаю лю-

---

¹ См.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. Библиографические материалы. СПб., 1908. С. 33–34; *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 31–33.

бомудрому разсуждению Вашему».² В этом письме изложен не только ход размышлений Феофана, но и дано истолкование эмблемы.

Обширное эмблематическое сочинение было создано Феофаном ко дню коронации Петра II. С воцарением нового монарха в мае 1727 г. для Феофана Прокоповича наступил тяжелый период: из-за происков недоброхотов его положение значительно ухудшилось, и он изыскивал разные способы упрочить его, в том числе и литературными трудами. В 1727 г. он пишет в честь Петра II оду на латинском языке, которую вручил императору во время его проезда через Новгород в январе 1728 г.³ Петра II встречали в Новгороде с чрезвычайной пышностью. Феофан «принял его величество при триумфальных воротех, которые инвенциею его преосвященства самого преславно построены».⁴ Это событие подробно описано Феофаном в сочинении «Пришествие в Новгород его императорского величества государя императора Петра Второго 1728, генваря 11 дня». Наконец, в феврале Феофан произнес в Москве «Речь, которою его императорское величество при вшествии своем в Москву у триумфальных синодальных ворот от духовнаго чина поздравлен» и «Речь, которою его императорское величество Петр Второй по коронации от всех чинов поздравлен в Москве».

Упомянутые триумфальные ворота для коронации были изготовлены по поступившему в Синод указу Петра II от 14 октября 1727 г. В указе предписывалось «убрать те ворота пилярами и картинами с надписями ко входу нашему в Москву приличными. А каким картинам и надписям у всех троих ворот быть, о сем выбрать приличное в Синоде и представить в Верховном тайном совете немедленно».⁵ 16 октября в Синоде было решено использовать ворота, оставшиеся от празднеств 1721 и 1722 гг., «а каким картинам и надписям у тех синодальных, так же и у протчих ворот быть, тому приличное выбирать и в Верховном тайном совете представлять преосвященным Феофану, архиепископу великоновгородскому и великолукскому, Феофилакту, архиепископу тферскому и кашинскому, и что по апробации утверждено будет, для известия объявить в святейшем Синоде» (л. 2 об.–3).

² ГИМ. Собр. Вахрамеева № 763. Л. 550 об. Ср. современный перевод на украинский язык: *Феофан Прокопович. Філософські твори*. Київ, 1981. Т. 3. С. 234.

³ См.: *Берков П. Н.* Одно из первых применений эзоповского языка в России (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1727 г.) // *Проблемы теории и истории литературы*. М., 1971. С. 74–82.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1728. № 5. 16 янв. С. 20.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 8. № 301. Л. 1–1 об. Далее ссылки на это дело даются в тексте.

Уже 25 октября Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский доносили об исполнении поручения: «...и каковые эмблемы примыслили мы, при сем предлагаем» (л. 7). К доношению был приложен написанный Феофаном Прокоповичем текст «Эмблемы и символы к воротам триумфальным на коронацию императорского величества Петра Второго» (л. 8–17 об.). То, что автором эмблем был один Феофан, явствует из первых слов текста: «По разсуждению Феофана, архиепископа Новгородского...». К тому же трудно предполагать совместное творчество обоих архиереев — двух давних оппонентов.

Об участии Феофана Прокоповича в сочинении эмблем и надписей известно давно,⁶ более того, сам текст «Эмблем и символов» был издан еще в XIX веке,⁷ между тем это сочинение отсутствует как в самой полной библиографии его произведений,⁸ так и в подробной библиографии славянской (в том числе русской) эмблематической и геральдической литературы.⁹

Собственно эмблемам и символам предпослано небольшое предисловие, в котором Феофан писал: «По моему разсуждению символы и эмблемы, т. е. тайно образующая вещей подобия, которые к императорской коронации приличествуют, двоевидныя быть имеют: первыя славу коронации изъясляющыя, в которых образуетя честь высокая, власть верховная, достойное наследие, и кто и по кому наследием приемлет скипетр и прочая; другия, показующыя добродетели государю должныя: мудрость, мужество, благочестие, милость, правосудие, бодрое о добре общем попечение и проч. И потому обоего вида зде эмблемы и символы предлагаются, да и еще двоякие: одни болшия, которые писать на болших средних картинах, а другия меншия, которые писать по картинам меншим, по сторонам» (л. 8). Далее следует описание символов и эмблем. «Первыя, славу коронации изъясляющыя», состоят из 14 «болших»¹⁰

---

⁶ См.: *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 228. См. также: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1890. Т. 7. С. 4–6. № 2280.

⁷ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1885. Т. 7 (1727 г.). Стб. CLIX–CLXXI.

⁸ См.: *Cracraft J.* Feofan Prokopovich: a Bibliography of His Works // *Oxford Slavonic Papers*. New Series, 1975. Vol. 8. P. 1–36.

⁹ См.: *Kroll W.* Heraldische Dichtung bei den Slaven. Mit einer Bibliographie zur Rezeption der Heraldik und Emblematik bei den Slaven (16.-18. Jahrhundert). Wiesbaden, 1986.

¹⁰ Например: «Отрок на руке своей держит большой глобус, а с стороны рука из облака руку его поддерживает. Надписание: „Десница Господня сотвори силу“. Псал. 117» (л. 9).

и 26 «менших»¹¹ картин (л. 8 об.–11); «второря показывают добродетели, государю должныя» и включают 13 «болших» и 19 «менших» картин (л. 11 об.–14). Помимо этого, даны подробные указания, какими еще символами и эмблемами должны быть украшены триумфальные ворота — всего 9 «болших» и 35 «менших» символов (л. 14 об.–17 об.).

Поскольку триумфальные ворота следовало возвести «в самой крайней скорости» (л. 2 об.), то готовый проект эмблем Феофан Прокопович представил уже через десять дней. Безусловно, он пользовался при этом какими-то эмблематическими сборниками, что было распространенной практикой в таких случаях. В России обычно пользовались сборником «Символы и эмблемата» (Амстердам, 1705).¹² Этот сборник был, безусловно, известен Феофану, и в его собственных «Эмблемах и символах» восемь эмблем имеют соответствия в амстердамском печатном сборнике. Еще для восьми эмблем соответствия отыскиваются в переведенном Феофаном двумя десятилетиями ранее сборнике Диего де Сааведра Фахардо.¹³ Но одно лишь наличие этих соответствий не позволяет безоговорочно признать эти книги источником «Эмблем и символов» Феофана Прокоповича, поскольку и сами они имеют свою сложную историю.¹⁴ Что касается «надписаний», т. е. девизов на латинском языке к каждой эмблеме, то их, возможно, сочинил сам Феофан, т. к. только один девиз из его сочинения встретился в амстердамском сборнике «Символы и эмблемата».¹⁵

В конце 1727 — начале 1728 г. Феофан Прокопович в ряде обращенных к Петру II произведений изложил в стихах, в прозе и эмблемах, как он понимает «добродетели государю должныя: мудрость, мужество, благочестие, милость, правосудие, бодрое о добре общем попечение и проч.». Трудно сказать, насколько действенным был его «урок царю», но его личное положение несомненно упрочилось.

¹¹ Например: «Фортуна на колесе, которое в камень увязло. Надписание: «Stare cogitur». Нужда быть постоянной» (л. 10 об.).

¹² Ср.: Воронихина А. Н. Триумфальные ворота 1742 г в Санкт-Петербурге // Русское искусство барокко. Материалы и исследования. М., 1977. С. 159–172.

¹³ См.: Saavedra Fajardo D. de. Idea Principis Christiano-Politici, Centum Symbolis expressa. Amsterdam, 1651.

¹⁴ См.: Хитнислей Э. Р. К вопросу об источниках амстердамского издания «Символы и эмблемата» («Symbola et emblemata») // Книга. Исследования и материалы М., 1989. Сб. 59. С. 60–79.

¹⁵ Никаких соответствий не обнаружено и в своде эмблем из 47 эмблематических сборников XVI–XVII вв., см.: Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des 16. und 17. Jahrhunderts. Hrsg. A. Henkel und A. Schöne. Stuttgart. 1976.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сличение рукописи с изданием 1885 г. показывает, что издатели внесли в текст ряд поновлений морфологического и лексического характера. Ср. (сначала дается чтение рукописи, а затем чтение издания 1885 г.): *осми* — *восьми*; *гистории* — *истории*; *Россия* — *Россия*; *зде* — *здесь*; *брелиант* — *бриллиант*; *зерцало* — *зеркало*; *жертвник* — *жертвенник*; *ночь* — *ночь*; *сиречь* — т. е. и многие другие.

В 2005 г. текст «Эмблемы и символы» был напечатан еще раз.¹ К сожалению, в этом издании повторены неточности издания 1885 г. и добавлены новые. Ср. (сначала дается чтение рукописи, а затем чтение издания 2005 г.): *вси тако* — *все так*; *ветва* — *ветка*; *двема женами* — *двумя женами*; *се дах ти* — *се даю ти*; *Володимера* — *Владимира* и другие.

Чтение рукописи *громовья молния* в изд. 1885 г. исправлено на *громовые молнии*, а в изд. 2005 г. на *громовья молнии*. Между тем, *молния* — это форма множественного числа от слова *молние*. Это слово в среднем роде было в употреблении в первой трети XVIII в.² наряду с *молния*, женского рода. Таким образом, в обоих изданиях мы встречаем не только лексическую и морфологическую правку, но и грамматическую. Это дает основания переиздать «Эмблемы и символы» по рукописи, поскольку искаженный языковой облик не передает языковых особенностей произведения первой трети XVIII в.

Эмблемы и символы к воротам триумфальным на коронацию Императорского Величества Петра Второго по разсуждению Феофана, архиепископа Новгородского

По моему разсуждению, символы и эмблемы, то есть тайно образующая вещей подобия, которые к императорской коронации приличествуют, двоевидныя быть имеют: первыя, славу коронации изъявляющыя, в которых образуется честь высокая, власть верховная, достойное наследие, и кто и по кому наследием приемлет скипетр, и прочая; другия, показующыя добродетели государю должныя: мудрость, мужество,

---

¹ См.: Тохменева Е. А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII в.: Проблемы панегирического направления. М., 2005. С. 45–47, 95–96, 235–242.

² См.: Молния, молние // Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 13: Молдавский — Напрокудить. С. 8–9.

благочестие, милость, правосудие, бодрое о добре общем попечение и проч.; и потому обоего вида зде эмблемы и символы приисканы предлагаются, да и еще двойкие: одни болшие, которые писать на болших средних картинах, а другия меншия, которые писать по картинам меншим, по сторонам; и вси тако располагаем: //

1.

Символы и эмблемы первыя, славу коронации изъявляющие.

Большыя.

1. «Петр Второй на престоле, по подобию Соломона, сиянию свышше над главу его сходящу». Надписание: «Седе Соломон на престоле Господни во царя, вместо Давида отца своего, и угодиша и покорися ему весь Израиль». (1 Паралипоменон, глава 29). А сие кажется приличнее: «Соломон седе на престоле Давида отца своего, сый дванадесят лет» (3 царств, глава 2).

2. «Иисус Навин, пред скиниею стоящий и молящийся, да поспешит ему Бог в управлении Израиля, и при скинии столп облачный, из него же свет на Иисуса». Надписание: «Якоже бех с Моисеом, такожде буду и с тобою» (Иисус Навин, глава 1).

3. «Иосиф брат менший, болшей братии своей сон сказует, а над ними во облаце виденнаго сна образ, снопы братние снопу Иосифову кланяющияся». Надписание: «Ваши снопы, окрест стояще, кланяхуся моему снопу» (Бытия, глава 37).

4. «Иосия отрок на престоле, предстоящу народу скипетром повелевает». Надписание: «Осми лет бе Иосия, егда царствовати нача и ходи в путех Давида отца своего» (2 Паралипоменон, глава 34). //

5. «Гедеон, пред Богом немощь свою исповедуя, отрицается от владения народа, но Бог его укрепляет ответом, каковый в надписании: «Аз буду с тобою» (Судии, глава 6).

6. «Государь, горе смотря и моляся и показуя державу и скипетр, исповедует, аки бы себе тяжелые, свышше же является Дух Святыи в виде голубине». Надписание: «Дух истинны наставит на всяку истинну» (Иоанн, глава 16).

7. «Отрок между пирамидами гробовыми ходит и сетует, образующий Петра государя, смертию родителей огорченна, человек же велепный, образующий Бога, велит ему во виноград свой ити, который означится регалиями и орлом». Надписание: «Иди во виноград мой».

8. «Отрок на престоле царском, на облаках, из которых свет прямо на землю, на окрестные же страны являются громовыя молнии». Надписание: «Никто же о юности твоей да не радит» (1 Тимоф., глава 4).

9. «Отрок на руке своей держит большой глобус, а с стороны рука из облака руку его поддерживает». Надписание: «Десница Господня сотвори силу» (Псал. 117).

10. «Император, сидящий на престоле, поклоняющейся ему России скипетр к лобызанию преклоняет, что прилично к гистории Артаксеркса и Есфиры». Надписание: «Жезл правости — жезл царствия твоего» (Псалом 44). //

11. «По одну сторону Руссия с народом, аки молящаяся Христу о Петре Втором, к коронации производимом, который при ней стоит, по другую же сторону Христос, показуя на регалия, на столе лежащая, повелевает совершить намеренное». Надписание: «Воздадете Цесарева Цесареви».

12. «Император, аки бы малолетствие свое пред Богом исповедующий и от короны отрицающийся в лице молящагося, горе смотрит, ангели же покажут ему столп, свышше нисходящий и громы испускающий, еже есть заступление Божие. Надписание: «Столп крепости от лица вражия» (Псал. 60).

13. «Промысл Божий (в лице тому приличном), с небеси на облаках снисходящ и на персех своих держимую скрижаль (на которой имя Петра Второго под короною написано) подъемля покрывало, объявляет, чим знаменуется прежнее Божие определение о царствовании государя нашего; внизу же Руссия с царствиями и княжениями своими (в лицах приличных) поклоняются». Надписание: «Еже совещает Бог, кто разорит? И руку Его высокую кто отвратит?» (Исаиа, глава 14). Или сие: «Якоже глаголах, тако и будет и якоже совещаш, тако и уставится» (Таможде).

14. «Россия, проводя Петра к регалиам для восприятия короны, видит на облацех ветхаго денни царя, земная царствия определяющаго, каковый описуется у Даниила в главе 7, и молится ему, а глаголы молитвенныя в сем надписании: «Даждь державу твою отроку твоему» (Псал. 85). //

Меншия.

1. «Солнце восходящее». Надписание: «Cunctis post nubila gratus». Всем по тме приятное.

2. «Солнце, вся осеняющее». Надписание: «Omnibus et singulis». Всем обще и собственно.

3. «Илиотропион, то есть цвет, солнцу подобный и ему последующий». Надписание: «Sequitur vestigia Magni». Идет за Великим, в чем наследствие по Петре Великом образуется.

4. «Рука, перстень держащая, в котором бриллиант». Надписание: «Toto pretiosior orbe». Всего круга честнейший.

5. «Древо стихотворское, на котором ветва золотая, другая по первой отгорженной». Надписание: «Uno avulso non deficit alter». По первом вторы.

6. «Атлас, круг небесный на раменах носящий». Надписание: «Par operi virtus». Равна сила бремени.

7. «Орел, выше всех птиц возлетающ». Надписание: «Natus ad alta». Рожден к высоте.

8. «Гора, верхом своим облака превосходящая». Надписание: «Superavit turbida». Превзойде безгодная.

9. «Ковчег по потопе на горе». Надписание: «Jam certa in sede quiescit». Уже на твердом месте. //

10. «На столпе корона». Надписание: «Ornando secreta manet». Кого красит, в том безбедна.

11. «Фонтана, высоко скачущая». Надписание: «Mea me sic tollit origo». Род мой меня возносит, ибо фонтана поднимается силою нагорнея воды, откуда происходит, тако и царское наследие.

12. «Из дерева подсеченнаго ветва». Надписание: «In prole superstes». В отрасли оживает.

13. «Скимен, или лев малый, страшен великим зверем». Надписание: «Majestas praevenit annos». Величество лет не ждет.

14. «Свеща на свещнице». Надписание: «Ut luceat omnibus». Да светит всем.

15. «Град на каменной горе». Надписание: «Haec est mihi debita sedes». Место zde мне должное.

16. «Фортуна на колесе, которое в камень увязло». Надписание: «Stare cogitur». Нужда быть постоянной.

17. «Кормило карабельное». Надписание: «Parvum magna movet». Малым движут великая.

18. «Зерцало зажигательное». Надписание: «Quod accipit, auget». Приемля, свет умножает. //

19. «Солнце дугу или радугу сочиняет». Надписание: «Securae tessera vitae». Обет безбедной жизни.

20. «Орел крылами покрывает гнездо свое». Надписание: «Major sede sua». Болий места своего.

21. «Феникс птица ис пепела сторевшаго первого (как притча есть) феникса происходит». Надписание: «Alter et idem». Второй и тот же.

22. «Гриф птица приточная,³ с орла и лва состав имущая». Надпис: «Generosus utrinque». Обоюду благородный; значит сие: отеческой и матерней крови государевой честь.

23. «Фарос, то есть столп высокий, на море светящий». Надпис: «Lux omnibus una». Един свет, но общий.

24. «Часы столовые». Надпис: «Unus et hic rector». Едино здесь начало.

25. «Отрок в лабиринте нитку, с неба спущенную держа, управляется». Надписание: «Nullus sic decipit error». Тако всеу обману.

26. «Пчелный улей». Надпись: «Rege carere nequit». Без царя быть не может.

Символы и эмблемы вторыя
показуют добродетели, государю должныя.

Болшыя.

1. «Суд Соломонов о отрочате между двема женами». Надписание: «И слышав весь Израиль суд сей, и разумеша, яко смысл Божий бе в нем сотворити оправдания». (3 Царств, глава 3-я).

2. «Моисей на горе из облак закон от Бога приемлет». Надписание: «И воздвиже свидение во Иакове и закон положи во Израиле». (Псалом 77).

3. «Царю, на престоле сядящу, предстоят две персоны, одна ветхозаветную, другая новозаветную церковь образующия, и книги своя отверстыя показывают ему, яко к всякому наставлению доволныя». Надписание: «И будет, егда сядет Царь на престоле власти своея, да впишет себе закон сей в книги и да чтет по вся дни жития своего». (Второзакония, глава 17).

4. «Юстиниан император собранныя в едину книгу законы предает к публикации, на облаце же зрится премудрость Божия». Надписание: «Мною царие царствуют и сильны пишут правду».

5. «Соломон, преклонь колена, просит у Бога премудрости ко управлению народа, исходящим свышше светом озаряется». Надписание: «Дажь рабу твоему сердце смысленно на послушание и суждение людем Твоим в правду». (3 Царств, глава 3). //

6. «Соломону повелевающе, зиждут храм Господень, что образует царское попечение о церкви». Надписание: «Се аз глаголах создати дом имяни Бога моего». (3 Царств, глава 5).

---

³ *Испр., в ркп. приточая.*

7. «Или пророк покланяется мимоходящу Богу в гласе света, не в буре, ни во огне, еже знаменует милость и кротость в подражание властям». Надписание: «И се дух велик, крепок, но не в душе Господь; и по душе трус, и не в трусе Господь; и по трусе огонь, и не во огни Господь; и по огне глас света тонка, и ту Господь». (3 Царств, глава 19-я).

8. «Император в храме свидения, преклонь колени, полагает на жертovníк скипетр и мечь, аки в приношение, еже значит, что благочестивии царие суд и вся дела своя к славе Божией посвящают». Надписание: «Твоя от Твоих Тебе приносящу».

9. «Давид бряцает на гусях». Надписание: «Милость и суд воспою Тебе, Господи». (Псал. 100).

10. «Власть царская, в пристойном лице злобу видом скаредную, но ласкавую машкароу украшающую себе, содрав машкару отгонит прочь». Надписание: «Не прилпе мне сердце лукаво». (Псал. 100).

11. «Александр Великий, сидя на судилищи и доносителя слушая, ухо одно перстом себе затыкает, что пишет Плутарх в житии его». Надпись: «Aliam manet altera partem». (Другое ответчику). //

12. «Молится Давид, да Бог отвратит гнев от людей и пресечет мор». Надписание: «И послуша Господь земли и отъят язву от Израиля». «Образ се есть отеческаго любления к народу; каковое всякому Государю иметь должно».

13. «Статуя, от Петра Перваго недоделанная (которою эмблемою он означал владение свое), и Петр Первый, вечностию горе возносимый, смотря на Петра Второго, на земле стоящаго и орудия статуарныя держащаго, велит ему доделовать статую словом, которое в надписании сем: «Крепись и соверши». (1 Паралипоменон, глава 29). А сие слово есть Давидово к Соломону.

Меншия.

1. «Рука, держащая гранатное, то есть зернистое яблоко». Надпис: «Decus suum, praesidium suis», или «Decus meum, praesidium meis». Утварь моя, защита моим. Якоже бо во оном плоде природная корона яблоку есть красота, а зерна защищает от птиц, тако и власть царская государя украшает, а подданных заступает.

2. «Геркулес младенец растерзает змия». Надпис: «Puerum ne spernite monstra». Не презирай дичь младенца. Сим означаетя сила царская и в младолетии великая.

3. «Солнце в круге равноденственном при знамении весков». Надпись: «In summo aequissimus orbe». Праведный на болшем. Круг бо оный

болший есть от протчих кругов, по которых солнце ходит // и на оном круге равноденствие бывает, тако и государь на высочайшем чести своя месте делать правду должен.

4. «Пеликан птица кровию персей своих птенцы своя живит». Надпис: «Laniat me cura teorum». Язвит мя усердие к моим. Образ есть монаршаго о добре подданных попечения.

5. «Диадима, то есть повязка, древнее древних царей украшение». Надписание: «Debita sollicito cariti». Должна главе пекущейся.

6. «Рука цыркулом круг пишет». Надписание: «Non cessat, nisi perficiat». Не совершив, не почиет.

7. «Орфей играет на лютне, а древа и зверие пляшут». Надпись: «Vocis vis quanta potentis». Сильный глас что действует. Образуется сим царским повелении сила и полза.

8. «Змий корону собою в круг обнял, а в короне голубица». Надпись: «Prudentia et simplicitas». Простота и мудрость. Сии добродетели, сими подобиями означаемыя от Христа, наипаче в короне имеют место.

9. «Земля древами и цветами, сияющу солнцу, украшается на весне». Надпись: «Aspectu cuncta reformat». Призрением исправляет.

10. «Башня с часами». Надпись: «Noctique diuque». День и ночь. Подобие ношедневной царской бодрости.

11. «Телескопион, или труба зрительная». Надпис: «Providet a longe». Издалече видит. Образ промысла и смотра царскаго.

12. «К стене созидаемой перпендикуль или отвес приставляется». Надпись: «Rectis discernit obliqua». Не криво ли истязует.

13. «Рука испытует внутрь пушку линиею и квадрантом; дело артилерское». Надпис: «Vis arte carere nequit». Всуе сила без искусства. Образуется сим, что не в единой воинской силе действие государству полезное, но и учения философскаго нужда.

14. «Река великая тихо идет, а малыя поточки скоро бегут». Надпись: «Mitius altae fluunt». Тише идет глубокая. Подобие подобающей царем кротости.

15. «Вода запруду прорывает». Надпись: «Obstantia rumpit». Противная разрушает. Образ силы победительной.

16. «Человек веет пшеницу». Надпись: «Secernit inutile». Непользная отмещет.

17. «Горнило ко искушению руд». Надпис: «A veris separo falsa». Отлучу от истины образ правосудия. //

18. «Птенец орлий на солнце смотрит». Надпис: «Pollet virtute paterna». Родителский нрав имеет.

19. «Геркулес, лежащим окрест его убиенным зверем, торжествует». Надпись: «Justissima causa triumphi». Праведное торжество. Образ царского суда на злодеев.

На щитах и местах, статуам приличных, мощно изображать следующая:

1. «Помазания царей: Саула, Давида, Соломона, Иосии, Иосафата и проч.».

2. «Персоны царских добродетелей, яже суть: благочестие, мудрость, правосудие, милосердие, мужество, бодрость».

3. «Персоны Российских государей: Владимира Великого, Ярослава, Владимира Мономаха, Александра Невского и проч.» //

Приготовление триумфальным вратам на коронацию:

1-го

На самом лице врат синодалных изобразить то, что от Бога подаются короны и скипетры человеком и содержатся, и то изобразить следующим способом:

1. На вышней стране врат написать небо и в нем имя Божие или самага Царя царствующих, сидящего на престоле, а пред Ним стол, на котором лежат короны царский и скипетры. Надписание, аки глас, из облаков глаголющ: «Мною царие царствуют и силнии пишут правду». (Притч. 8).

2-го

2. На правой стране входа врат написать апостола Петра с надписанием его слов: «Бога бойтесь, Царя чтите; яко тако есть воля Божия». (1 Петр, 2).

3. На левой того ж входа поставить Павла апостола с его словами: «Несть власть, аще не от Бога; сущия же власти от Бога учинены суть». (К Римл., 13).

4. По странам побочным, по правой, на картине прозрачной Соломон молится Господеви, явшемуся ему во сне, и просит от Бога премудрости, глаголя: // «Господи Боже мой! Ты сотворил еси раба Твоего царем в Давида место отца моего, и аз есмь отрок мал и не ведый исхода моего и входа; сего ради даждь рабу Твоему сердце смысленно на послушание и суждение людем Твоим в правду, еже разумети посреде добра и зла, яко кто может судити людем Твоим тяжким сим». Ответ Божий к нему: «Се дах ти сердце смысленно и мудрость, и к сему, ихже не просил еси, дах ти, и богатство, и славу, и аще ходиши по пути Моему и со-

храниши заповеди Моя и повеления Моя, якоже ходи и Давид, отец твой, умножу дни тоя». (3 Царств, 3; Премудрости, 8–9).

5. Где прилично, написать всенародное моление России о царе своем с надписанием: «Боже, суд Твой царице даждь и правду Твою сыну царице судити людем Твоим в правде и нищим Твоим в суде». (Псал. 70). Или: «Господи, спаси царя и услыши ны; в он же день, аще призовем Тя».

6. «Соломонов суд первый на двоих блудниц о мертвом и живом отроке, имже повеле разреши пополам живаго отрока, о немже бе прение, и дати едину половину одной, а другую другой». Надписание с небесе снисходящее: «Мой есть совет и утверждение, Моя мудрость, Моя же и крепость». (Притч. 8).

7. «Иоасс седмолетен произведен и венчан есть в храме Господнем на царство Иудино, и возвеселишася вси людие». (2 Паралипомон, 23). //

8. «Где прилично, написать прародителей государевых, начень от царя Михаила Феодоровича, или от царя Ивана Васильевича, или от самого Володимера, и его, государя, посреде их или как где пристойнее». Надписание: «Et documenta damus, qua sumus origine nati». Довольно показуем, откуда начало рождения нашего произыде.

9. «Разсуждая союз и сродство с Цесарем и с Волфенбителским домом, возможно символом изобразить сие, например написать орла Иовишева, невредяща других орлов: «In fratres fulmina nunquam». (На братию никогда пускаем). Или написать орла Цесарскаго и Российскаго и подписать обоим: «Ut jovis illa fuit, sic jovis illa manet». Яко же он бе, тако и сей есть.

3-тiо.

На иных меньших местех, где что прилично, положить следующие символы, ежели годятся.

1-мо, от орла.

1. «Орел птенца своего, каков он есть, солнцем отведует». Надписание: «Genere et vir tute probatur». От рода и от добродетели познается.

2. «Орел между блистаньями». Надписание: «Clarius illis». Светлейший от сих.

3. «Орел при гнезде своем распростер крыле». Надписание: «Par aedibus hospes». Равен селению гость или житель. //

4. «Птенец орлий, на горе родившийся». Надписание: «Oriens de alto». Восток с высоты.

5. «Птенец орлий при отце своем орле стоит». Надписание: «Par genus et virtus». Равен род и добродетель.

6. «Птенец орлий, терзающий ужа». Надписание: «Olim domitura dracones». Потом победит и змиев.

7. «Орел, скипетр держащ». Надписание: «Custos non aptior ulla».

8. «Орел без молний». Надписание: «Fulminis experts».

9. «Орел над ветхими руинами некоей крепости или города». Надписание: «Vetusta delectant». Древняя улаждает.

10. «Орел, держащ скипетр». Надписание: «Habet omnia Regis». Имеет вся царская.

От орла в пополнку.

11. «Птенец орлий». Надписание: «Regia progenies. Ovid.». Царская отрасль.

12. «Орел, к солнцу возлетающий». Надписание: «Ardens evexit ad aethera virtus». Горячая вознесе высоко добродетель.

13. «Орел, к солнцу возлетающий». Надпись: «Altius ire libet. Ovid.». Выше восходити угодно.

14. «Птенец орлий». Надпись:⁴ «Non anni, sed animi». Не лета, но великодушие.

15. «Птенец орлий, к солнцу возлетает». Надпись: «Talem genuere parentes». Такова родили родители. //

16. «Птенец орлий». Надпись: «In praedas cresco». На корысти возрастаю.

17. «Птенец орлий, на камени родившийся, выше гнезд других разных птиц». Надписание: «Cunis melioribus ortus». От лучших колыбели изыде.

18. «Птенец за отцем к лицу». Надпись: «Auspiciis animisque Patris». Предводительством и великодушием отчим.

2-do, от короны.

1. «Короны многия Руския империи». Надписание: «Mens sufficit una». Сиречь един император довлеет многим.

2. «Корона с крестом». Надписание: «A cruce surgit honos». От креста возрастает честь, сиречь от благочестия.

3. «Корона, на купе сердец человеческих стоящая». Надписание: «Istis tutissima fulcris». На сих подпорах безопасна.

---

⁴Доб., в ркп. нет.

3-tio, от скипетра.

1. «Скипетр одна рука держит». Надпись: «Una tenebit». Одна воспримет и удержит.
2. «Скипетр, о книги опершийся». Надпись: «His tuto nititur». (Сими безопасно подпирается).

4-to, от зари и солнца.

1. «Заря возвещает день». Надпис: «Me praecunte dies». Или: «Lux nuncia lucis». Или: «Magna spes alterae lucis». Свет возвещает день. //
2. «Заря после ночи приводит солнце». Надписание: «Revehet post nubila Phoebum». Возвратит после мрака солнце.
3. «Солнце в полудни меньше зрится». Надписание: «Non tamen inde minor». (Обаче отсюду не меньше).
4. «Солнце траву, нарицаемую корона империалис, теплотою своею из земли производит». Надпис: «Faciet revirere coronas». Сотворит, да возцветут короны.
5. «Солнце весною разверзает землю». Надпис: «Pandit vere novo». Отверзает весною новою.

5-tio, от порфиры.

1. «Порфира от мокроты красная в раковине родится». Надпис: «Pretium de sanguine ducor».
2. «Постав великий порфиры к аршину поставлен намерение». Надпись: «Metiri ratio, non brevis ulna, potest». Измерити ум, а не краткий аршин может.

6-tio, от фрона.

1. «Престол царский». Надпис: «Romrae non quieti». Для помпы, а не для покоя. Или: Не стерпит товарища. //

7-мо, от юности.

1. «Геркулес в колыбели, змиев терзающий». Надпись: «Et jam in cunis Hercules». Уже и в пеленах Геркулес.

Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 году?

(Об авторстве «Эпода утешительного»)

В начале 1730 г. Феофан Прокопович, обессиленный многолетней борьбой со своими противниками и почти отчаявшийся, написал элегию «Плачет пастушок в долгом ненастье»,¹ а вскоре после резких политических перемен в России и воцарения Анны Иоанновны получил в ответ на элегию обширный «Epos consolatoria ad oden pastoris Pimini sortem gregis sub tempestatem deplorantis» («Эпод утешительный на песнь пастуха Пимена, оплакивающего участь стада во время ненастья»)². Обычно оба произведения переписывались в рукописных сборниках XVIII в. вместе, и эпод был подписан именем А. Д. Кантемира, поэтому его авторство сомнению не подвергалось. Правда, издатели и исследователи отмечали, что Кантемир утешал Феофана с заметным (особенно в рифмах) украинским акцентом, но это объяснялось тем, что Кантемир стилизовал свое утешение под элегию Феофана, а кроме того, украинизмы встречаются и в других его произведениях — переложениях 36-го и 72-го псалмов.³ Последнее обстоятельство в настоящее время уже не может служить аргументом: высказывавшиеся ранее сомнения в авторстве переложений⁴ теперь подтвердились — их написал Феофан Прокопович,⁵

---

¹ См.: *Феофан Прокопович*. Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М.: JL, 1961. С. 216.

² См.: *Кантемир А.* Собр. стихотворений. JL, 1956. С. 261–265.

³ См.: *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. СПб., 1867. Т. 1. С. XLII, 283–288.

⁴ См.: *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 599; *Cracraft J.* Feofan Prokopovich: A Bibliography of his Works // *Oxford Slavonic Papers*. 1975. Vol. 8. P. 31.

⁵ См.: *Автухович Т. Е.* Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // *Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой*. JL, 1986. С. 154–160. (XVIII век. Сб. 15).

да и мотивировка стилизации эпода не вполне убедительна. Действительно, в том же году Феофан получил от Кантемира написанные в августе «Благодарительные стихи Феофану Прокоповичу», где никаких украинизмов нет,⁶ хотя стихи и написаны в ответ на стихотворное приветствие «Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры».

Утешая Феофана, автор эпода жалуется на свои многочисленные невзгоды, изображая себя также «пастушком». В этом «пастушке» комментаторы Кантемира опять усматривают подражание Феофану, что вообще-то маловероятно, так как под «пастушком» обычно подразумевается духовный пастырь и таких примеров словоупотребления для первой трети XVIII в. известно несколько.⁷ Знал это и Кантемир: стих из 3-й сатиры «Пастырь прилежный своем о стаде радеет недремно» он прокомментировал так: «Феофан (Прокопович) имеет епархии Новгородскую и Великолуцкую, в которых правлении недремно печется»,⁸ а в примечаниях к 4-й сатире пометил: «Пастыри душ — попы и архиереи».⁹ Поэтому для молодого гвардейского офицера именование себя «пастушком» в обращении к архипастырю очень сомнительно, и такое толкование возможно лишь как следствие первого предположения о языковой стилизации Кантемира.

Сообщаемые автором эпода сведения о своих бедах толкуются обычно по биографии Кантемира, но одно из них никак не подходит к нему. Автор, пострадавший от «Егора» (т. е. епископа ростовского Георгия Дашкова) и его «друзгов нахалых», говорит:

Уж трожды солнце вкруг обежало
Путь свой белый,
А я не имею льготы нимало,
Весь унылый.
Лишен и стадца,¹⁰ лишен хижины,
Лишен нивы,
Меж пастушками брожу единый
Несчастливый.

Поскольку солнце свершило свой путь «трожды», то злключения «пастушка малого» начались в 1727 г. и продолжаются до настоящего

⁶ См.: *Кантемир А.* Собр. стихотворений. С. 260. Употребив в песни 2-й украинское слово, Кантемир счел необходимым оговорить это в примечании (Там же. С. 204).

⁷ См.: *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. XLII.

⁸ *Кантемир А.* Собр. стихотворений. С. 99, 107.

⁹ Там же. С. 115.

¹⁰ В списках, по которым публиковалось стихотворение, отчетливо читается «старца». См.: *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. С. 612.

времени, до 1730 г. При биографическом толковании стихотворения надо признать, что Кантемир, гвардейский поручик с 1728 г., никак не мог сказать о себе, как следует дальше в стихотворении, что его «ниже в наймиты кто нанимает».

Но предположим, что Феофана утешал не Кантемир, а другой, неизвестный автор. Анализ сообщаемых им сведений позволяет считать, что это лицо не светское, а духовного звания («пастушок малый»), судя по языку, украинец, о чьих обстоятельствах Феофан был осведомлен («У меня было мало козляток, *Ты известен*»), с 1727 г. благодаря козням Георгия Дашкова оставшийся без места; кроме того, этот автор знает о литературных занятиях Феофана, прежде всего стихотворных, не для широкого круга («Стихом ли даешь промежду дела Радость многу»). Круг близких к Феофану людей был очень узок и названным условиям удовлетворяет только старый знакомец Феофана, переводчик и стихотворец Феофил Кролик. Если согласиться с тем, что автор эпода он, то многие сомнения в понимании стихотворения снимаются. Ему незачем было стилизовать свою речь под Феофана и насыщать ее украинизмами, так как еще в 1718 г. один из его знакомых писал, что Феофил «склоняется на киевское знаменование языка».¹¹ Феофил Кролик был не просто знаком с Феофаном, а был его сторонником и даже помощником, знали это и враги Феофана, называвшие Феофила «Кролик зловерный».¹² Наконец, хорошо известно, что Феофан и Феофил вместе приветствовали стихами появление первой сатиры Кантемира.

Церковная карьера Феофила Кролика была довольно успешна: в 1722 г. он был введен в Синод ассессором и определен архимандритом Новоспасского монастыря, а в 1723 г. — архимандритом Чудова монастыря в Москве. Но после смерти Петра I он был отрешен сначала от Синода (1726), а в мае 1727 г. от архимандрии Чудова монастыря и остался вовсе без места и службы. Свои невзгоды Феофил изложил в прошении, которое завершил словами, почти совпадающими со стихами эпода: «И остался я яко граждански или натурально умерший без всякого призрения; первое в том, что запрещения мне и чина священнослужения не показано; второе, что ни кельи, ни пропитания мне не назначено, яко забвенному извергу, что и в великих винах не токмо духовным, но и светским злодеям по правам промышляется для самого Бога и должного

---

¹¹ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 234.

¹² Там же. С. 236.

к ближнему сострадания. А я при неимуществе моем живу и питаюся у тех, которые своим благосердием и моим прошением на то подвигнуты».¹³ Только осенью 1730 г. положение Феофила поправилось, и он был в сентябре назначен архимандритом Новоспасского монастыря.

Языковые особенности эпода и сообщаемые автором детали биографии получают удовлетворительное, без натяжек и допущений объяснение только в том случае, если мы признаем его автором Феофила Кролика, а не Кантемира. В пользу последнего говорит только одно обстоятельство, но, конечно, важное: в рукописных сборниках XVIII в. утешительный эпод подписан именем Кантемира (кроме сборника БАН, Тек. поступления № 142, где автор не указан). Но и это свидетельство не может быть решающим при резком расхождении с другими критериями атрибуции: биографическими, стилистическими и языковыми особенностями. Можно добавить, что все списки датируются временем не ранее середины XVIII в., т. е. после смерти и Феофила, и Кантемира, который, кстати, не включил это стихотворение в сборник своих сочинений. В качестве косвенного аргумента можно вспомнить четвертую сатиру Кантемира «О опасности сатирических сочинений. К музе своей», написанную в начале 1731 г., т. е. примерно через полгода после появления «Эпода утешительного». Кантемир вопрошает музу: «не пора ли... сатир уж не писать?» и, в частности, призывает ее: «Новым уж родом стихов наполним тетради». К последнему стиху он сделал характерное примечание: «Новым нашему сатирику, который до того элегий не писал».¹⁴

Изложенные факты позволяют, как представляется, отклонить авторство Кантемира и переатрибутировать «Эпод утешительный» Феофилу Кролику. Подобная переатрибуция не редкость в истории изучения русской литературы XVIII в. и даже не единственная в изучении Кантемира. В последние десятилетия его произведения стали объектом пристального внимания исследователей: отыскиваются его утраченные ранее произведения и их новые списки,¹⁵ выясняется история издания его сатир,¹⁶ а какие-то произведения исключаются из корпуса его сочи-

¹³ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. С. 375.

¹⁴ Кантемир А. Собр. стихотворений. С. 109, 112, 116.

¹⁵ См., например: Градова Б. А. 1) Рукописи А. Д. Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983. С. 17–33; 2) Первые переводы А. Д. Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 46–57.

¹⁶ См.: Градова Б. А. О первых изданиях сатир А. Кантемира // Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой. С. 140–154.

нений.¹⁷ Это, конечно, вовсе не обедняет наследия Кантемира, но обогащает наши представления о литературной жизни в первой половине XVIII в.

---

¹⁷См.: *Муравьева Л. Р.* Проблема так называемой «девятой» сатиры А. Д. Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 153–178; *Калачева С. В.* Кантемир и рукописная традиция: (Был ли Кантемир автором сатиры «К Солнцу. На состояние света сего»?) // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. 1962. № 4. С. 175–183; *Аветухович Т. Е.* Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72».

«ДО ЧЕГО МЫ ДОЖИЛИ, О РОССИЯНЕ?»

(от Феофана Прокоповича до Василия Шульгина)

«Слово на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого» было произнесено Феофаном Прокоповичем 8 марта 1725 г. По свидетельству очевидца, «коль слово сие не было кратко, однако ж продолжалось оное около часа; ибо беспрестанно было прерываемо плачем и воплем слушателей, особливо же когда сей церковный ритор произнес первые слова оныя, которые начинались тако: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне?..» — то залился сам он слезами и возрыдало все множество бывших людей в церкви. Вопль и рыдание сие перешло вне церкви стоящим, и казалось, что самые стены церкви и валы крепости возревели, что продолжалось более четверти часа».¹

Это «Слово» Феофана было издано уже 14 марта 1725 г., а затем в 1725–1729 гг. оно было переведено на ряд иностранных языков (латинский, французский, немецкий, шведский и английский)² и считалось признанным шедевром русского ораторского искусства XVIII в. Описывая в начале XIX в. правила составления надгробных проповедей, И. С. Рижский подчеркивал, «что они пишутся с таким красноречием, которое, будучи произведением восхищенного и стремительного воображения, не далеко от стихотворства. Известное российским словесникам слово архиепископа Феофана Прокоповича на погребение государя импе-

---

¹ Голицов И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1789. Ч. 9. С. 238.

² См.: Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 473; Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Дополнения и приложения. Л., 1972. С. 169–170, 188; Cracraft J. Feofan Prokopovich: a Bibliography of His Works // Oxford Slavonic Papers. 1975. Vol. 8. P. 11–12, 15, 17–18, 23.

ратора Петра I, может быть образцом сих правил».³ «Слово» Феофана считалось образцовым и в истории русской церковной проповеди и печаталось в разных хрестоматиях по курсу гомилетики в духовных училищах еще в начале XX в.⁴ Разумеется, «Слово» Феофана печаталось и в хрестоматиях по русской литературе XVIII в.⁵ Можно полагать, что это «Слово» Феофана стало самым известным его произведением, а его начало было известно широкому кругу читателей.

Несмотря на широкую известность проповеди Феофана, фразе «До чего мы дожили, о россияне?» не довелось стать афоризмом, вошедшим в словари русских крылатых слов, хотя эта фраза не один раз цитируется в русской литературе XVIII–XX вв. Но и составителей словарей крылатых слов можно понять. Ни в этом вопросительном предложении, ни в других восклицаниях начала речи нет афористичности, нет метафоричности, нет остроумия, нет парадоксальности, т. е. оно не удовлетворяет условиям, которые мы привыкли считать присущими афоризму. Действительно, «Что се есть?» — довольно обычный риторический вопрос, кстати сказать, употребленный Феофаном Прокоповичем и в других речах.⁶ «До чего мы дожили» — тоже достаточно обычное вопрошание. Идиомы «Вот до чего мы дожили. Вот до чего Бог привел дожить!» мы находим в словаре В. И. Даля и в его собрании пословиц,⁷ во множестве они встречаются у русских писателей XVIII–

³ *Рижский И.* Опыт риторики. Харьков, 1805. С. 278.

⁴ См.: *Булгаков С. В.* Образцы святоотеческой и русской проповеди с присоединением кратких биографических сведений о проповедниках, характеристик и примерных разборов их проповедей, планов и тем для проповедей, подробного указателя к проповедям и проч. (Опыт гомилетической хрестоматии). Харьков, 1887. С. 566–569; *Поторжиский М. А.* 1) Русская гомилетическая хрестоматия, с краткими биографиями русских пастырей-проповедников и характеристиками их проповедничества (XVII–XIX в.). Киев, 1899. С. 166–169; 2) История русской церковной проповеди в биографиях и образцах пастырей-проповедников с ½ IX–XIX вв. Киев, 1901. С. 422–425; *Дударев П. И.* Сборник проповеднических образцов. (Проповеди святоотеческие и церковно-отечесвенные). В 2 ч. СПб., 1913. С. 256–259. См. также: *Разумихин А. И.* История русской проповеди. М., 1904. С. 104.

⁵ См.: *Галахов А. Д.* Историческая хрестоматия нового периода русской словесности. (От Петра I до Карамзина). СПб., 1861. Ч. 1. С. 60–62. (В 1916 г. вышло 20 издание); *Русская литература XVIII века, 1700–1775: Хрестоматия / Сост. В. А. Западов.* М., 1979. С. 53–55.

⁶ См.: *Феофан Прокопович.* Сочинения. С. 30, 52.

⁷ См.: *Даль В. И.* 1) Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 453; 2) *Пословицы русского народа: В 2 т.* М., 1984. Т. 1. С. 54.

XIX вв. Столь же просты и риторические восклицания «Что видим? Что делаем?» Но все эти вопросы подводят к горестному ответу — «Петра Великого погребаем!» Ответ не только горестный, но и ошеломительный для самого проповедника и его слушателей.

Именно горечь и невосполнимость утраты для России пронизывает всю проповедь Феофана. Хотя это слово и было признанным образцом для проповедников, подражания ему неизвестны. Да и могли ли появиться подражания? Уж слишком хорошо было известно слово и слишком велика фигура Петра. Кажется, подражания могли появиться только в виде простодушного курьеза. Об одном таком подражании рассказал В. К. Тредиаковский в «Разговоре об ортографии» (1748):

Сказывали мне про некоторого у нас оратора, которому надлежало говорить слово на погребении некоторого простого сотника, что он начал оное теми самыми словами, которыми возопил покойный архиепископ новгородский Феофан, при погребении государя блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великого. Сей архиепископ, с превеликим рассуждением, свою и всего общества горечь изъявил, начиная: «Что сие! Что мы видим! Что делаем! Петра Великого погребаем». Но тот оратор, после «Что сие! Что мы видим! Что делаем!» с крайним безумием толь жалосно и плачевно заключил: «Ах! Господина сотника погребаем». С Петром Великим вся Россия, так сказать, была погребается. Но господ сотников сколько ни умерло, России от того ни на волос не сделалось убытка.⁸

Для Тредиаковского сама идея сравнения чьей-либо кончины со смертью Петра I представляется недопустимой нелепостью. Примечательно вместе с тем, что Тредиаковский приводит начало слова Феофана неточно, по памяти. Но очевидно, что в то время слово Феофана было на слуху.

О еще одном случае неловкого подражания не так давно поведал протоиерей Михаил Ардов в своей книге «Мелочи архи., прото... и просто иерейской жизни» (1995):

Кажется, в прошлом веке возник такой забавный анекдот. Некого протопопа попросили за весьма приличное вознаграждение произнести надгробное слово по умершей богатой купчихе. Он, однако же, решил не затруднять себя сочинительством, а взял известное «Слово на погребение Петра Великого» Преподобного Феофана (Прокоповича) и прочитал его, заменяя всюду мужской род на женский.

— Что се есть? — возгласил батюшка. — До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Феклу Карповну Кособрюхову погребаем!.. Не мечтаение ли се? Не сонное ли нам приведение? О, как истинная печаль! О, как известное нам злоключение!..

⁸ Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 184–185.

Поначалу слушатели были довольны, пока протопоп говорил о величии и достоинствах покойной купчихи, о том, как она заботилась о просвещении... Однако же под конец речи родственники его чуть не побили, когда он между прочим сказал, будто «покойница была весьма проста нравом и, будучи в Голландии, делала ложе с простыми матросами».

(Надо сказать, в подлинном «Слове» Пресвященного Феофана такой фразы нет, но все же показательно, что в церковной среде подобный анекдот появился).⁹

Вероятно, Михаил Ардов прав, и тут мы имеем дело не столько с действительно бывшим событием, сколько с семинарским юмором, своего рода юса топашогит нового времени, основанием для которого послужила опять-таки повсеместная известность знаменитой проповеди Феофана Прокоповича, в том числе и в церковной среде.

У фразы «До чего мы дожили, о россияне?» есть основания считаться крылатым выражением, и дальнейшая история только подтверждает это. Если выражение «До чего мы дожили» — просто распространенная в русском языке идиома, то фраза «До чего мы дожили, о россияне?» — это уже эмфатическая цитата, вызывающая ассоциации именно со словом Феофана Прокоповича. Но в употреблении этой фразы заметно тонкое отличие — она употребляется в усиленном значении самой идиомы — «дойти до крайних пределов», т. е. без отсылки к кончине Петра I. Именно в таком значении она использовалась как в церковной,¹⁰ так и в светской публицистике.

Замечательный переводчик Н. М. Любимов в своих воспоминаниях «Неувядаемый цвет» вспоминает, как вернувшийся в 1923 г. из эмиграции писатель Глеб Васильевич Алексеев (1892–1938) как-то с горечью воскликнул: «А теперь писателя ругают за ненапечатанную вещь! До чего мы дожили, о россияне?».¹¹

Но один раз цитирование восклицания Феофана Прокоповича подразумевало его изначальный трагический смысл. Оно принадлежит В. В. Шульгину — публицисту, политическому деятелю дореволюционной России, депутату Государственной Думы, а после революции 1917 г. организатору и идеологу Белого движения. В его записях 1971 г. есть маленький фрагмент, сверху и снизу отмеченный звездочками, т. е. вполне законченный:

---

⁹ Михаил Ардов, *протоиерей*. Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. (Картинки с натуры). М., 1995. С. 9.

¹⁰ См.: Мельгунов С. П. Церковь и государство в России. (К вопросу о свободе совести). М., 1909. Вып. 2. С. 136.

¹¹ Любимов Н. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. М., 2004. Т. 2. С. 215.

Совместными действиями партии эсеров и киевских жандармов был убит Петр Аркадьевич в 1911 году.

— Что делаем, о россияне? Петра Столыпина погребаем...¹²

Для Шульгина, монархиста и русского националиста, до конца жизни остававшегося верным идеям Столыпина, гибель Столыпина представлялась одним из самых трагических событий русской истории начала XX в., почему он и решился отослаться к проповеди Феофана.

Восклицание Феофана все-таки попало в словари, но не крылатых слов, а русского языка. Слово «россиянин» было зафиксировано в русских словарях еще в XVIII в. В словарях оно обычно иллюстрировалось примерами из художественной литературы не ранее А. С. Пушкина. И только в 1939 г. в словарной статье «россиянин» в качестве примера была приведена фраза Феофана «До чего мы дожили, о россияне?».¹³ Примечательно, однако, что Феофан Прокопович употребил это слово десятилетием ранее, и не один раз.¹⁴ Резонно предположить, что этот пример в словарной статье был выбран именно благодаря своей известности все-таки в качестве крылатой фразы. С середины 90-х гг. истекшего столетия неоднократно возникали дискуссии о правомочности и корректности употребления слов «россиянин/россияне».¹⁵ Проблема заключалась, конечно, не в самих этих словах, проблема была связана с пошатнувшейся национальной самоидентификацией. К горькому сожалению приходится признать, что эта проблема не решена и до сего дня.

Внимание к этой фразе Феофана объясняется тем, что это единственная, пусть и тонкая ниточка, связывающая Феофана Прокоповича с нашей современностью. Благодаря ей виднейший деятель петровской эпохи присутствует в нашем языке и в нашем сознании.

---

¹² Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н. Н. Лисового. М., 2002. С. 520.

¹³ Толковый словарь русского языка / Под ред. Б. М. Волина, Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3. Стб. 1388.

¹⁴ См.: Феофан Прокопович. Сочинения. С. 43, 58.

¹⁵ См.: Грищенко А. И. К новейшей истории слова *россияне* // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 119–139; 2) Между *русскими* и *россиянами*: современная русская публицистика в поисках новых этнических номинаций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 11: Журналистика. С. 124–131.

ПОЛИЛИНГВИЗМ ТВОРЧЕСТВА ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА В НАУКЕ XX в.

Тема «многоязычие и русский литературный процесс» хотя и не относится к самым популярным в отечественной науке, но и заброшенной ее также назвать нельзя. Исследования по этой проблематике велись уже в XIX в., в 1981 г. вышел сборник под названием «Многоязычие и литературное творчество»,¹ в 1994 г. — антология произведений русских писателей XVIII–XIX вв. на французском языке,² а совсем недавно появилась монография Е. П. Гречаной «Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII — первая половина XIX в.)»,³ не говоря уже об отдельных статьях. Эти работы посвящены в основном произведениям русских авторов XVIII–XIX вв. на французском языке и частично на немецком. Эпохе барокко — концу XVII — первой четверти XVIII в. — повезло гораздо меньше. Во-первых, само барокко долгое время находилось в забвении и небрежении, во-вторых, к концу XIX в. концепция русской литературы все еще носила романтический характер и приоритет отдавался литературе на национальных литературных языках; в-третьих, основной второй язык барокко — латынь — все же не являлся самым ходовым у исследователей русской литературы, а потому и полилингвизм русских барочных писателей находился на периферии исследовательских интересов.⁴

---

¹ См.: Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981.

² См.: Лотман Ю. М., Розенцвейг В. Ю. Русская литература на французском языке: Французские тексты русских писателей XVIII–XIX веков / Вступ. статьи Ю. М. Лотмана и В. Ю. Розенцвейга; Биографические очерки и комментарии Ю. М. Лотмана; сост. В. Ю. Розенцвейг. Wien, 1994. (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 36).

³ См.: Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII — первая половина XIX в.). М., 2010.

⁴ См., в частности: Brogi Bercoff G. 1) Plurilinguism in Eastern Slavic Culture of the 17th Century. The Case of Simeon Polockij // Slavia. 1995. T. 24, č. 1–2. S. 3–14; 2) Stefana Jaworskiego

Между тем, полилингвизм Феофана Прокоповича — как в прозе, так и в поэзии — никогда не нуждался в открытии. Он сам писал об этом, да и его имя стоит на произведениях, изданных на латинском и польском языках.⁵ В XIX в. произведения Феофана на иностранных языках были подробно описаны, в первую очередь П. П. Пекарским,⁶ а вскоре почти все его поэтическое наследие на русском и латыни было издано И. А. Чистовичем в монографии о Феофане Прокоповиче.⁷ В конце XIX — начале XX в. В. Н. Перетц, а затем и его ученики опубликовали ряд произведений Феофана на латыни и польском языке по рукописям.⁸ Таким образом, разноязычные произведения Феофана Прокоповича всегда были известны. Но известны и интересны преимущественно узким специалистам. Например, в «Русской поэзии» С. А. Венгерова (1897) Феофан Прокопович попал в раздел «Дополнений», в справке о нем его иноязычные стихотворения вообще не упомянуты. В сборнике «Вирши: Силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.» 1935 г. стихотворения Феофана на латыни и польском точно так же не упомянуты. В учебнике Г. А. Гуковского по истории русской литературы XVIII в. в разделе, посвященном Феофану, упомянута один раз только латинская ода Петру II, видимо, по той причине, что варианта на русском языке не было, а Гуковскому нужно было перечислить императоров, которым Феофан писал «официально-похвальные стихи»⁹. Нет сомнений, что и С. А. Венгеров, и П. Н. Берков (редактор сборника «Вирши», он же подготовил стихи Феофана), и Г. А. Гуковский знали о существовании его стихотворений на латыни, да и с владением иностранными языками тогда было все

---

poezja polskojęzyczna // Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli slavisti (Cracovia 26 Agosto — 3 Settembre 1998). Napoli, 1998. P. 347–371; *Radyszewskij R.* Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku. Część I. Monografia. Kraków, 1996; *Аверина Т. Б.* С латыни на латынь: «Элегия к библиотеке» Стефана Яворского в обратном переводе Томаса Консетта // Древний мир и мы. СПб., 2012. Вып. 4. С. 313–325.

⁵ См.: *Theophanus Prokopowicz.* 1) *Lucubrations.* Vratislaviae, 1743; 2) *Miscellanea sacra.* Vratislaviae, 1744.

⁶ См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 196–200.

⁷ См.: *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

⁸ См.: *Перетц В. Н.* Панегирик Феофана Прокоповича на победу Петра Великого при Полтаве // Литературный вестник. 1902. Т. 3, кн. 2. С. 165–167; *Грузинский О.* «Elegia Alexii» Теофана Прокоповича // Записки Українського Наукового Товариства в Київі. 1907. Кн. 6. С. 20–40.

⁹ См.: *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 20.

в порядке, но в конце XIX — трех первых десятилетиях XX в. это творчество не вызывало научного интереса, как и эпоха барокко в целом. К сожалению, это так, и подтверждается это тем, что именно П. Н. Берков с конца 1950-х гг. стал заниматься историей латинской образованности в России, а позднее (в 1968 г.) опубликовал первую отечественную серьезную работу о русских новолатинских поэтах, работу, которая долгое время была единственным исследованием на эту тему и до сих пор не потеряла своего значения.¹⁰

Ситуация с иноязычной поэзией Феофана Прокоповича переменялась на рубеже 1930–1940-х гг. В 3-м томе академической «Истории русской литературы» (1941) в главе «Феофан Прокопович» Н. К. Гудзий (ученик В. Н. Перетца) уже не только пишет о латинских стихах Феофана, но даже цитирует их на латыни прямо в тексте, давая русский перевод в примечании.¹¹ Тут излишним будет напомнить, что в конце 1930-х гг. несколько меняется и гуманитарная атмосфера: в 1938–1939 гг. выходят латинская грамматика и хрестоматия С. И. Соболевского и учебник латыни Я. М. Боровского и А. В. Болдырева.¹²

Наконец, в 1961 г. другой ученик В. Н. Перетца, И. П. Еремин, издает «Сочинения» Феофана Прокоповича, куда вошли и латинские варианты его стихотворений, как в составе «Поэтики», так и в отделе «Стихотворения».¹³ Но стихотворения на латыни в академическом издании приведены не в основном тексте, а в примечаниях. При этом «Епиникион» — самое известное стихотворение Феофана — на латыни вообще не издавался в XIX–XX вв., на польском языке он печатался в XX в. дважды, но только в Польше.¹⁴ В 1970 г. А. М. Панченко опубликовал в сборнике «Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.» стихотворения Феофана, опираясь на издание Еремина, латинских текстов в издании нет,

---

¹⁰ См.: Берков П. Н. Русские — новолатинские и греческие поэты XVII–XX вв. // L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. Т. 18. [1966–1967]. Bruxelles, 1968. P. 29–47.

¹¹ См.: История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 171.

¹² См.: Гаврилов А. К. О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет. СПб., 2010. С. 277–292.

¹³ См.: Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961.

¹⁴ См.: Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich w XVII–XVIII w. Kraków, 1966. S. 157–161; Roksolański Parnas: Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku. Część II: Antologia / Wybrał i opracował R. Radyszewskij. Kraków, 1998. S. 395–402.

но в примечаниях есть указания на их публикации.¹⁵ Нельзя тут не вспомнить, что стихотворения на французском языке А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского или И. И. Хемницера на немецком языке в соответствующих томах «Библиотеки поэта» опубликованы в основном корпусе, хотя и в отдельном разделе, и снабжены переводами, в том числе стихотворными, иногда выполненными большими мастерами. Но и с «Библиотекой поэта» не все просто. В книге «Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в.» (1975) эпиграммы Феофана о Станиславе Лещинском и «К Луке и Варлааму кадецким» приведены на латыни и на русском в основном тексте, но в комментарии сказано, что автор сам перевел их на русский с латыни,¹⁶ хотя именно такая последовательность появления эпиграмм ничем не подтверждена. Тот же составитель этого раздела В. Е. Васильев в сборнике «Русская эпиграмма», вышедшем в издательстве «Художественная литература» в 1990 г., опубликовал в основном тексте пять эпиграмм Феофана на латыни, при этом в примечания оказались помещены не только стихотворные переводы трех эпиграмм, выполненные составителем, но и две авторские версии Феофана на русском языке, т. е. они не попали в основной корпус.¹⁷ Таким образом, составитель исходил из убеждения, что первостепенное значение имеет латинский текст, а русская версия — это всего лишь перевод. В действительности, как показали сопоставления разных языковых версий,¹⁸ это не авторские переводы, а самостоятельные произведения, разные языковые воплощения одного инварианта, написанные в соответствии с поэтикой новолатинской, польской или русской поэзии того времени.

В 1981 г. в Киеве вышел 3-й том «Философских произведений» Феофана, где напечатана подборка его стихотворений.¹⁹ Состав подборки очень странный и непонятный, объяснений к нему нет, сюда вошли также и произведения, принадлежность которых Феофану нуждается в серьезных доказательствах. Но дело в другом — все стихотворения опублико-

---

¹⁵ См.: Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 266–286.

¹⁶ См.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 62–63.

¹⁷ См.: Русская эпиграмма. М., 1990. С. 62–64, 322–323.

¹⁸ См.: Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958. С. 18; *Liżny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*. S. 138–139.

¹⁹ См.: Феофан Прокопович. Філософські твори: В 3 т. / Переклад з латинської. Київ, 1981. Т. 3. С. 345–358, 486–491.

ваны только в украинском переводе с польского и латыни (за исключением двух стихотворений на русском). При этом оригиналы некоторых стихотворений до сих пор не опубликованы. Это решение — безусловный шаг назад. Не говоря уже о том, что в комментариях прямо сказано, что Феофан писал стихи на четырех языках: латинском, староукраинском, русском и польском. Этот же подход реализован и в вышедшей два года спустя антологии украинской литературы XVIII в.: все стихотворения Феофана опубликованы в переводе на украинский язык, причем не только с латыни, но и с русского языка (или гибридного церковнославянского), например, «Плачет пастушок в долгом ненастьи», хотя в случае этого стихотворения перевод свелся к незначительной правке морфологии и орфографии.²⁰ Отбор стихотворений в антологии был произведен и с учетом содержания, например, в ней нет оды Петру II или приветственных стихов А. Кантемиру, а также эпитаграмм петербургского периода творчества Феофана.

Таким образом, на сегодняшний день приходится констатировать, что дело с изданием поэтического наследия Феофана Прокоповича выглядит проблематично. С одной стороны, стихи на русском изданы и изучены вполне удовлетворительно, хотя возможно выявление новых текстов,²¹ а некоторые другие нуждаются в дополнительном рассмотрении с точки зрения их принадлежности Феофану.²² Его немногочисленные стихи на польском предварительно изучены,²³ но переизданы не все, есть как минимум еще два стихотворения, авторство которых нуждается в уточнении.²⁴ Благодаря монографии Д. Л. Либуркина поэтическое творчество Феофана на латыни имеет вполне надежную базу для пере-

²⁰ См.: Українська література XVIII ст.: Поетичні твори. Драматичні твори. Прозові твори. Київ, 1983. С. 30–44.

²¹ См.: Николаев С. И. Эпитаграмма Феофана Прокоповича на Ж.-А. Турретина // О древней и новой русской литературе. Сб. статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 257–260.

²² См.: Ничик В. М., Рогович М. Д. Феофан Прокопович в рукописных сборниках XVIII в. // Русская литература, 1976, № 2. С. 91–94.

²³ См.: Luźny R. Teofan Prokopowicz a literatura polska. Z dziejów związków literackich polsko-ruskich na przełomie XVII i XVIII wieku // Slavia Orientalis. 1965. N 3. S. 331–345.

²⁴ Например, в одну антологию польской барочной поэзии была включена без обоснованной атрибуции анонимная эпитаграмма на польском языке, которую Феофан привел в своей «Риторике» (1706), см.: Helikon sarmacki: Wątki i tematy polskiej poezji barokowej. Wrocław, 1989. S. 30–31.

издания.²⁵ Но в целом весь этот небольшой корпус (менее 4 десятков произведений на трех языках) не рассматривался как раз с точки зрения полилингвизма, а ведь только целостный анализ всех языковых версий может дать подлинную картину языкового и поэтического мира Феофана Прокоповича. Показательно, что И. П. Еремин и А. М. Панченко, говоря об иноязычных стихах Феофана, называли их «латинским и польским вариантами» или «латинским текстом». Хочу напомнить важное для темы место из предисловия Феофана к его слову 1709 г. на Полтавскую победу: «Присовокупишася к сему и торжественныя ритмы во славу тоеяжде неслыханныя твоей виктории, тройственным диалектом, латинским, славенским и польским, сложенныя от мене (по мере малаго искусства моего), яже найпервое по победе в Киев вашего пресветлаго величества пришествие напечатати и произнести тщахся».²⁶

В свое время И. П. Еремин писал в предисловии к изданию 1961 г.: «Настоящее издание следует рассматривать как материалы к собранию стихотворений Феофана Прокоповича. Полное критическое издание всех его стихотворных произведений, в том числе и на латинском языке и польском, — дело будущего и еще требует предварительных библиографических разысканий, в первую очередь систематического просмотра рукописных сборников XVIII в.»²⁷ Блестящая формулировка самого Феофана — «тройственный диалект» — и должна стать ведущей мыслью издания. Думается, что в настоящее время осуществить такое издание настало время. Распределяя поэтическое наследие Феофана Прокоповича по разным национальным литературам (русская, украинская и польская), мы не столько обогащаем эти литературы, сколько обедняем и тем самым искажаем поэтический облик Феофана и особенности самой эпохи барокко. К тому же прямое и некритическое приложение современных представлений о национальной и культурной идентичности

---

²⁵ См.: *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории: XVII — первая половина XVIII века. М., 2000. С. 49–120. См. также: *Langer D.* Feofan Prokopovičs martialisches Epigramm auf Stanisław I. Leszczyński // *Slavistische Studien. Zum X. Internationalen Slavistenkongreß in Sofia 1988.* Köln; Wien, 1988. S. 389–397. (Slavistische Forschungen, Bd 54). Небольшая подборка латинских стихотворений Феофана представлена на сайте «The Latin Library» (URL: <http://www.thelatinlibrary.com/theophanes.html> (дата обращения: 12.10.2023)), но без какого-либо научного аппарата.

²⁶ *Феофан Прокопович.* Сочинения. С. 459–460.

²⁷ Там же. С. 17.

к прошлым векам неисторично, да и сами эти представления постоянно меняются и уточняются.²⁸

Целостный взгляд на многоязычное творчество Феофана Прокоповича не исключает, разумеется, изучения его в контексте национальных литератур и переводов его сочинений на национальные языки. В 1961 г. вышли «Сочинения» Феофана Прокоповича под редакцией И. П. Еремина. В этом томе была опубликована «Поэтика» Феофана Прокоповича в переводе Г. А. Стратановского (1901–1986). Появление этого перевода, безусловно, оказало большое влияние на изучение русской эстетической и литературной мысли первой половины XVIII в., и в первую очередь, для изучения литературы русского барокко. Совсем недавно стало известно, что в домашнем архиве Г. А. Стратановского сохранился полный перевод «Риторики» Феофана Прокоповича, выполненный в начале 1960-х гг. Вероятно, после появления тома «Сочинений» (1961) И. П. Еремин предполагал издать и «Риторику» отдельным томом, учитывая ее большой объем, но издание по неизвестным причинам не состоялось. Возможно, это было связано с безвременной кончиной И. П. Еремина в 1963 г. К имеющейся машинописи приложена аннотация предполагавшегося издания, но нет ни вступительной статьи, ни комментариев. Таким образом, в распоряжении ученых оказался неизвестный в науке русский перевод важнейшего риторического сочинения XVIII в., который в то же время является и памятником отечественной науки второй половины XX века. В настоящее время этот перевод уже издан.²⁹ В 1979 г.

---

²⁸В. К. Тредиаковский в «Рассуждении о оде вообще» (1734) писал: «Говоря о греках, римлянах и французах, не могу я умолчать о природном нашем россияине, то есть пресвященнейшем Феофане Прокоповиче, архиепископе Великоновгородском и Великолуцком, Святейшего правительствующего всероссийского синода первейшем члене, который поистине как другой Гораций, толь благородно и высоко, славно и великолепно вознесся в подражающей своей оде, сочиненной им на латинском языке» (*Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге*. СПб., 1873. Т. 2. С. 46). Тредиаковский, надо полагать, отдавал себе отчет, когда назвал Феофана «природным нашим россиянином». Этот отзыв был приведен в украинском издании сочинений Феофана, но с пропуском слов «о природном нашем россияине» (см.: *Феофан Прокопович. Філософські твори*. Т. 3. С. 487). Вряд ли такой подход способствует уяснению сути дела в историческом контексте. Об этом этнониме в языке первой четверти XVIII в. см.: *Grishchenko A. I. Rus' — Rossiia, and russkie — rossiiiane, and russkii — rossiiiskii in the «Catalogue of the Kievan Metropolitans» by St. Demetrius of Rostov // Slovĕne*. 2014. № 1. P. 102–119.

²⁹См.: *Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб., 2020. 488 с.*

появился украинский перевод «Риторики»,³⁰ а в 1982 г. был опубликован текст латинского оригинала.³¹ В условиях интенсивного в последнее время интереса к истории русской риторической традиции комментированное издание русского перевода «Риторики» Феофана Прокоповича будет стимулировать дальнейшее развитие этого направления.

Главный итог изучения полилингвизма творчества Феофана Прокоповича в науке XX в., в первую очередь — его поэтического наследия, заключается в том, что оно стало предметом изучения специалистами разных национальных литератур. Разумеется, и в рамках этих изучений еще предстоит сделать довольно много. Но уже настало время объединить эти усилия и воссоздать гуманистический образ поэта, проповедника и теоретика Феофана Прокоповича, свободно владевшего «тройственным диалектом» своей эпохи.

---

³⁰ См.: *Феофан Прокопович. Філософські твори*: В 3 т. Київ, 1979. Т. 1. С. 101–433. (В этом переводе опущена девятая книга «Риторики», посвященная духовному красноречию).

³¹ См.: *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706 / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982.*

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ — ПАРЕМИОЛОГ

Архиепископ Феофан Прокопович (1681–1736) известен как политический деятель, сподвижник Петра Первого, богослов, проповедник, драматург, поэт, переводчик, историк и публицист. Он был одной из главных фигур в культурно-историческом развитии России первой половины XVIII в. Но вот его интерес к фольклору и вообще к стихии устной речи особого интереса не вызывал — имени Феофана Прокоповича нет в истории русской фольклористики,¹ статьи о нем нет в недавно завершеном пятитомном издании «Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь»,² не упоминается он и в очерке по ранней истории собирания и изучения русских пословиц и поговорок.³ Между тем Феофан Прокопович уделял пословицам и поговоркам много внимания — он писал о них в своих теоретических трудах о литературе, собирал их и охотно цитировал в своих произведениях.

В 1705–1706 гг. Феофан Прокопович прочитал на латинском языке в Киево-Могилянской академии курс лекций по поэтике,⁴ а в 1706–1707 гг. он прочитал там же курс лекций по риторике на латинском языке,⁵ продемонстрировав в обоих курсах поразительную осведомленность в античной, ренессансной и современной филологической культуре, не говоря

---

¹ См.: *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1.

² См.: Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв. В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб., 2016–2020. Т. 1–5.

³ См.: *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Сов. фольклор. 1936. № 4–5. С. 299–368.

⁴ См.: *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 229–333 (латинский текст), 336–455 (русский перевод).

⁵ См.: *Feofan Prokopovič.* De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706 / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982; *Феофан Прокопович.* Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского. М.; СПб., 2020.

уже о святоотеческой традиции. В обоих курсах Феофан Прокопович приводил пословицы и афоризмы. Вот примеры из курса поэтики: «От этого произошла поговорка: ливийский зверь, т. е. человек лукавый, хитрый, притворщик, непостоянный; ненадежный, как говорит Эразм в «Книге притчей» («Ex quo crevit proverbium: Lybica fera, id est homo vafēr, callidus, versipellis, variis moribus ancipitique ingenio ut ait Erasmus in Libro proverbiorum»);⁶ «Подобного рода невежд метит, по свидетельству Скалигера («Книга пословиц»), поговорка: даже и Эзопа ты не читал» («Rudesque homines ejusmodi carperentur proverbio: ne Aesopum quidem trivisti teste Scaligero Libro proverbiorum»);⁷ «Следует знать, однако, что в виде присловья под именем музы или муз разумеется литература и науки» («Sciendum tamen est nomine Musae vel Musarum proverbialiter intelligi artes litterarias et scientias»);⁸ «Вследствие этого, думаю, родства поэзии с живописью и прославилось присловье, гласящее: поэзия есть говорящая живопись, а живопись — немая поэзия» («Et ob hanc, puto, cognationem poeseos cum pictura proverbium celebratum est, quo dicitur poesis esse loquax pictura; pictura autem muta poesis»);⁹ Из контекстов явствует, что Феофан Прокопович под термином *proverbium* понимал в первую очередь не народные пословицы и поговорки, а книжные изречения и афоризмы, что вполне ожидаемо в поэтике на латинском языке.

В курсе лекций по риторике Феофан поступает схожим образом, цитируя популярные изречения: «Отсюда возникла пословица: слезы слушателей — похвала оратору» («Unde proverbium natum est: lachrimae auditorum sunt laudes oratoris»);¹⁰ «Отсюда происходит известная пословица «Дурное яйцо от дурного ворона» (дурной человек, потому что рожден от дурных родителей)» («Unde est illud: Mali corvi malum ovum»);¹¹ В этом курсе Феофан подчеркивает и практическую пользу изучения и употребления пословиц в написанной для произнесения речи. Так, критикуя небрежный стиль некоторых проповедников, он говорит: «Если эти выражения перевести [буквально] на родной язык, то получится смешная бессмыслица. Сколько людей страдает таким недостатком,

⁶ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 267, 379.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 391, 277.

⁹ Там же. С. 405, 289–299.

¹⁰ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг. С. 47; *Feofan Prokovič. De arte rhetorica libri X. S. 25.*

¹¹ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг. С. 114; *Feofan Prokovič. De arte rhetorica libri X. S. 95.*

даже не перечислить: ведь зачастую они выражение родного языка переводят по-латыни буквально и сочиняют речь, которую даже сам Ромул не признал бы латинской. Поэтому, во избежание этого [недостатка], следует приобретать подлинное знание слов, пословиц, идиом родного языка» («Noc igitur ut vitetur, debet comparari solida notitia vocum, proverbiorum idiotismorum lingvae latina»).¹² В главе «О шутках, или острогах» (кн. 5, гл. 7) Феофан пишет, что «шутки необходимы оратору», и называет пословицы и поговорки одним из источников остроумия: «Удачное применение присловий делает речь весьма остроумной. Сюда относятся также басни Эзопа; много примеров ты найдешь у сатириков: Ювенала, Персия, Горация, много в посланиях Цицерона; кроме того, даже святые отцы, отбросив иногда суровость, пользовались в шутку как всякими другими выражениями, так и остроумными пословицами и побасенками; часто их употребляет святой Григорий Богослов, как в других своих сочинениях, так и в посланиях. В послании к святому Амфилохию Григорий просит прислать ему овощей; когда же Амфилохий прислал их в скудном количестве, то Григорий грозит ему в шутку голодом, говоря, что он задержит доставку хлеба, которого было много в его области, если тот будет продолжать скупиться на свои овощи, и заключает пословицей: «И узнаем, — говорит он, — одной ли только росой питаются цикады» («Adverbiorum apta applicatio urbanissimam facit orationem. ... proverbii et fabellis»).¹³ Как и в поэтике, в своей риторике Феофан Прокопович под термином *proverbium* понимал не столько народные пословицы и поговорки, сколько книжные изречения классических авторов.

Эти рекомендации Феофан Прокопович воплотил и в своей собственной практике проповедника. Свои поучительные слова и похвальные речи он писал на трех языках — на латинском, польском и церковнославянском.¹⁴ Подавляющее большинство его проповедей написано на гибридном церковнославянском языке.¹⁵ По этой причине книжные афо-

¹² Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг. С. 203; *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X. S. 207.*

¹³ Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг. С. 307; *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X. S. 317.*

¹⁴ См. перечень его произведений: *Cracraft J. Feofan Prokopovich: a Bibliography of His Works // Oxford Slavonic Papers. 1975. Vol. 8. P. 1–36.*

¹⁵ См.: Феофан Прокопович. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. СПб., 1760–1774. Ч. 1–4. О языке Феофана Прокоповича подробнее см.: *Живов В. М. Язык Феофана Прокоповича и роль гибридных вариантов церковнославянского в истории славянских литературных языков // Советское славяноведение. 1985. № 3. С. 70–85.*

ризмы из классических авторов он приводил не на языке оригинала, а в переводе. Например, в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе» 1709 г. он говорит: «Мне бо, сие помышляюшу, приходит на помысл древнее еллин и римлян присловие: оружие от рук отъяти Ираклию». ¹⁶ Вот еще аналогичные примеры: «Не меньшая бо слава есть удержати завоеванное, нежели завоевать, — давняя есть пословица»; «Древнее пословие есть: льва спящего не буди»; «Ведь киликийцы — пустые и вздорные болтуны некогда были отмечены греческой пословицей, которая по-латыни переводится так: киликиец нелегко говорит правду. Другая же пословица гласит: три каппы самые худшие. Эта пословица указывает на народ каппадокиицев, критян и киликийцев». ¹⁷ Феофан поступал таким образом не только в своих проповедях, но и в подготовленных им законодательных документах, так, в «Духовном регламенте» (1721), исключительно важном документе, определявшем правовое положение православной церкви в системе государства, он писал: «Древнее пословие есть греческое: другие помыслы мудрейшие суть паче первых», «А мудрии мужие сие между собою утвердили пословие: мудраго человека свойство есть отменять мнение». ¹⁸

Церковнославянский язык произведений Феофана Прокоповича не только позволял усваивать афористику классической античной литературы, но и открывал дорогу в язык литературных произведений русскому просторечию и народной фразеологии. И Феофан умело пользовался этой возможностью, рассыпая по своим проповедям и даже законодательным актам разные идиомы. В проповеди 1728 г., высмеивая святошу, Феофан говорит: «Часто на святых отец шлется, хотя доселе и ведомости не получил, кто и где они, многажды в разговорах бредив, довольно восклицает: «Глубина богословия! Великое дело богословия!», а он так ту богословию знает, как колмыки архитектуру». ¹⁹ В «Истинном оправдании правоверных христиан, крещением поливательным во Христа крещаемых» (1724) Феофан вновь издевается над невежами: «... а он и что есть писание, и что богословия так не ведает, как подземный крот о днев-

---

¹⁶ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 33. «Присловие это восходит к передаваемому Донатом в биографии Вергилия анекдоту: на упрек, что он берет свои стихи у Гомера, Вергилий ответил, что легче отнять дубину у Геркулеса (Геракла) — *Herculi clavam adimere*, — чем отнять хотя бы один стих у Гомера» (Там же. С. 462).

¹⁷ Там же. С. 108, 117, 379.

¹⁸ Духовный регламент. 8-е изд. СПб., 1776. С. 8, 36.

¹⁹ Феофан Прокопович. Слова и речи. Ч. 2. С. 246.

ном свете».²⁰ В указе 1724 г. «Объявление, когда и коей ради вины начался чин монашеский» Феофан приводит фразеологизм: «Во истину токмо старая пословица: ни Богу, ни людям».²¹ В «Рассуждении... на изданную бывшим в России иезуитом Риберою книгу» Феофан презрительно оценил оппонента: «не великаго болота кулик».²² В «Истории о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержцы всероссийской» (1730) Феофан, описывая провал заговора «верховников», пишет: «И сами тии, которые великой от сего собрания ползы надеялись, опустили уши, как бедные ослики».²³ В «Разговоре гражданина с селянином да певцем или дьячком церковным» Феофан использовал оборот «токмо губы помазал латиною»,²⁴ известный и А. Д. Кантемиру («губы чуть помазал в латину»)²⁵ Кроме классических афоризмов и собственно русских пословиц, Феофан мог процитировать в проповеди и польскую пословицу, например: «Сиесть тщательством монарха нашего испразднися оная древняя пословица сарматская: «не разом Краков будовано».²⁶ Таким образом, в свои произведения на гибридном церковнославянском языке Феофан Прокопович свободно вводил пословицы, поговорки, народные сравнения и другие идиомы на русском языке. Иногда Феофан вводил фразеологизмы с помощью метаоператоров «пословие» или «пословица», но здесь нужно помнить о том, что паремиологическая терминология на рубеже XVII–XVIII вв. еще не сформировалась окончательно, и она отличается от современной, несмотря на кажущееся тождество терминов.²⁷

Приводя в своих произведениях пословицы, Феофан Прокопович опирался, разумеется, на свое языковое чутье, но не только — он собирал и записывал пословицы, видимо, со слуха. С формальной точки зрения,

²⁰ Цит. по: Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880. С. 293.

²¹ Цит. по: Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 714.

²² Цит. по: Феофан Прокопович. Філософські твори: В 3 т. Київ, 1979. Т. 1. С. 463.

²³ Цит. по: Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. XXI.

²⁴ Цит. по: Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель. С. 154.

²⁵ Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 114.

²⁶ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 45. Ср.: «Nie od razu Kraków zbudowano» — Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich. Warszawa, 1970. Т. 2. S. 189–190.

²⁷ См.: Николаева Е. К., Николаев С. И. Из истории русской паремиологической терминологии. (Конец XVII — первая половина XVIII в.) // Русский язык конца XVII — начала XIX в. (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 77–85.

его записи не сохранились, точнее, пока не обнаружены, но об их существовании нам доподлинно известно, пусть и из вторых рук, но из очень надежного источника.

В 1701 г. в Россию прибыл немецкий богослов-пиетист и лингвист Иоганн Вернер Паузе (1670–1735). Он преподавал в гимназии пастора Э. Глюка (Москва), после смерти которого стал директором гимназии. Затем он служил учителем в частных домах, в том числе обучал царевича Алексея, а в конце 1724 г. он был принят Л. Блюментростом в создававшуюся Академию наук в Петербурге переводчиком, где прослужил до конца жизни.

В России Паузе с 1705 г. до 1720 г. работал над составлением русской грамматики, а затем приступил к созданию русско-немецкого словаря. Паузе — первый известный по имени собиратель русских пословиц. Он приступил к собиранию пословиц почти сразу по прибытии в Россию; это было связано как с его работой над русской грамматикой, так и с преподавательской деятельностью, в которой Паузе уделял особое внимание употреблению пословиц в речи и переводу их на немецкий язык. Он записывал пословицы и поговорки от своих учеников (в частности, от детей и племянника кн. П. М. Долгорукого), некоего «г-на Миллера», «слуги Василия». Таким образом, Паузе записывал пословицы и поговорки как со слуха, так и собирал по письменным источникам. Русские пословичные выражения он сопровождал переводами или разъяснительными пометами на немецком или латинском языках. По признанию самого собирателя, при обработке пословиц он пользовался помощью не названного им по имени «староученого русского»²⁸.

В архиве Паузе сохранилось несколько тетрадей с пословицами, которые были опубликованы в 1961 г.²⁹ Две тетрадки имеют отношение к Феофану Прокоповичу. Одна тетрадка (БАН 26.3.1) озаглавлена «*Proverbia Ruthenica*», в верхнем правом углу листа почерком Паузе приписка на латыни: «*Olim (ni fallor haec ex libro Archiep. Procopi descripsi) dubito magis, quam vera dico*» («Когда-то, если я не ошибаюсь, я выписал все это из книги архиепископа Прокопия, и очень сомневаюсь, насколько

²⁸См.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. С. 226–227; Прил. С. 89–96; *Николаев С. И.* Паузе И. В. // *Русские фольклористы: библиографический словарь. XVIII–XIX вв.*: В 5 т. Т. 4: II — Софронов А. В. СПб., 2019. С. 55–56.

²⁹См.: *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XIX веков.* М.; Л., 1961. С. 40–46, 253–257.

это достоверно»). На второй рукописи (БАН 26.3.6) сверху приписано «Присловицы глумные» и далее «Adagia a Rev[erendissimo] Ep[iscop]o Pr[osorowicz] communicata» («Пословицы, сообщенные преосвященным епископом Прокопием»). «Pr.» подчеркнуто, в правом углу другим почерком выписано «Pr[osor]io». ³⁰ Известно, что Феофан Прокопович охотно беседовал с учеными людьми и давал им книги из своей обширной библиотеки. В языке пословиц, выписанных Паузе из материалов Феофана, заметны следы украинского произношения («тыхая вода», «в турме» и др.), поэтому нет оснований сомневаться в свидетельстве Паузе.

В тетрадке, озаглавленной Паузе «Proverbia Ruthenica», записано 215 пословиц, ³¹ а в тетрадке «Присловицы глумные» (т. е. веселые, непристойные пословицы) — 21 пословица. ³² Большая часть пословиц из собрания Паузе совпадает с пословицами более ранних сборников, но встречаются и варианты, а среди выписанных у Феофана есть пословицы, отсутствующие в более ранних сборниках, например, «Силного в тюрьме, богатого на кабаке, а дурака в попах», «Пиво пьяно — великий грех, пиво в мале — грешнее того, пива не стало — тошнее того». ³³ С современной точки зрения, подборки пословиц Феофана очень неоднородны по составу, равно как и другие сборники конца XVII — первой половины XVIII в. — в них перемешаны книжные изречения, народные пословицы и поговорки, народные сравнения, расхожие идиомы и даже загадки. Порядок пословиц в выписках Феофана не совпадает с другими сборниками и расположены они не в алфавитном порядке, отсюда можно сделать осторожное предположение, что Феофан Прокопович записывал их по памяти или со слуха. Это, впрочем, и придает им качество достоверности, они как будто выхвачены из устной стихии со всеми ее особенностями, лексическими, синтаксическими и произносительными.

Феофан Прокопович, конечно, не был ни фольклористом, ни фразеологом в современном понимании. Проявляя очевидный интерес к идиоматике устной речи, Феофан еще не проводил строгого отличия народной пословицы от афористики литературного происхождения, что вполне

---

³⁰ См.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XIX веков. С. 255. Фотография первого листа второй рукописи с записью Паузе на латыни воспроизведена на с. 43.

³¹ См.: Там же. С. 40–42.

³² См.: Там же. С. 45–46.

³³ См.: Там же. С. 255.

соответствовало уровню паремиологии его времени. Если Паузе собирал пословицы для изучения и преподавания языка, а следующее поколение русских языковедов и лексикографов будет собирать их для выборки «обветшалых слов» для составления словаря русского языка, то Феофан, скорее всего, собирал их для своей литературной деятельности, следуя своему же наставлению — «Удачное применение присловий делает речь весьма остроумной». В трудах Феофана Прокоповича счастливым образом соединились теоретические размышления о роли пословиц в литературном тексте, практическое их применение, включая не только проповеди, но и законодательные акты, а также собирательская деятельность.

**ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «РИТОРИКЕ»
ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА
(«Христианский Вергилий»)**

С начала книгопечатания по 1700 г. было опубликовано 3842 издания по риторике 1717 авторов, при этом некоторые из них неоднократно переиздавались.¹ Эти труды предназначались для обучения риторическому мастерству и они продолжали общую традицию, поэтому неудивительно, что какие-то теоретические определения или особенно удачные иллюстративные примеры из античной или святоотеческой литературы перекочевывали из одного пособия по риторике в другое, и предосудительным это вовсе не считалось. Позаимствовав из чужого трактата иллюстративный пример, автор нового сочинения вряд ли проверял его подлинность, да и сам мог допустить ошибку. Вот пример из русского XVIII в.

В «Кратком руководстве к красноречию» (1748) М. В. Ломоносов привел небольшое стихотворение «На белых волосах у Аппия зима...», авторство которого он приписал Марциалу.² У Марциала, однако, такой эпиграммы не обнаружено, поэтому в комментариях к этому стихотворению обычно писали, что источник цитаты не обнаружен. Но в 1972 г. П. Левин обнаружила латинский оригинал стихотворения «На белых волосах у Аппия зима...» в популярном пособии по риторике «Оратор без подготовки» («*Orator extemporaneus*») польского педагога и теоретика красноречия XVII в. Михаила Радау (ок. 1616–1687).³ Впервые

---

¹ См.: *Green L. D., Murphy J. J. Renaissance Rhetoric Short-Title Catalogue 1460–1700: Revised and Expanded.* Aldershot, 2006.

² См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.: JL, 1952. Т. 7. С. 207–208, 824.

³ См.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie.* Wrocław, 1972. S. 116–117.

учебник был издан в 1650 г. и до 1741 г. выдержал 25 изданий. Радау, правда, не приписал эту эпиграмму Марциалу, но у него она напечатана сразу после эпиграммы, действительно принадлежащей Марциалу, а эпиграмму об Аппии отделяют только слова: «Item in ebrium Appium» («Также на пьяницу Аппия»). Позднее выяснилось, что Ломоносов перевел из учебника Радау еще несколько примеров для своего пособия, а эпиграмма про Аппия была написана фламандским новолатинским поэтом Бернардом ван Баухюйсенем (1575–1614/1619; Bernhard van Bauhuysen).⁴ Этот маленький пример наглядно иллюстрирует работу авторов пособий по риторике с трудами своих предшественников и возникающую иногда при этом путаницу.

Спутать классического автора с новолатинским случилось и Феофану Прокоповичу. В 3 гл. книги V («О способах изображения душевных состояний») своего курса «Риторики», который он прочитал в 1706–1707 гг. в Киево-Могилянской академии, Феофан пишет: *Inhonestus restinqui poterit his rationibus. 1 si ostendatur rei amatae deformitas, ut enim pulchritudo amoris causa est, ita turpitude eundem avertit. 2: Amorem hunc pessimam esse severitatem Virg: Ecloga 1: Quisquis amat servit, sequitur captivus amantem, fert domita cervice iugum.*⁵ Ни в издании латинского оригинала, ни в переводе «Риторики» Феофана на украинский язык это место никак не прокомментировано,⁶ однако в именных указателях в обоих изданиях соответствующие страницы стоят у имени «Вергилий Публий Марон»⁷. Между тем, эти указания ошибочны. Простая проверка приведенной Феофаном цитаты показывает, что таких стихов в 1 эклоге Вергилия нет.

---

⁴ См. подробнее: *Костин А. А., Николаев С. И.* Неучтенный источник риторики Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. М.; СПб., 2013. С. 41–53.

⁵ *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706 / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982. S. 298.* — Перевод: «Недостойную любовь можно подавить следующими способами: во-первых, показав безобразии предмета любви; ведь как красота является причиной любви, так уродство ее отвращает; во-вторых, показать, что такая любовь является наихудшим рабством. Вергилий в 1 эклоге говорит: Всякий, кто любит, — невольник, и за любящим следует пленником, Носит он иго на шее покорной и т. д.» (*Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского. М.; СПб., 2020. С. 287.*)

⁶ См.: *Феофан Прокопович. Філософські твори: В 3 т. / Переклад з латинської. Київ, 1979. Т. 1. С. 298.*

⁷ См.: *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706. S. 496; Феофан Прокопович. Філософські твори. Т. 3. С. 502.*

Эти стихи обнаруживаются в эклоге совсем другого автора — новолатинского поэта Баттисты Мантуанского (Джованни Баттиста Спаньоли, Giovanni Battista Spagnuoli, 1447–1516), итальянского поэта, гуманиста и деятеля католической церкви. Приведенное Феофаном двустишие есть в его эклоге I (Faustus).⁸ Но почему Феофан в своей «Риторике» приписал двустишие Вергилию?

Баттиста Мантуанский прославился своими эклогами, в которых он подражал Вергилию, и еще при жизни приобрел славу «второго Вергилия» или «христианского Вергилия».⁹ Среди ценителей его таланта был и Эразм Роттердамский, который в частном письме 1496 г. назвал его «Christianus Maro».¹⁰ Неудивительно, что Баттиста Мантуанский привлек внимание авторов пособий по поэтике и риторике. Не исключено, что Феофан Прокопович мог познакомиться с его эклогами еще во время своего пребывания в Риме, где он учился в 1698–1701 гг. в иезуитской греческой коллегии св. Афанасия. Но вот само двустишие Баттисты Мантуанского Феофан, скорее всего, позаимствовал из какого-то руководства по риторике и не озаботился его проверкой, поскольку сочетание Вергилия и эклоги никаких подозрений вызвать не могло. Авторитет и репутация Вергилия оставались безупречными и в Средние века, и в Новое время,¹¹ поэтому ссылки на него в «Риторике» Феофана Прокоповича, скорее, ожидаемы.

Но и словосочетания «Vergilius Christianus» или «Christianus Maro» вряд ли смутили бы Феофана, поскольку идея христианизации античности была ему близка и в первой трети XVIII в. он был, вероятно, единственным поэтом, последовательно пытавшимся в своем творчестве воплотить идею *parodia christiana* для освоения классической поэзии русской литературой.¹² В первой половине XVIII в. эта практика получила известное распространение в русской литературе, но затем была вытеснена на периферию литературной практики, хотя и благополучно

⁸ См.: *Adulescentia: The Eclogues of Mantuan* / Ed. by L. Piepho. N. Y., 1989. P. 8.

⁹ См.: *Mustard W. P.* On the Eclogues of Baptista Mantuanus // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1909. Vol. 40. P. 151–183.

¹⁰ См.: *Erasmus, Desiderius*. *Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami* / Ed. by P. S. Allen. Oxford, 1906. Vol. 1. P. 163, cf. P. 157.

¹¹ См.: *The classical tradition* / Ed. by A. Grafton, G. W. Most, S. Settis. Cambridge (Mass.), 2010. P. 965–969.

¹² См.: *Николаев С. И.* К предьстории Горация в России // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*. Köln; Weimar; Wien, 2001. P. 303–314.

дожила до самого конца XVIII в. в семинарской поэзии, т. е. в породившей ее духовной среде.¹³

В своей «Риторике» Феофан Прокопович привел множество иллюстративных примеров из внушительного числа светских и церковных авторов, чаще всего Цицерона и Иоанна Златоуста, и в широком хронологическом диапазоне — от античности до конца XVII в. Он не всегда точно цитировал тексты, случалось, ошибочно приписывал произведения другим авторам или заимствовал примеры из вторых рук. Именно это и произошло с двустишием из «христианского Вергилия». Вместе с тем появление этого двустишия в «Риторике» Феофана показывает тесную связь новолатинской поэзии с классической, пусть иногда и в духе христианизации античности.

---

¹³ См.: Николаев С. И. 1) «Сенека христианский» в переводе рубежа XVII–XVIII вв. // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 452–459; 2) Отзвуки *parodia christiana* в русской литературе XVIII века // Чтения по русской литературе XVIII века. М.; СПб., 2018. Вып. 8: Русская литература XVIII столетия в науке XX века; Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX века. С. 258–267.

О СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПЕРЕРАБОТКЕ «РИТОРИКИ» ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

С начала XX в., со времени разысканий В. Г. Дружинина, известно, что все учебники риторики, имевшие хождение в России в первой половине XVIII в., были известны и в старообрядческой среде на Выгу.¹ Разыскания В. Г. Дружинина были затем существенно дополнены Н. В. Поньрко,² а потом уточнены О. Д. Журавель.³ В частности, выяснилось, что старообрядческая переработка «Риторики» Феофана Прокоповича известна сейчас в 8 списках XVIII в. Остается по-прежнему неясным происхождение русского текста «Риторики» Феофана Прокоповича — пока этот вопрос совершенно не был исследован.

«Риторика» Феофана Прокоповича в оригинале на латинском языке — это большое сочинение в 10 книгах.⁴ Старообрядческая переработка значительно меньше оригинала, примерно в 10–15 раз. Переработка была очень существенной не только по объему, но и по форме — не 10 книг, а 5 бесед в вопросно-ответной форме. Уже из этого ясно, что старообрядческая риторика, приписанная Феофану Прокоповичу, не является переводом, и искать его следы бесперспективно.

Поскольку характер старообрядческой переработки фактически исключает сплошную пословную сверку с оригиналом, то нужно было обратить внимание на характерные и принципиальные особенности. И при сравнении старообрядческой переработки с латинской «Ритори-

---

¹ См.: Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911.

² См.: Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154–162.

³ См.: Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. С. 30–34.

⁴ См.: *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706* / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982.

кой» Феофана Прокоповича неожиданно стало выясняться, что прямых следов «Риторики» именно Феофана Прокоповича в переработке не найти. Приведу примеры.⁵

Старообрядческая риторика.

Беседа 4, раздел «О украшении речений в разуме измененных или о тропах».

Сия суть первого ради украшения, называются гречески тропы.

Вопрос. Что есть тропос, и коль многия суть тропы. Ответ. Троп есть речение, разум свой на инный пременяющее. Суть же изящнейшии тропи шесть: метафора, синекдохи, метонимия, антономасия, аллегория, ирония (л. 129 об.).

«Риторика» Феофана Прокоповича, кн. 4, глава IX «О фигурах, способствующих услаждению». Всего в этой главе Феофан перечисляет 27 фигур (S. 260–269; С. 251–259). Перечисленные в старообрядческой риторике тропы у Феофана идут совсем в другом порядке: 15. Метафора; 26. Синекдоха; 17. Метонимия; 5. Антономасия; 16. Аллегория; 7. Хлеуазм есть род иронии.

Сравним некоторые определения.

Метафора

Феофан Прокопович

15. Метафора — общеизвестный и весьма распространенный троп; удобен для всех видов ораторского искусства; когда слова, употребленные в собственном смысле, в силу сходства принимают переносное значение. Примеров повсюду много (S. 267; С. 257).

Старообрядческая риторика.

Вопрос. Что есть метафора? Ответ. Метафора есть, егда речения от своего разумения преносится к разумению не своему с добрым подобием. Например, *волнение еретическое*. Зде *волнение* назнаменует истинной волны морской или водной, коему же знамению и родися. Назнаменует смущение еретиков наводиное. И тако оставльше свое разумение, пренесся ко иному.

---

⁵ Старообрядческая риторика цитируется по рукописи: БАН, собр. Дружинина, № 124. Л. 71–148. («Риторика Ф.Прокоповича»). Ссылки на латинский текст «Риторики» Феофана Прокоповича даются по изданию: *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706*. Цитаты из «Риторики» Феофана приводятся на русском языке по кн.: *Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб., 2020*. В тексте в скобках после цитат указываются, соответственно, листы рукописи или страницы изданий.

Вопрос. Коим образом изрядную метафору изобрести мощно? Ответ. Первые взыщи доброе ко твоей вещи подобие, например, хотяще рещи *страшный позор*, чрез метафору подобие изобретаю *позор зверей*, ибо тыя страшны суть. Та же вземше некое речение, в подобии том обретающоя, приложи к вещи твоей без того наречия *яко*, например: *звериный позор* преносити же мощно, или глаголи *цветет юность, увядает житие*, или имена: *цвет юности, увядающее житие*.

Вопрос. Колико видов или образов иматъ метафора? Ответ. Четыре по числу вещей, от них же и коим же преносятся речения. Первое, от животных ко животным, например, *воюют еретицы на церковь*. Второе, от не-животных к не-животным: *светятся цветы в вертограде*. Третье, от животных к неживотным: *цвет веселится, горы възыграшася*. Четвертое, от неживотных к животным: *жестокый человек*, и прочая (л. 129 об.—131).⁶

Ничего похожего у Феофана Прокоповича в параграфе о метафоре нет вообще.

Еще пример из этого же раздела.

Аллегория

Феофан Прокопович

16. Сюда надо отнести также аллегория, которая бывает двойкой: чистая — когда все слова, взятые по подходящему сходству, имеют одно значение действительное, а другое — кажущееся. Например, известное выражение Златоуста в «Слове против Евтропия»: «Мои раны приносят здоровье», под [словом] раны он разумеет его порицания и [таким образом создает] смешанные [выражения], в которых соединены слова в переносном и в собственном смысле; как если бы он сказал: «Раны моих порицаний приносят исцеление (S. 267; С. 257).

Старообрядческая риторика.

Вопрос. Что есть аллегория? Ответ. Малым чим разньвит от метафоры и есть многих речений от своего разумения ко чюждему пренесение во едином подобии, например, *ниже волнение еретическое, ниже яростию дышуущии гонителей ветри, разбити могут корабля Христова*.

Вопрос. Колико видов суть аллегории? Ответ. Два, инная бо аллегория чистая есть, инная же смешенная есть. Чистая есть, в нейже вся речения пренесенна суть, ни единому сущу свойственному. Сицевая есть у псаломника: *виноград из египта принесл еси* и прочая. Смешенная же есть, в нейже речения пренесенная со свойственными смешаются. И есть сия аллегория светлая и удобь уразумительная, якоже рече Павел святой: *вем яко земная наша храмينا тела разорится*. Зде убо *храмина разорится* суть речения принесенная, от подобия здания

⁶Курсивом выделены слова и выражения, которые анализирует автор старообрядческой риторики (курсив мой. — С. Н.).

к животу и смерти, *тела* же есть речение свойственное, ибо тожде знаменует зде, еже и всегда (л. 132 об.–133 об.).

Та же самая картина — старообрядческая риторика дает совершенно другой текст. При этом Феофан Прокопович цитирует Иоанна Златоуста, а старообрядческая риторика — апостола Павла. Замена была бы понятна, если бы Феофан цитировал классического античного автора, каковые в обилии им приводятся во всем трактате, но здесь замена не была обязательной.

Еще пример из последней беседы, «Беседа 5. О памяти и проповеди». Это заключительная часть любой риторики — как заучивать речь и как владеть голосом и жестиком в течение произнесения речи. Это самая небольшая книга у Феофана («Книга X. О памяти и произнесении», S. 454–466; С. 443–454) и всего полторы страницы в старообрядческой риторике (л. 144 об.–146).

Старообрядческая риторика советует, в частности, следующее:

5. И тако инныя пособие памяти своей творят: в церкви той, в которой проповедати имут, усмотревают некия знаменитыя части, столпы, стены, иконы и прочая, и на них памяти свои аки привязуют ради некоего подобия доводов своих с теми частями. Например, первую часть слова на иконе Спасове, вторую на десном крилосе, третью во вратах и прочая (л. 145 об.–146).⁷

Это хорошо известный в классической риторике совет по мнемотехнике, он подробно описан уже у Квинтилиана, а затем он разрабатывался в трактатах по риторике XVI–XVIII вв.⁸ В западноевропейском происхождении этой рекомендации сомневаться не приходится. Но вот в «Риторике» Феофана Прокоповича этого совета нет, нет и никаких оснований считать, что составитель старообрядческой риторики придумал его самостоятельно.

Таким образом, совпадающие места (например, тропы) у Феофана Прокоповича и в старообрядческой риторике описаны по-разному и их число не совпадает, иллюстративные примеры из авторов не совпадают, и при этом в старообрядческой риторике есть места и определения, ко-

---

⁷Ср.: Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в. С. 33.

⁸См.: Йейтс Ф. Искусство памяти / Пер. с англ. СПб., 1997. С. 14–20, 83, 147, 151, 159; Николаев С. И. Классический прием мнемотехники в старообрядческой риторике XVIII в. // Книга и книжная культура в Западной Европе и России до начала Нового времени. Сборник в честь Александра Хаймовича Горфункеля. М.; СПб., 2019. С. 359–362.

торых нет в «Риторике» Феофана Прокоповича. Все это приводит к выводу, что так называемая старообрядческая переработка «Риторики» Феофана Прокоповича не имеет отношения к «Риторике» Феофана Прокоповича.

Но как и почему появился этот псевдоэпиграф — «Риторика Ф. Прокоповича»? Именно так называется трактат в дружининской рукописи. Для положительного ответа данных нет и таковые вряд ли появятся, можно высказать только предположения. Имя Феофана появляется в списках старообрядческой риторики только с середины XVIII в., в более ранних списках автор не назван. Самый ранний список этой старообрядческой риторики, уваровский, датируется 1712 г.⁹ Что здесь примечательно? Феофан Прокопович прочитал свой курс риторики в 1706–1707 гг. К 1712 г. перевод-переделка мог, конечно, быть подготовлен, хотя для этого и требовалась бы определенная поспешность. Но этому противоречит то немаловажное обстоятельство, что у Феофана тогда еще не было той известности и даже славы, которую он приобрел в России в 1720–1730-е гг. Только в 1706 г. он впервые увиделся в Киеве с Петром I, в Петербург Петр вызвал его в 1715 г., а приехал он туда в конце 1716 г. и сразу активно включился в русскую церковную жизнь.

В настоящее время известно 9 списков «Риторики» Феофана Прокоповича на латинском языке. Четыре из них хранятся в Национальной библиотеке Украины имени В. И. Вернадского (Киев), а пять — в российских архивах и библиотеках. Вот их перечень:

- 1) РНБ, собр. Новгородской духовной семинарии, № 57.
- 2) РНБ, собр. Петроградской духовной семинарии, № 71 (1196).
- 3) РГИА, ф. 834. оп. 3, № 3421. «Риторика» переписана в 1751 г., в рукописи есть владельческая запись переписчика: «Сия Риторика студента Словеногреколатинской Академии Михаила Федоровича Тодорского».
- 4) РГБ, ф. 173. II, собр. Московской духовной академии, № 86 (Ин. 2159).¹⁰ Рукопись переписана в 1750 г. На титульном листе есть владельческая запись: «*studi Basilius Semenow*».

---

⁹См.: ГИМ, собр. Уварова, № 318. Лл. 168–204; Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в. С. 30. См. фотовоспроизведение первого листа этой риторики в кн.: Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 1. С. 19.

¹⁰Эта рукопись доступна в интернете, см.: URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/173-ii/f-173ii-86> (дата обращения: 13.10.2023).

5) Тобольский краеведческий архитектурный музей-заповедник. Шифр: № 31356. Поскольку в рукописи помимо «Риторики» Феофана Прокоповича есть письма митрополиту Тобольскому Антонию (Стаховскому) 1722 и 1724 гг., то можно полагать, что рукопись еще в первой половине XVIII в. попала в Тобольск.

Списки «Риторики» Феофана Прокоповича на латыни появляются в русских духовных училищах в середине века, о чем свидетельствуют владельческие записи и записи переписчиков. Нет сомнений, что его «Риторика» пользовалась высоким авторитетом и использовалась в преподавании в разных духовных училищах. И как раз с середины века авторство ранее анонимной старообрядческой риторики начинает приписываться Феофану. Есть все основания полагать, что псевдоэпиграф появился по обычной для псевдоэпиграфов причине — для придания данному сочинению авторитетности, ведь Феофан Прокопович действительно написал замечательный риторический трактат. Русские писатели эпохи классицизма высоко оценивали ораторское искусство Феофана Прокоповича.¹¹ Не пожалел для него похвальных эпитетов и Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772): «Вот как история предлагает нам Феофана; Феофана, первого из наилучших наших писателей, который многообразным учением столь себя прославил, то в ученой истории заслужил место между славнейшими писателями; Феофана, красноречием столь великого, что некоторые учнейшие люди почли его именем российского Златоуста».¹² Книжники Выго-Лексинского старообрядческого общежития были знакомы с трудами Феофана Прокоповича — в библиотеке пустыни были рукописные и печатные труды Феофана.¹³ Более того, выговские деятели старообрядчества в 1734 г. даже переписывались с Феофаном по церковным делам.¹⁴ Все эти обстоятельства позволяют, как представляется, хотя бы отчасти прояснить ту обстановку, в которой примерно в сере-

---

¹¹ См.: Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 50–80. (XVIII век. Сб. 9).

¹² Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 339.

¹³ См.: Юхименко Е. М. 1) Рукописно-книжное собрание Выго-Лексинского общежития // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 101–102; 2) Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 391.

¹⁴ Юхименко Е. М. 1) Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2. С. 63–64; 2) Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 2. С. 315–320, 442, 489–490.

дине XVIII в. авторство анонимной старообрядческой риторики начала века было приписано Феофану Прокоповичу. Но это, разумеется, только предположение, которое вряд ли удастся подтвердить. Вместе с тем очевидно, что эта старообрядческая риторика, безусловно, восходит к пока не установленному руководству по риторическому искусству, скорее всего, на латинском языке. Но был ли это учебник по риторике западноевропейского или украинского происхождения — это еще предстоит установить. Определенную помощь при этом окажет наличие в заключительном разделе «О памяти и проповеди» приема по мнемотехнике, который присутствует далеко не во всех риторических руководствах XVII–XVIII вв.

ТРУДНЫЙ КАНТЕМИР

(Стилистическая структура и критика текста)

В 1748 г. А. П. Сумароков заметил в примечании ко второй эпистоле («О стихотворстве»), что «разумные мысли» Кантемира «повсюду нечистым, холодным и принужденным складом гораздо затмеваются».¹ Этот приговор был вынесен спустя три года после смерти сатирика и за 15 лет до издания его сатир. Несмотря на всю суровость слов Сумарокова, его мнение в значительной степени справедливо. Более того, сам Кантемир, скорее всего, согласился бы с этими словами (но не оценкой!), поскольку «принужденный склад» создавался им совершенно осознанно и последовательно. Видимая простота стиля сатир Кантемира — это элитарная простота, которой нельзя достичь иначе, как штудировав римских классиков. Отсюда выпады Кантемира против тех, кто «легко, на одной стоя ноге, много их (стихов. — *С. Н.*) намарать может» (425), а также неоднократные признания, что сам он пишет «с трудом» (ср. 173–174).² Но он писал не только «с трудом», но и трудно. В сатирах Кантемира много мест, требующих для понимания особого анализа и которые в ряде случаев проясняет только обращение к рукописи и анализ текстологических решений предшествующих изданий, издатели которых иногда пренебрегали текстологическим правилом *lectio difficilior*.

Обратимся сразу к примерам таких темных и сложных мест. Описывая в V сатире Стенона, который «в беседе врет что в ум ни вспало», Сатир говорит:

---

¹ Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957. С. 127.

² Здесь и далее сочинения Кантемира цитируются по кн.: *Кантемир А.* Собр. стихотворений. Л., 1956 (далее — изд. 1956). Цифра в скобках указывает страницу. Текст, однако, цитируется с исправлениями по «академическому списку» 1755 г. (см.: ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 132), по которому и печатались сочинения Кантемира в XVIII–XX вв.

Слыша его, колесо мельницы шумливу
Воду двигать мнит ти ся в звучные обраты (122).

Расставив слова в естественном порядке, мы можем прочесть следующее предложение: «Слыша его, ти (т. е. тебе) мнится (т. е. кажется) — далее идет оборот *accusativus cum infinitivo*, который переводим придаточным предложением, где подлежащим будет винительный «шумливу воду», а сказуемым инфинитив «двигать», — что шумливая вода двигает колесо мельницы в звучные обраты (т. е. обороты)». Такой грамматический разбор соответствует прочтению самого Кантемира в примечаниях: «Слыша его, кажется, что вода с шумом бьет в мельничное колесо, которое ворочается, звуча сильно: так громко и беспрестанно говорит» (139). Между тем изд. 1956 исправляет «мнит ти ся» на «мнитися» (инфинитив?), а это чтение лишает все предложение смысла. И. Барков в данном случае только переставил местами две частицы и напечатал «мнит ся ти», что позволяет прочесть фразу.³ Издание П. А. Ефремова также исправляет на «мнитися» и сопровождает примечанием: «Здесь, как и во многих других местах, галлицизм несколько затемняет смысл речи».⁴

В той же сатире Сатир упрекает целовальника в том, что

<народ> душе веря твоей, ценой покупает
Вина воду (127).

Повторив вышеописанную операцию, получаем следующий текст: «<народ> <...> покупает воду ценой (т. е. за цену) вина». Однако изд. 1762, 1867 и 1956 дают чтение «покупает с вином воду». Вероятно, издателей смущало сочетание «вина воду», но при их чтении, вполне с виду осмысленном, повисает в воздухе слово «ценой» — оно не только лишнее, оно ни к чему не относится и ни к чему не присоединяется. Сразу отмечу, что уповать у Кантемира на слова-«затычки» (по терминологии В. К. Тредиаковского), грамматические неправильности и солецизмы — дело почти безнадежное. Издательские конъектуры должны иметь веские основания, поскольку Кантемир исключительно педантично относился к грамматике. В его примечаниях часто встречаем грамматические пояснения.

³ Имеется в виду издание, подготовленное И. С. Барковым: Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни. СПб., 1762 (далее — изд. 1762).

⁴ *Кантемир А. Д.* Соч., письма и избр. переводы / Ред. изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867. Т. 1. С. 102 (далее — изд. 1867).

Например, к стиху «Гордость, леность, богатство — мудрость одолело» (61) — «Мудрость одолело. В сем месте *мудрость* есть винительного падежа» (67). К стиху «Сосед наш был знатному слуга господину» (128) — «Вместо *знатного господина слуга*. Обыкновенно во Святом писании дательный падеж вместо родительного употреблять» (142). Или: «*И стина гнется ему. Ему вместо его*. Часто так и некрасиво дательный вместо винительного употреблять можно» (178) — и целый ряд других пояснений. О словах-«затычках» он резко заметил: «Часто подлым стихотворцам случается те тринадцать слогов дополнять речми, которые к делу никакого сношения не имеют» (177).

Вот еще пример поспешной конъектуры. Во II сатире Филарет утверждает, что

Грамота, плесню и червями
Изгрызена, знатных нас детьми быть свидетель —
Благородными явит одна добродетель (70).

Прочитаем описанным выше способом первые два стиха, сразу переводя оборот асс. *cum inf.* придаточным предложением: «грамота, плесню и червями изгрызена, свидетель, что мы суть дети знатных». И это соответствует примечанию Кантемира: «Грамота <...> засвидетельствует, правда, что мы приходим от знатных людей» (79). Однако изд. 1762, 1867 и 1956 печатают не «быть свидетель», как в рукописи, а «есть свидетель», т. е. в их понимании «есть» относится к «свидетель» («грамота <...> есть свидетель»), тогда как в действительности правильное чтение «быть» относится к «нас». При видимой правильности чтения «грамота <...> есть свидетель» вторая половина фразы («знатных нас детьми») синтаксически не соотносится с первой, повисает в воздухе и не дает смысла.

Наконец, последний пример необоснованной конъектуры, чрезвычайно выразительной. Сатир, осуждая пьянство на Николин день, никак не может взять в толк,

Что глупой народ людей угождая страсти.
Мнился Бога чтить, вином наполняя брюхо (126).

Изд. 1956 печатает «глупый народ». «Глупый» — прилагательное мужского рода в именительном падеже, тогда как рукопись дает «глупой» — дательный падеж женского рода, и это определение относится к слову «страсти», что и объясняет Кантемир: «Слова сего стиха в сродном порядке так бы должны лежать: что народ, людей угождая глупой страсти» (141).

Кантемир постоянно объясняет, что он употребляет «несродный» порядок слов, например:

Да всяк открывать свое мнение свободен,
Если вредно никому и законов сила
Чтительна нужду молчать в том не наложила (163).

«Сродным порядком так бы речи лежать должны были: да всяк свободен (волен) открывать свое мнение, если никому вредно (если оно никому не вредит) и если чтительная сила законов не наложила в том нужду молчать (если законы не запрещают о таком деле говорить)» (171). В примечании автор трижды в скобках раскрывает смысл сказанного, т. е. не уверен в его правильном понимании, даже когда слова расставлены в «сродном» порядке.

Однак как время того, кто не примечает
Причины дел, учинить искусным не знает (157).

«Сродным порядком слова так бы лежать должны: как время не знает (то есть не может) учинить искусным того, кто не примечает причины дел» (165).

И плодоносный Нил, что наводняет
Царство, богатством славно, славно дела (201).

«Сродным порядком слова так бы лежать должны: и царство, богатством славное, славное делами, что (вм. которое) плодоносный Нил наводняет, ощущает пользу твоих законов» (207).

Кроме слов «сродным порядком» Кантемир иногда пишет: «Порядочное расположение слов сие быть должно» (231) или «Порядок слов есть следующий» (231), но чаще всего он просто расставляет в примечаниях слова в нужном порядке и поясняет их, например:

речь твою к исправлению нраву
Людей позднему предать потомству потщуся (123).

«Стараться буду, чтоб на многие будущие веки и на самые позднейшие речь твоя потомкам нашим служила в исправление их нравов» (139–140).

И таких примеров в стихах Кантемира, не только в сатирах, но и в песнях, и в баснях много. Примечательно, что поэтический синтаксис сатир Кантемира от первоначальной редакции к окончательной не упрощается, что было бы естественно, а усложняется. Приведу несколько примеров.

Первоначальная ред.:

для одного в планете пятна ночь не спати (364) —

окончательная ред.:

за одним ночь пятном не спать целу (59);

первоначальная ред.:

Ведь мы для сообщества в свете сотворенны (364) —

окончательная ред.:

Люди мы к сообществу божия тварь стали (59) —

и комментарий: «Бог нас создал для сообщества» (65);

первоначальная ред.:

Осады, окоп, наступ когда поминаю.
Чашешь ты, что арапским языком болтаю (373) —

окончательная ред.:

Арапского языка — права и законы
Мнятся тебе дикие русску уху звоны (75) —

и комментарий: «Самые речи *право, закон* кажутся тебе речми арапского языка, дикими русскому уху» (86);

первоначальная ред.:

Примечать, чтоб искусству не было обиды.
Чтоб в граде зелен кафтан не досаждал глазу (375) —

окончательная ред.:

Чтоб летам сходен был цвет, чтоб тебе в образу
Нежну зелен в городе не досаждал глазу (72).

Вторую строку в последнем примере читаем так: «Чтоб зелен (т. е. цвет) в городе не досаждал нежну глазу». Изд. 1956 инверсии не принимает и печатает «нежну зелень», не учитывая, что при таком чтении, с виду логичном, предложение рассыпается.

Инверсии и гипербаты Кантемира, а также его беспрецедентные межстиховые переносы постоянно готовят читателю такие семантические

ловушки. Кроме «нежной зелени» это и упоминавшиеся «вина воду» (т. е. «вода вина?»), «глупой народ» и «любитель прилежный небес» в стихах:

любитель прилежный
небес числить всякого удобно светила
путь и беглость (159),

т. е. «прилежный любитель удобно числить путь и беглость всякого светила небес» (ср. в примечании «светила небесные», 160). Еще пример:

Хвалы нужда из его уст твой потянет (160).

«Хвалы нужда» тоже семантическая ловушка, смысл стиха таков: «Нужда потянет из его уст твои хвалы», что соответствует примечанию Кантемира: «Станет тебя хвалить не добровольно, но по нужде» (167).

Кантемир вообще исключительно педантичен в своих примечаниях, это, скорее, комментарии к изданию римского классика, часто начинающиеся словами «сиречь» или «то есть». Он может давать даже варианты прочтения текста, например: «*Не претит*. Вместо *не запрещает*, *не мешают*» (78); «*Одолол ли кто враги*. Получил ли кто победы над неприятельми отечества; усмирил ли кто их своими трудами военными» (105); «*Где счастье людей растет на слабой соломе*. Где людей счастье столь хлипко, как солома, или счастье людей основано на соломе, то есть основании, чрезмерно хлипком» (143) и др.

Эти и приведенные ранее примечания демонстрируют еще одну особенность стиля Кантемира: комментарий обычно больше по объему комментируемого места — автор добавляет пропущенные слова, служебные части речи и т. д., т. е. в поэтическом тексте он следует одной из высших добродетелей стиля — «краткости» (*brevitas*), ценимой как римскими классиками, так и гуманистами. В этой связи отмечу еще один латинизм Кантемира — употребление одинарного отрицания: «один другого добру никогда завидит» (398), «никую надежду себе ждет» (399), «и никого знают» (405), «вредно никому» (163). О том, что это примета именно стихотворного стиля, свидетельствует употребление в примечании русского двойного отрицания: «никому вредно (если оно никому не вредит)» (171).

Если предварительно суммировать наблюдения над поэтическим синтаксисом Кантемира, а именно над теми его чертами, которым он сам в комментариях придавал значение, то вывод можно сформулировать примерно следующий. Кантемир создает в сатирах принципиально но-

вый поэтический синтаксис, ориентированный на классическую поэзию и использующий ее средства, благо именно славянские языки позволяют это осуществить. Имитируя латинский стих, Кантемир с небывалой в предшествующей истории русского стиха интенсивностью использует инверсии,⁵ переносы и другие приемы (оборот асс. cum inf., одно отрицание или нечастые ранее риторические фигуры, как хиазм и гипербат), сознательно усложняя от редакции к редакции свой стиль. Он не только пишет «с трудом», но и трудно, чтение его поэзии — это труд, требующий интеллектуальных усилий.

Прекрасно осознавая свое новаторство, Кантемир все же оставался прагматиком: таким стилем написан не весь текст сплошь, это тенденция, явно ощутимая и подчеркиваемая в примечаниях. В примечаниях же она и объясняется: чтобы новация была усвоена, она должна быть понятна (ср.: «Хвально в стихотворении употреблять необыкновенные образы речения и новизну так в выдумке, как и в речении искать; но новость та не такова должна быть, чтоб читателю была невразумительна» — 177). И вообще, любая новация в своем конкретном воплощении всегда результат не только конфликта, но и компромисса с существующей традицией. В этом же направлении в это же время экспериментировал В. К. Третьяковский, который учился у тех же учителей в Славяно-греко-латинской академии. Но он экспериментировал безоглядно и бескомпромиссно. В результате его ранние стихи, особенно в переводе «Аргениды»,⁶ трудны для восприятия. Мету стиля он усвоил позднее.

Несмотря на приводившиеся, а также многие другие примеры сложного поэтического синтаксиса Кантемира, требующие грамматического разбора для полного их понимания, неоспоримым является и то, что читатель, хоть сколько-то начитанный в литературе XVIII в., понимает сатиры Кантемира без усилий. Они не производят впечатления ученой поэзии (хотя, на мой взгляд, именно таковой являются). Каковы причины

---

⁵ На свободной порядок слов у Кантемира, заимствованный из латинской поэзии, обратил внимание Д. И. Чижевский (см.: *Čiževskij D. History of russian literature: From the eleventh century to the end of the Baroque. The Hague, 1960. P. 395*). Другую трактовку синтаксиса Кантемира см. в кн.: *Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958. С. 289–294*. Следует указать, что одинарное отрицание фактически является церковнославянизмом, отмеченным как верная форма в грамматике Мелетия Смотрицкого, см.: *Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München, 1987. С. 212–213*.

⁶ См.: *Николаев С. И. Ранний Третьяковский: (Первый перевод «Аргениды» Д. Барк-лая) // Рус. литература. 1987. № 2. С. 95–96*.

такого восприятия? Одна из них чисто технического свойства: по типографским причинам и вопреки пожеланиям Кантемира примечания никогда не читаются вместе с текстом сатир. Между тем примечания, напечатанные сразу под комментируемым стихом, должны заставить читателя задуматься, и не только над синтаксисом. Но примечания помещались после текста сатир и еще в XIX в. не воспринимались как интегральная часть авторского замысла — их автором считался Барков. Вторая причина — из области поэтической техники. «Перенос позволен, — провозгласил Кантемир. — А весьма он нужен в сатирах, в комедиях, в трагедиях и в баснях, чтоб речь могла приближаться к простому разговору. К тому ж без такого переносу долгое сочинение на рифмах становится уху докучно частым рифм повторением, от которого напоследок происходит не знаю какая неприятная монотония» (414). Обилие межстиховых переносов ускоряет чтение и течение стиха, сложные инверсии и семантические «ловушки» могут не замечаться. Но все же главная роль в «приближении к простому разговору» отведена лексике.

Просторечие ворвалось в сатиру столь стремительно и властно, что до сих пор некоторые слова печатаются с отточиями. О языке сатир написано много и написано справедливо. Мне бы хотелось выделить один аспект. Часто цитируют признание Кантемира, что «автор писал простым и народным почти стилем», забывая продолжение фразы: «...в чем, мне мнится, последовал он стихотворному правилу, которое велит, чтоб сатиры были просты» (268). О каких правилах может идти речь? Никаких русских правил не было и быть не могло. Кантемир, создавая свой язык, исходил из правил классической сатиры. Остановлюсь на одном аспекте языка Кантемира — на пословицах.

Употребление пословиц и поговорок сатириком изучено подробно с точки зрения проблемы «литература и фольклор».⁷ Это, безусловно, допустимый и необходимый аспект изучения, и оно бы только выиграло, если бы можно было доказать, что Кантемир понимал пословицу как фольклорный жанр. Между тем в конце XVII — первой трети XVIII в. «пословица» означает прежде всего «слово», «высказывание»,⁸ и собирали их, имея в виду их лингвистическое и фразеологическое значение.

---

⁷ См.: Русская литература и фольклор: (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 111–113; *Леонов С. А.* Пословицы и поговорки в творчестве А. Д. Кантемира // *Литература древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 312–326.* Далее ссылки на эту работу даются в тексте сокращенно: Леонов с указанием страницы.

⁸ См.: *Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1991. Вып. 17. С. 184–185.*

Пословица в литературном тексте была прежде всего фактом и признаком разговорного языка, недаром употребление пословиц в текстах той поры сопровождается квалификаторами типа «как говорят». Однако в этих сборниках зафиксированы не только пословицы и поговорки, но и явно книжные выражения, которые просто были на слуху, как библейские крылатые слова, так и цитаты из литературных произведений.⁹

Другое дело, что для нас эти сборники и отдельные употребления являются фольклористическими фактами, для Кантемира это было живое использование метких слов, т. е. проблемой языка. Кстати сказать, само по себе употребление или неупотребление пословиц ни о чем не говорит. То, что их нет в «Житии» Аввакума или в стихах Ломоносова, ничуть не уменьшает их национального значения в истории русского литературного языка. Кантемир же вполне следует рекомендациям европейских гуманистов, в частности Эразма Роттердамского: пословицы — украшение стиля. Примечательно, что Кантемир в примечаниях объясняет пословицы, что довольно необычно, так как объяснение фразеологии носителю языка излишне. Например: «*Вилами по воде писать* — русская пословица, значит то же, что напрасно труд свой терять, понеже на воде букв изображение удержаться не может» (170). В другом случае он для русской пословицы подбирает латинскую этимологию: «Ведь и в шах нет смаку без соли. — *Без соли*. В стихотворстве забавные и острые речи латин соль называются, и для того говорит автор, что смеялся иным для украсы своей сатиры, или прямо сказать: смешками посолил ее, чтоб была вкуснее уму чтущих» (238).¹⁰ Добавлю, что и в пословице «вилами по воде писать» русские суть, собственно, только вилы, так как латинское выражение *in aqua scribere* известно издавна и встречается, например, у Катуллы.¹¹

Рассмотрение пословиц и поговорок Кантемира необходимо должно учитывать вопросы интернационализации фразеологического фонда.

⁹См., в частности: *Адрианова-Перетц В. П.* Библейские афоризмы и русские пословицы // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 8–12; *Малжк Э.* Рукописные сборники пословиц и поговорок как материал для изучения репертуара русской литературы переходного периода // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia litteraria. Łódź*, 1989. Т. 25. S. 3–11. Предисловие к сборнику пословиц конца XVII в. перепечатано в кн.: Древнерусская притча. М., 1991. С. 305–307.

¹⁰Ср.: *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. М., 1988. С. 155–157.

¹¹См.: Там же. С. 343.

Безусловно, значительная их часть — исконно русские. Но в их число неосновательно зачислены библеизмы и цитаты из римских классиков. Например: «Слово, однажды выпущенное из уст, летит невозвратно» (408). Цитата взята из «Письма <...> о сложении стихов русских». Кантемир источника не указал, но в данном случае он дословно процитировал свой же перевод послания Горация,¹² еще раз это же место он процитировал (в оригинале и в переводе) в примечаниях к третьей сатире (см. 103). Очевидно, что сопоставление этой фразы с пословицей «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь» (Леонов, 315) не имеет оснований. Напротив, сопоставление фразы «Слепец, как ведет слепца, в яму упадают» (233) со сборником пословиц конца XVII в. («Слепец слепца ведутся, а оба в яму упадутся» — Леонов, 315) совершенно справедливо. Дело, однако, в том, что это известные евангельские слова (Матфей 15, 14; Лука 6, 39).

В разряд авторских афоризмов, ставших пословицами, С. А. Леонов относит фразу «Виноград насадив, терние рашают» (131; Леонов, 318). Кантемир же поясняет это выражение: «Сиречь что за добро зло им воздается. Не помню в коем месте Бог чрез пророка Исайю говорит: „Насадих виноград и возрасте терние“» (143). Не смотря на то что ни в книге пророка Исайи, ни вообще в Библии этих слов нет, сознательная ориентация Кантемира на библейскую фразеологию очевидна.

Стих из VII сатиры:

Относят к сердцу глаза весть уха скорее (161) —

явно восходит к афоризму Сенеки «Люди больше верят глазам, чем ушам».¹³ А следующий стих:

Пример наставления всякого сильнее (161) —

Кантемир комментирует: «Свыше всякого совета, свыше всякого наставления пример силен. Ролен, следуя Сенеке, того ж мнения» (168). Сенеку Кантемир не цитирует, но имеет в виду его слова «Долог путь поучений, короток и успешен путь примеров».¹⁴ Также и выражение «Мед

¹² См.: Кантемир А. Д. Соч., письма и избр. переводы. Т. 1. С. 501–502; Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. С. 237, 492.

¹³ См.: Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. С. 317; Тимошенко И. Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. С. 47.

¹⁴ См.: Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. С. 416.

держи на языке, а желчь всю прячь в грудях» (110) восходит не к русской поговорке «На язычке медок, а на сердце ледок» (Леонов, 314), а к словам Плавта «В меду ваш язык, но сердце в желчи».¹⁵ Примечательно, что свой стих Кантемир разъясняет так, как обычно он делает в отношении заимствованных или книжных выражений: «То есть весь гнев, всю злобу в себе таи, а словами льсти» (116).

Из выражений, которые Кантемир, по мнению С. А. Леонова, взял «непосредственно из народной речи» (Леонов, 316), отметим еще два. Для стиха из III сатиры «Кастор любит лошадей, а брат его — рати» (99) Кантемир сам указывает в примечаниях источник у Горация (108). А выражение «с глаз <сойти>» (72) восходит либо к Проперцию,¹⁶ либо к латинской поговорке «Procul ex oculis, procul ex mente».

Первый стих VI сатиры «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен» (147) напрасно сопоставляется с поговоркой «Кто малым недоволен,¹⁷ тот большого не достоин» (Леонов, 316). По смыслу эти выражения далеко не эквивалентны, даже противоположны. В стихе Кантемира отчетливо слышна горацянская тема, уместно привести и слова Сенеки: «Disce parvo esse contentus» («Учись малым быть довольным»)).¹⁸

Завершая III сатиру, Кантемир говорит о стихах:

кто же мои (и я не без пятен)

Исправит — тот честен мне будет и приятен (99) —

и комментирует: «*И я не без пятен. И я не без погрешений*» (108). Книжный характер выражения выдает двойное отрицание, скорее всего, это парафраз вошедшего в поговорку стиха Горация «Vitiis nemo sine nascitur». Впрочем, не исключено, что это библеизм (ср.: «Никто же без греха, един токмо Бог»). Для Кантемира возможна и контаминация обоих источников. Для «Песни II. О надежде на Бога» «основание» Кантемир взял «из Евангелия и Горация», заметив: «Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются» (204). Цель этого паремиио-

¹⁵ См.: Тимошенко И. Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских поговорок. С. 93; Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. С. 439.

¹⁶ См.: Тимошенко И. Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских поговорок. С. 113.

¹⁷ С. А. Леонов цитирует поговорку не точно: «Кто малым доволен». Ср.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв. М.; Л., 1961. С. 55.

¹⁸ См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. СПб., 1901. Т. 1. С. 77.

логического экскурса, по необходимости беглого и краткого, — показать, что как просторечие Кантемира осложнено латинизированным синтаксисом, так и исконно русская фразеология инкрустирована классическими цитатами, а какие-то фразеологические единицы созданы явно самим Кантемиром.

Завершая наблюдения над поэтическим стилем Кантемира, приведу выдержку из его «Письма... о сложении стихов русских». Порицая французский язык, он говорит: «Язык французский не имеет стихотворного наречия; те ж речи в стихах и в простосложном сочинении принужден он употреблять <...> Наш язык, напротив, изрядно от славенского занимает отменные слова, чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога и укрепить тем стихи свои; также полную власть имеет в предложении (т. е. инверсии. — С. Н.), которое не только стих, но и простую речь украшает» (408). Эта формулировка исключительно полно и ясно отражает всю титаническую работу Кантемира над стилем сатир. Впервые в истории русской поэзии он поставил и выполнил задачу по созданию поэтического языка («стихотворного наречия»), причем понимал его функцию вполне в духе лингвистических концепций XX в. По его мысли, поэтический язык должен отличаться от языка литературного («обыкновенного простого слога») как лексически, так и синтаксически. Поразительный поэтический стиль Кантемира — не меньшее по значению создание, чем сам жанр сатиры, причем одно создавалось для другого. Но в отличие от жанра, который сразу вошел в литературу и создал автору славу, стиль сатир в литературе не привился.

Что позволяет прийти к такому выводу? В 1740–1760-х гг. были написаны разными авторами три сатиры в подражание Кантемиру. В сатире «На состояние сего света. К Солнцу» подражание Кантемиру наиболее очевидно, она была даже включена в корпус его сочинений (см. 181–189). Две другие сатиры, опубликованные В. Н. Перетцом — «Сатира на скупого человека» и «*Descriptio Vacchi*», также подражают Кантемиру, а в одной есть и прямые из него заимствования.¹⁹ Однако в так называемой IX сатире нет следов разбиравшегося ранее поэтического синтаксиса Кантемира, она написана гладко и усвоила (как и вся дальнейшая русская сатира) лишь просторечие сатирика. Межстиховые переносы ограничены рифмующимся двустипием, и только один раз фраза

¹⁹ См.: Перетц В. Н. Неизвестные подражатели кн. А. Д. Кантемира // ИОРЯС. 1928. Т. 1, № 2. С. 335–357.

переходит в следующее двустиие. В тексте не ощущается привычная у Кантемира классическая подкладка, а в примечаниях нет и следа его блестящей эрудиции. В «Сатире на скупого человека» инверсий и переносов нет, нет и неясных синтаксических мест, только в сатире на пьяниц много переносов, но в целом «стихотворного наречия» Кантемира нет и здесь. К тому же у Кантемира «переносимая» часть синтаксической единицы более краткая (обычно не доходит до цезуры) и меньше связана по смыслу с последующим текстом. Именно такой тип переносов был позднее «несносен» и «противен нежному слуху» Третьяковского.²⁰ Обе сатиры, кстати, написаны в семинарской среде, где латинские штудии были в программе, но это никак не повлияло на верное воспроизведение стиля Кантемира.

Издания сатир 1762 и 1956 гг. — это прежде всего зафиксированное прочтение и понимание текста. И. Барков, как известно,²¹ исправлял слог и синтаксис по своему вкусу и в соответствии с литературной нормой своего времени, устраняя как отдельные церковнославянизмы, так и некоторые просторечные слова. Изд. 1956 стремилось авторский текст сохранить, но, как было показано ранее, не приняло ряд сложных чтений. Кстати, и это издание поновляло лексику: так, вместо «посмешка» академического списка 1755 г. в изд. 1956 читаем «насмешка», вместо «странноприимство» — «гостеприимство», вместо «похлебник» (т. е. льстец) другое по смыслу слово «нахлебник», вместо «подошево» — «подошва», вместо «чоколад» — «шоколад» и др.

Можно назвать две причины невосприятия поэтического стиля Кантемира в XVIII в. Об одной было уже сказано в самом начале статьи. Простота стиля его сатир — это видимая простота. В действительности поэтический язык Кантемира элитарен. Добиться такой простоты при истинном подражании можно лишь колоссальным трудом и то при наличии образованности, равновеликой той, что была у Кантемира. Его элитарный стиль был реакцией на «неприятную монотонию» старой силлабики, на стихотворную продукцию, например, Иоанна Максимовича, о котором и высказался пренебрежительно, и других поэтов, пишущих, «стоя на одной ноге». И Кантемир был не одинок в своих оценках. Несколько ранее Феофан Прокопович писал одному из знакомых,

²⁰ См.: Третьяковский В. К. Соч. и переводы. СПб., 1752. Ч. 1. С. 109; Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958. С. 346.

²¹ См.: Моисеева Г. Н. Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 г. // Рус. литература. 1967. № 2. С. 102–115.

что «в академии стихотворствуют до тошноты». Сам Феофан ушел в поэзию для себя, недаром XVIII в. не знает Прокоповича-поэта — о его стихах не упоминают ни В. К. Тредиаковский в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», ни Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях». Но как бы Кантемир ни осознавал свое новаторство на фоне этой традиции, и как бы он ни объяснял свой стиль в примечаниях — он не был услышан.

Вторая причина более объективного характера, и здесь он был бессилен. Создавая новый поэтический язык, Кантемир стремился отделить его от «обыкновенного простого слога», т. е. языка литературного. Но все дело в том, что литературного общепринятого языка еще не было,²² а церковнославянский стремительно утрачивал эту функцию, что и ощущал Кантемир. Как раз на первые десятилетия XVIII в. приходится поиски основы литературного языка, завершившиеся в конце концов в трудах М. В. Ломоносова. Но с точки зрения теории трех стилей, да и на фоне новой русской поэзии в целом язык Кантемира мог, вероятно, производить впечатление если не стилистической какофонии, то неупорядоченности. Реформа русского стиха тоже не способствовала лучшему усвоению особенностей его поэтики. А. С. Пушкин в черновых набросках плана статьи «О ничтожестве литературы русской» справедливо заметил: «Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым».²³ Конечно, высочайший авторитет Кантемира-сатирика остался непререкаемым, но новая русская литература усвоила жанр, а поэтический стиль остался свидетельством эстетических исканий Петровской эпохи, порождением которой он и был.

---

²² См.: Живов В. М. Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в. М., 1990.

²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 495.

«СРОДНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ» В ПОЭТИЧЕСКОМ СИНТАКСИСЕ А. КАНТЕМИРА

Люди Петровской эпохи были исключительно изобретательны и при этом деловиты в осуществлении своих самых невероятных помыслов. Они придумали и построили новую столицу и флот, новый календарь и Академию наук, Кунсткамеру и газету, гражданский шрифт и Сенат, наконец — создали империю. Все эти свершения решительно затмевают новации в области словесного творчества. Их также было много, и именно благодаря им в 1730-е гг. явилась новая русская литература. Одно из таких литературных свершений, оставшееся почти незамеченным и почти не имевшее последствий, — это созданный Антиохом Кантемиром поэтический язык. Он так и назвал его — «стихотворное наречие». Свою концепцию поэтического языка Кантемир изложил в «Письме Харитона Макентина... о сложении стихов русских» (1743), полемизируя с Тредиаковским, в частности, с его мнением, что французская поэзия «вся та ж, что и наша».¹ Кантемир утверждал: «Язык французский 1) не имеет стихотворного наречия; те ж речи в стихах и в простосложном сочинении принужден он употреблять. К тому ж 2) непременно поставлять местоимение прежде имени, имя прежде слова, слово прежде наречия, и, наконец, управляемую словом речь в своем падеже, то есть не позволено на французском языке *преложение* частей слова, без которых двух помочей необходимо нужно украшать стих рифмою, а инако был бы он речь простосложная.

Наш язык, напротив, изрядно от славенского занимает отменные слова, чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога

---

¹ Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 369.

и укрепить тем стихи свои; также полную власть имеет в предложении, которое не только стих, но и простую речь украшает».² Далее он опять выступает против мнения Тредиаковского о порочности межстихового переноса: «К тому же без такого переносу долгое сочинение на рифмах становится уху докучно частым рифмы повторением, от которого напоследок происходит не знаю какая неприятная монотония, как то французы своим стихотворцам сами обличают» (414).

Это писано в конце 1742 — начале 1743 г. Но еще ранее, в конце 1739 г., в примечании к 8 сатире Кантемир писал: «Хвально в стихотворении употреблять необыкновенные образы речения и новизну так в выдумке, как и в речении искать; но новость та не такова должна быть, чтоб читателю была невразумительна» (177).

Эти принципы поэтического языка Кантемир в полной мере воплотил во второй редакции сатир, осуществленной им как раз в начале 1740-х годов. Именно здесь мы находим «необыкновенные образы речения», отличающие стихи «от обыкновенного простого слога», обилие гипербагов и межстиховых переносов. Поэтический язык второй редакции (и лексика, и синтаксис) настолько усложнен, что в своих пространственных примечаниях Кантемир систематически переводит «стихотворное наречие» на «обыкновенный простой слог». Приведу лишь один пример:

Слыша его, колесо мельницы шумливу
Воду двигать мнит ти ся в звучные обраты (122).

«Слыша его, кажется, что вода с шумом бьет в мельничное колесо, которое ворочается, звуча сильно: так громко и беспрестанно говорит» (139).³

Однако нельзя сказать, что сформулированные в письме принципы (удивительно, кстати, напоминающие некоторые положения Пражского лингвистического кружка), явились реакцией только на «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Тредиаковского. Возможность гипербагов Кантемир признавал, еще будучи в России. В примечании к 3 сатире первой редакции он поясняет сочетание «Дома ли

² Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 408. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.

³ Здесь текст Кантемира приводится с уточнением некоторых чтений по так называемому «академическому списку» его произведений 1755 г., см.: Николаев С. И. Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 3–14.

не скучно»: «Вместо *не скучно ли дома*, чрез метафезис за нужду каденции». ⁴ Относительно лексики в 1731 г. он пояснял: «Подлинно, автор всегда писал простым и народным почти стилем, в чем, мне мнится, последовал он стихотворному правилу, которое велит, чтоб сатиры были просты» (268). О каких правилах может идти речь? Никаких русских правил не было и быть еще не могло. Кантемир, создавая свой поэтический язык, исходил из правил классической сатиры. Вот как десятилетие спустя он перевел соответствующее место из Посланий Горация: «*Подлые сатиры*. В латинском стоит: *sermone repentis per humum*, речи по земле ползающие; сатиры *речью* называет, что низким и почти простым слогом писаны». ⁵ Таким образом, Кантемир с самого начала создавал в сатирах новый поэтический язык, ориентированный на классическую поэзию и использующий ее средства, благо именно славянские языки позволяют это осуществить. Гораций надолго стал не только любимым автором, но и наставником Кантемира в стихотворном ремесле.

Но в первой редакции сатир — имею в виду авторские примечания — еще не было идеи «сродного порядка слов», которая во множестве представлена во второй редакции. Здесь необходимо привести примеры, причем как из оригинальных сочинений (сатиры, басни), так и из перевода Горация:

Ни страх, ни мало вещей полезных надежда. В сродном положении речей: ни страх, ни надежда мало надежных вещей. ⁶

Тишину чисту что нам может подать. В сродном положении слов: что нам может подать тишину чисту. ⁷

Истребят вдруг древния в умных память славы. Сродным порядком речей: вдруг истребят в умных людях память древния славы. Чернь дивиться будет твоим титлам, а умные люди, примечая твои злочинства, не только тебя презирать будут, но и совсем забудут древнюю славу твоего рода (80).

Всяк открывать свое мнение свободен. Сродным порядком так бы речи лежать должны были: *да всяк свободен* (волен) *открывать свое мнение, если никому вредно* (если оно никому не вредит) *и если чтительная сила законов не наложила в том нужду молчать* (если законы не запрещают о таком деле говорить) (171).

Не столько зерн, что в снопах. Сродным порядком слова так бы должны лежать: *Не столько зерн в снопах, что мужик навязет в день*, и оное *что* относится к снопам (104).

---

⁴ Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 1. С. 242.

⁵ Там же. С. 541.

⁶ Там же. С. 504.

⁷ Там же.

Те, что довольны и проч. Порядок слов есть следующий: те, что знают быть довольны малым, те лишь достойны умными зваться (231).

А кушанье подано коли на двух блюдах,
Кричит:

А кушанье подано. Свойственным порядком так бы слова лежали: *а кушанье коли подано на двух блюдах, кричит* и пр. (90, 101).

Обилие упоминаний о «сродном порядке слов» объясняется множественством инверсий, нуждающихся в объяснении и даже в переводе на «обыкновенный простой слог», и к тому же с церковнославянского на русский. Представлений о «сродном порядке слов» в русской грамматической теории тогда не было. Идею «сродного», «порядочного» или «свойственного» порядка слов Кантемир взял, несомненно, из Грамматики Пор-Рояля, в которой раздел «О фигурах конструкций» главы о синтаксисе открывается предложением: «То, что было нами сказано о синтаксисе, вполне достаточно для того, чтоб понять естественный порядок слов во фразе в том случае, когда все части предложения находят свое натуральное выражение, и нет ни лишних слов, ни недостающих, короче, когда наша мысль выражена вполне естественным образом». Далее в разделе перечисляются фигуры речи, в том числе гипербат — «фигура, в которой слова переставлены по отношению к естественному порядку».⁸ Завершается раздел предложением: «Стоит лишь добавить, что, наверное, не существует языка, который использовал бы фигуры меньше, чем наш французский язык, ибо он особенно чтит ясность в выражении мыслей, предпочитая обороты наиболее естественные и лишённые излишеств, хотя в то же время нисколько не уступает другим языкам в красоте и изяществе».⁹

Европейские лингвистические споры «о лучшем устройстве языка», безусловно, занимали Кантемира, и идею «сродного порядка слов» (*l'ordre naturel*), он, кажется, не отвергал, так как в примечаниях к одной басне писал: «Порядочное расположение слов сие быть должно». Но только он не считал, что это относится к поэтическому языку, отсюда его выпад против замечания Тредиаковского «французская поэзия вся та ж, что и наша» и его защита во всем объеме прав отечественного «стихотворного наречия»: и лексики, и синтаксиса, и переносов.

⁸ Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Пер. с фр. М., 1998. С. 211.

⁹ Там же. С. 211–212.

Как известно, Кантемир желал, чтобы примечания печатались на той же странице, что и комментируемый стих: «Приложенные под всяким стихом примечанийцы нужны для тех, кои в стихотворстве никакого знания не имеют, и, кроме того, к совершенному понятию моего намерения служат» (434). Тогда на одной странице соседствовали бы два текста в двух традициях и на двух языках: в верхней части — «стихотворное наречие» по правилам горацианской поэзии с «отменными словами», занятыми из «славенского», в нижней — русский «обыкновенный простой слог», где слова стоят в «сродном положении», т. е. вполне в духе новейших европейских лингвистических концепций.

В изданиях произведений Кантемира этот авторский замысел был осуществлен только один раз — в издании 1762 г., подготовленном (и при этом искаженном!) И. Барковым. При этом случилось так, что даже в XVIII в. считалось, что и примечания написаны Барковым. В статье о Баркове в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новиков указал: «Также сочинил он описание жизни князя Антиоха Кантемира и на сатиры его примечания».¹⁰ А затем это мнение перешло даже в справочники XX в.¹¹ Таким образом, замысел Кантемира был разрушен. В историю русской литературы он вошел только как создатель жанра отечественной сатиры, но не особого поэтического языка. И все же это не помешало ему стать первым в ряду русских «трудных» поэтов, а в этом ряду занимают свое место В. К. Третьяковский, А. Н. Радищев, С. С. Бобров, Вяч. Иванов и другие, включая И. Бродского, который написал редкое в русской поэзии подражание Кантемиру.

---

¹⁰ Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 284.

¹¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1964. Т. 2. С. 13 (№ 2788).

О ПЕРЕВОДЕ ПОХВАЛЬНОЙ ОДЫ М. МЕТТЕРА 1737 г.

Последние три десятилетия в изучении творчества А. Д. Кантемира отмечены в первую очередь пристальным вниманием к разнообразным текстологическим проблемам. Отыскиваются его утраченные ранее сочинения,¹ выясняются подробности издания его сатир в Европе и России,² а несколько произведений исключены из корпуса сочинений Кантемира.³

Попытку расширить корпус переводов Кантемира сравнительно недавно предпринял Д. С. Смит.⁴ В РГАДА (Госархив, ф. 17. № 162) он

---

¹ См.: *Градова Б. А.* 1) Рукописи А. Д. Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг [ГПБ]. Л., 1983. С. 17–33; 2) Первые переводы Антиоха Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг [ГПБ]. Л., 1985. С. 46–57; 3) А. Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря // Россия — Франция. Век Просвещения / Кр. тез. докл. науч. конференции. Л., 1987. С. 16–18.

² См.: *Грассгоф Х.* Первые переводы сатир А. Д. Кантемира // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 101–111; *Моисеева Г. Н.* Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 г. // Русская литература. 1967. № 2. С. 102–115; *Копанев Н. А.* О первых изданиях сатир А. Кантемира // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 140–154; *Николаев С. И.* А. Кантемир в польском журнале XVIII в. // Русская литература. 1993. № 3. С. 64–65.

³ См.: *Муравьева Л. П.* Проблема так называемой «девятой» сатиры А. Д. Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 153–178; *Калачева С. В.* Кантемир и рукописная традиция. (Был ли Кантемир автором сатиры «К Солнцу. На состоянии света сего»? // Научные доклады высшей школы. Филолог. науки. 1962. № 4. С. 175–183; *Автухович Т. Е.* Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // XVIII век. Сб. 15. С. 154–160; *Николаев С. И.* Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 году? (Об авторстве «Эпода утешительного») // Русская литература. 1989. № 2. С. 193–195.

⁴ См.: *Smith G. S.* An Unknown Translated Panegyric Poem of 1737: Michael Maittaire and Prince Antioch Kantemir // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55, № 2. P. 161–171. Далее ссылки на статью даются в тексте.

обнаружил «Торжественный стих августейшей российской императрице посвященный» «Михаила Меттера», написанный в Лондоне в 1737 г., отыскал его латинский оригинал («Carmen Epinicium Augustissime Russo-gum Imperatrici Sacrum») и установил, что автор стихотворения — Мишель Меттер (1668–1747), сын французских эмигрантов, бежавших в Англию после отмены Нантского эдикта, преподаватель в Кембридже, историк книгопечатания и издатель классических авторов. Поводом для сочинения латинской оды послужило, вероятно, взятие Очакова русской армией под командованием Б. Х. Миниха в июле 1737 г.⁵

Переводчик оды Меттера неизвестен. Атрибутируя Кантемиру перевод, Д. С. Смит исходил из следующих соображений. Кантемир в то время находился в Англии в ранге полномочного министра при английском дворе. Известно, что Кантемир следил за европейской «россикой» и вряд ли ода Меттера ускользнула от его внимания. Последнее тем более вероятно, что само имя Меттера было Кантемиру известно: в своем переводе Анакреона он использовал, в частности, издание сочинений Анакреона, подготовленное английским филологом. Не располагая положительными данными для атрибуции, Д. С. Смит анализирует стих перевода. Перевод выполнен нерифмованным одиннадцатисложником с мужской цезурой. Кантемир, между тем, считал, что в одиннадцатисложнике должна быть женская цезура, а мужскую отстаивал В. К. Третьяковский. Мужская цезура, таким образом, свидетельствует против Кантемира. Однако главным аргументом в пользу его авторства Д. С. Смит считает белый стих, разработанный Кантемиром в эти годы при переводе Анакреона, а затем Горация, в то время как Третьяковский в трактате 1735 г. считал, что «российские стихи должны иметь <...> рифму».

Атрибуция Д. С. Смита выглядит достаточно убедительно, хотя она и построена на косвенных доказательствах. Автор сам признает, что его аргументация не носит окончательный характер, и надеется, что дальнейшие разыскания в российских и британских архивах смогут пролить свет на личность переводчика. В частности, автор не исключает, что ода

---

⁵ В тексте оды (Р. 168–171) повод написания не указан. Д. С. Смит считает, что ода посвящена сражению под Ставучанами (Р. 162), то же сказано и в каталоге Британского музея, причем предположительным годом издания здесь указан 1739, см.: British Museum. General catalogue of Printed Books. London, 1962. Vol. 150. Col. 811. Это недоразумение, сражение под Ставучанами состоялось в августе 1739 г., за два дня до взятия крепости Хотин, между тем ода в оригинале и в переводе датирована октябрём 1737 г. Ближайшей победой русской армии было взятие Очакова.

Меттера могла быть переслана в Россию и без приложенного к ней перевода. В этом случае, по мнению Д. С. Смита, ее переводчиком был, скорее всего, Третьяковский (Р. 165). Д. С. Смит оставил неизвестным единственное, кажется, упоминание о переводе оды Меттера в русской печати, между тем, именно оно вносит полную ясность в вопрос о переводчике. В 1873 г. П. П. Пекарский процитировал одну строфу разбираемого перевода.⁶ Цитированная им рукопись — автограф Третьяковского с незначительной правкой.⁷ В списке Госархива читается только окончательный вариант (с рядом описок, вероятно, копииста). Таким образом, переводчиком оды Меттера был Третьяковский, а не Кантемир, хотя именно он, вероятно, прислал в Петербург латинскую оду.

Вместе с тем, статья Д. С. Смита не только полезна (в ней опубликован текст перевода, оригинал оды и сведения об авторе), но и поучительна. Она еще раз подтверждает, что даже при осторожном и тщательном анализе косвенных фактов решающее значение при атрибуции переводов первой половины XVIII в. имеют документальные данные.

---

⁶ См.: *Пекарский П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 69.

⁷ См.: ПФА РАН. Р. II. Оп. 1. № 204. Л. 45–46 об. Далее (Л. 47–54) читаются тоже стихи Третьяковского (автограф).

АНТИОХ КАНТЕМИР В ПОЛЬСКОМ ЖУРНАЛЕ XVIII в.

Антиох Кантемир стал первым русским писателем, получившим известность в Европе. Его сатиры были изданы на французском языке в Голландии (1749) и Франции (1750), на немецком в Берлине (1752), существовал также перевод на итальянский,¹ а первую сатиру еще в 1733 г. перевел на французский в Константинополе русский дипломат А. А. Вешняков.² В России сатиры Кантемира были напечатаны лишь в 1762 г., причем необходимость их издания обосновывалась и тем обстоятельством, что «Кантемировы сочинения на разных языках давно уже в свет изданы».³ От внимания исследователей европейской славы Кантемира ускользнул появившийся через десять лет после русского издания еще один перевод, на этот раз польский.

В 1770–1777 гг. в Варшаве выходил журнал «Приятные и полезные увеселения, собранные из разных авторов» («Zabawy przyjemne i pożyteczne z różnych autorów zebrane»). Это был первый польский журнал, посвященный почти исключительно литературе и в значительной степени заполнявшийся переводными материалами. В 1772 г. в журнале был опубликован прозаический перевод шестой сатиры Кантемира под заглавием «Бремя жизни человеческой. Сатира. Из князя Кантемира» («Trudy ludzkiego życia. Satyra. Z księżęcia Kantymira»).⁴ Как показывает

---

¹ См.: *Грассгоф Х.* Первые переводы сатир А. Д. Кантемира // *Международные связи русской литературы.* М.; Л., 1963. С. 101–111; *Копанев Н. А.* О первых изданиях сатир А. Кантемира // *XVIII век.* Л., 1986. Сб. 15. С. 140–154.

² См.: *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 21.

³ *Пекарский П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 656.

⁴ *Zabawy przyjemne i pożyteczne z różnych autorów zebrane.* 1772. Т. 7. Cz. 2. S. 156–167. Копией перевода я обязан любезности проф. Романа Мазуркевича (Краков).

сличение с оригиналом, перевод очень близок к нему, что видно хотя бы из следующего примера:

И сам Аполлон, тебя как в лице видит,
Свите твоей и возку твоему завидит.
Ужли покоен? — Никак!⁵

«Sam Apollo widząc cię po ulicach jadącego zazdrościłby tobie i powozu i świetności orszaku. Ale powiedz szczerze: jesteśże prawdziwą obdarzony spokojnością? Wynajmniej» («Сам Аполлон, видя, как ты едешь по улицам, позавидовал бы и твоей карете, и великолепию свиты. Но скажи честно: испытываешь ли ты истинное спокойствие? Ничуть»)⁶.

Для переводческой практики XVIII в. перевод достаточно точен, показательно, что вольный стихотворный немецкий перевод этой сатиры в два раза больше по объему оригинала.⁷ Отличия польского текста от русского сводятся к изменению заглавия (в оригинале — «О истинном блаженстве»), отсутствию в переводе авторских примечаний, отдельным перестановкам слов и частей предложений и к замене стиха прозой. В этих отличиях не было бы ничего примечательного, если бы большая их часть не находила соответствий во французском переводе.

Деление на абзацы польского прозаического текста совпадает с французским,⁸ их, правда, на один больше — 10. Примечаний Кантемира нет в обоих переводах. Во французском переводе сатира не имеет заглавия, поэтому польский переводчик сам ее озаглавил, отсюда и разительное несовпадение с русским оригиналом. Из мелких отличий показательны следующие. Описывая дом «свалюбца», Кантемир говорит, что он наполнен тем, что произвели «Италия, Франция». Во французском переводе обратный порядок — «la France, l'Italie», так же и в польском — «z wytworności Francuzów, przemysłu Włochów». Разбогатевший на торговле маслом купец назван у Кантемира «Сильвием»; во французском переводе в издании 1749 г. он ошибочно зовется «Filvius», в издании 1750 г., которое в основе лишь перепечатка предыдущего — «Filinius», в польском — «Filinius».

То обстоятельство, что польский перевод восходит к французскому изданию 1750 г., позволяет предположить, что польский переводчик во-

⁵ Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 149.

⁶ Zabawy przyjemne i pozyteczne. S. 161–162.

⁷ См.: Кантемир А. Satiren. Berlin, 1752. S. 145–159.

⁸ См.: Кантемир А. Satyres. A Londres, 1749. P. 366–383 (1750: P. 189–203).

обще не держал в руках самой книги Кантемира. Дело в том, что шестая сатира, вероятно, как наиболее гораціанская по духу, была перепечатана по изданию 1750 г. в майском номере за тот же год издававшегося в Берлине на французском языке журнала «Парнасская пчела», а на следующий год в лейпцигском журнале И.-К. Готшеда появился немецкий перевод этой сатиры.⁹ Между тем известно, что именно «Парнасская пчела» была одним из источников польских «Приятных и полезных увеселений».¹⁰ Когда с 1771 г. в польском журнале стали часто печатать переводы из Горация, вероятно, обратили внимание и на гораціанскую сатиру Кантемира. Кстати говоря, в этом же номере опубликован и перевод одной из сатир Горация.

Сатира Кантемира оказалась единственным произведением русской литературы в «Приятных и полезных увеселениях» за все годы существования журнала. Стал ли этот перевод известен в России, неизвестно. Однако сам журнал попасть в Россию мог. Так, в библиотеке поэта и переводчика В. Г. Рубана было семь томов этого журнала.¹¹ Возможно, что это было второе издание (1775–1794; 7 частей), в составе которого том с сатирой Кантемира переиздан не был.

В связи с публикацией польского перевода Кантемира возникает еще один вопрос. Считается, что первым русским стихотворением, переведенным на польский язык, было стихотворение Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Выйду я на реченьку», выполненный С. Трембецким в 1790-х гг.,¹² т. е. четверть века спустя после опубликования сатиры Кантемира. Правда, Кантемира перевели с французского, но и Трембецкий воспользовался подстрочником, а его перевод так и остался в рукописи и был издан лишь в 1880 г. И это не единственный пример перевода русских стихов на польский с подстрочника в 1790-х гг.¹³

Польская литература трудно открывала для себя русскую литературу. Хотя путь сатиры Кантемира на страницы польского журнала оказался многоступенчатым, это было все-таки первое произведение русской ли-

---

⁹L'Abeille du Parnasse. 1750. № 18. P. 145–151; Das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit. 1751. S. 259–266. К сожалению, с журналом Готшеда ознакомиться не удалось.

¹⁰См.: Słownik literatury polskiego Oświecenia. Wrocław, 1977. S. 805.

¹¹См. описание его библиотеки: РНБ. Ф. 653. № 1. Л. 43.

¹²См.: Literatura rosyjska. Warszawa, 1970. Т. 1. S. 317.

¹³См.: Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958. С. 58.

тературы, переведенное на польский язык.¹⁴ Других же переводов Кантемира на польский так и не появилось до 1991 г.¹⁵

---

¹⁴В 1778 г. с русского была переведена драма М. Хераскова «Гонимые», которая и считается первым русским художественным произведением, переведенным на польский (см.: *Luźny R. Dramat rosyjski w Polsce w wieku XVIII i na początku wieku XIX // Slavia Orientalis. 1962. № 3. S. 353*).

¹⁵*Kantemir A. D. Satyra na oszczerców nauk do rozumu własnego / Tł. B. Zadura // Literatura na Świecie. 1991. Nr 5. S. 3–8* (Стихотворный перевод 1-й сатиры (без авторских примечаний)). К сожалению, в публикацию вкралась досадная опечатка — сатира Кантемира датирована 1792 г.

ПОДРАЖАНИЯ КАНТЕМИРУ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII–XX вв.

Репутация русских поэтов XVIII в. на протяжении последующих веков складывалась по-разному. Так, М. В. Ломоносов и Г. Р. Державин еще при жизни заняли высшие места на российском Парнасе и по достоинству занимают их по сегодняшний день. Прижизненная слава А. П. Сумарокова уже к середине XIX в. незаслуженно померкла, в XIX в. его стихи вообще не издавались ни разу отдельными книгами. Напротив, еще прижизненные насмешки над В. К. Тредиаковским нанесли непоправимый удар по его репутации, и только к концу XX в. началась переоценка его творчества и вклада в русскую литературу, а в начале XXI в. появились и новые издания его произведений. Другое дело — А. Д. Кантемир. В 1845 г. В. Г. Белинский писал: «Несмотря на страшную устарелость языка, которым писал Кантемир, несмотря на бедность поэтического элемента в его стихах, Кантемир своими сатирами воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе. Имя его уже пережило много эфемерных знаменитостей, и классических и романтических, и еще переживет их многие тысячи».¹ Белинский оказался прав, репутация Кантемира всегда оставалась безупречной и благородной. Правда, она была несколько однобокой и подразумевала только сатиру, что и закрепилось в рифме-мифологеме (термин предложен А. А. Илюшиным): «сатира-Кантемира» (ср. соответственно: «Ломоносов-россов», «Сумароков-пороков»)² Эта рифма-мифологема и определила репутацию Кантемира в последующие века. К сожалению, образ Кантемира-сатирика почти полностью затмил Кантемира-поэта.

---

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 8. С. 614.

² См.: Илюшин А. А. Проблема барочной поэтической антропонимии. Имя поэта и его литературная репутация // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 229–233.

Почитание Кантемира-сатирика начал Третьяковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» 1735 г., в котором был напечатана единственная при жизни поэта строка — «из первой сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, без сомнения главнейшего и искуснейшего пииты российского».³ Перечисляя далее «авторов наиславнейших, которым надлежит подражать во всех сих родах выше помянутых поэзии», а в этот перечень вошли только иностранные авторы, Третьяковский доходит до сатиры и после латинских и французских авторов, приводит имя единственного в «Новом и кратком способе» отечественного автора: «На российском: князь Антиох Дмитриевич Кантемир, которого первый стих, из первой его сатиры, часто предлагаем был в правилах моих примером нашего эксаметра. <...> При том же и сие мне к тому дало повод, то есть дабы чрез сию перемену объявить оному благородному и никогда между нашими, нынешними и будущими, пиитами в памяти умереть не имеющему автору, что коль чрез малую перемену и легкий способ можно из старых наших стихов новые сделать, буде он благоволяет еще когда забаву иметь, для препровождения своего времени, в сложении стихов, и буде высокие, к тому ж и важные упражнения и дела (которые острой его прозорливости и бодрому попечению, при дворе великобританском в характере полномочного министра ныне вверены) к тому его допускают».⁴ Так Третьяковский начал строительство русского Парнаса, поместив в него Кантемира — «в памяти умереть не имеющему автору».

Укреплению репутации Кантемира способствовали, конечно, и переводы его сатир, появившиеся еще при жизни. Как кажется, ни одного русского поэта до Державина столько не переводили на иностранные языки. Русский дипломат Александр Вешняков писал Кантемиру 26 ноября 1732 г. из Константинополя в Лондон: «Я получил несколько Ваших прекрасных произведений, дорогой князь, и даже кое-что перевел, как мог, на французский язык по просьбе одного из Ваших друзей».⁵ Полгода спустя, в письме от 21 мая 1733 г. Вешняков извещает Кантемира о том, что он подготовил прозаический перевод «первая [...] сатиры» Кантемира: «С нетерпеливостью буду ожидать знаков вашей

³ Третьяковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 370.

⁴ Там же. С. 418–419.

⁵ Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966. S. 280.

ко мне милости присылкою стихов, я же с радостью бы прислал перевод первья вашей сатиры, но имянно, милостивой государь мой, время не допустило переписать, однако ж с доброю оказиею, повинуюсь повелению вашему, я исполнить не премину». ⁶ В 1740 г. Г. Н. Теплов перевел с русского на латынь несколько сатир Кантемира, ⁷ а сам Кантемир (видимо, с помощью аббата Гуаско) перевел свои сатиры на итальянский язык — все эти переводы не сохранились. Зато были опубликованы переводы на французский и немецкий языки, причем амстердамское и берлинское издания были выполнены по заказу из России. ⁸ Наконец, в 1772 г. появился перевод 6-й сатиры на польский язык, выполненный с французского языка. ⁹ Неудивительно, что в 1760 г. И.-Х. Готшед признал Кантемира основателем русского Парнаса. ¹⁰ Примечательна и обратная связь. В России сатиры Кантемира впервые были напечатаны лишь в 1762 г., причем необходимость их издания обосновывалась и тем обстоятельством, что «Кантемировы сочинения на разных языках давно уже в свет изданы». ¹¹

Исключительно почтительное отношение Третьяковского к Кантемиру в «Новом и кратком способе» говорит о том, что Кантемир еще при жизни, имея от роду всего 26 лет, был объявлен поэтом, заслуживающим подражания. И Кантемир был счастлив в подражателях еще при жизни. В 1740–1760-х гг. разными авторами были написаны три сатиры в подражание Кантемиру. Это сатира «На состояние сего света. К Солнцу». Здесь подражание Кантемиру наиболее очевидно, поскольку она была даже включена в корпус его сочинений. ¹² Две другие сатиры, обнару-

⁶ Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 21.

⁷ См.: Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2. С. 207.

⁸ См.: Грассгоф Х. Первые переводы сатир А. Д. Кантемира // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 101–111; Копанев Н. А. О первых изданиях сатир А. Кантемира // Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 140–154. (XVIII век, сб. 15).

⁹ См.: Николаев С. И. А. Кантемир в польском журнале XVIII в. // Русская литература. 1993. № 3. С. 64–65.

¹⁰ См.: Gottsched J. Ch. Handlexikon oder Kurzgefasstes Wörterbuch der schönen Wissenschaften und freyen Künste / Hrsg. von J. Christoph. Hildesheim. New York, 1970. Sp. 329–330.

¹¹ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 656.

¹² См.: Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 181–189; Муравьева Л. Р. Проблема т. н. «девятой» сатиры А. Д. Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 153–178; Калачева С. В. Кантемир и рукописная традиция: (Был ли Кантемир автором сатиры «К Солнцу. На состояние света сего»?) // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1962. № 4. С. 175–183.

женные и опубликованные в 1928 г. В. Н. Перетцом, «Сатира на скупого человека» и «*Descriptio Vacchi*»,¹³ также откровенно подражают Кантемиру, а в одной есть и прямые из него заимствования. При всем исключительно искусном подражании в так называемой «девятой» сатире нет следов особого поэтического языка и стиля Кантемира («стихотворного наречия»), она написана гладко и усвоила (как и вся дальнейшая русская сатира) лишь просторечие сатирика. В этих сатирах нет привычной у Кантемира классической подкладки, а в примечаниях нет и следа блестящей и разнообразной эрудиции Кантемира. Что касается введенной в русскую поэзию системы подробных авторских примечаний к своим стихам, то можно предположить, что именно по образцу Кантемира написал обширные примечания и Петр Буслаев к своей поэме «Умозрительство душевное, описанное стихами о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой», которая была написана в Москве, но издана в петербургской академической типографии в 1734 г., возможно, не без содействия Третьяковского.

Однако столь удачно начавшиеся подражания Кантемиру к 1760-м годам заканчиваются, несмотря на издание в 1762 г. его «Сатир и других стихотворческих сочинений», сделавшее сочинения Кантемира гораздо доступнее. Дело было не только в том, что в литературной жизни России появились новые лица — Ломоносов, Сумароков и сам Третьяковский. Реформа русского стихосложения, которую Кантемир решительно не принял, а затем и развитие русского литературного языка привели к тому, что на фоне новой русской поэзии сатиры Кантемира могли, вероятно, производить впечатление стилистической неупорядоченности. А. С. Пушкин в черновых набросках статьи «О ничтожестве литературы русской» справедливо заметил: «Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым».¹⁴ Конечно, высочайший авторитет Кантемира-сатирика оставался непререкаемым, новая русская литература усвоила жанр, но не поэтический стиль Кантемира.

Неожиданный всплеск интереса к Кантемиру пришелся на первые десятилетия XIX в. Н. М. Карамзин дает блестящую характеристику его языку и чувству гармонии в «Пантеоне российских авторов» (1802), А. С. Шишков отводит его сатирам десять страниц в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803), а затем посвящает ему

¹³ См.: *Перетц В. Н.* Неизвестные подражатели кн. А. Д. Кантемира // ИОРЯС. 1928. Т. 1, № 2. С. 335–357.

¹⁴ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 494.

обширный очерк, опубликованный в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1813). М. Н. Муравьев издает разговор «Гораций и князь Антиох Дмитриевич Кантемир» (1810), В. А. Жуковский в том же году пишет «Критический разбор Кантемировых сатир», К. Н. Батюшков в 1819 г. пишет известный разговор «Вечер у Кантемира». О Кантемире пишут также А. Ф. Мерзляков и В. Г. Анастасевич, публикуется русский перевод биографии Кантемира, написанный аббатом Гуаско. В журналах печатаются сведения об обнаруженных рукописях поэта, дипломатические депеши Кантемира из Лондона, С. Г. Саларев публикует одно из писем, ставших позднее известных под названием «Письма о природе и человеке». Складывается впечатление, что в истории русской литературы не было двух других десятилетий столь пристального интереса к Кантемиру ведущих писателей и поэтов, публиковавших свои размышления и разыскания в самых разных журналах. Кантемир становится *arbiter elegantiarum* и, что важно для нашей темы, «Российских стран Горацием» и признанным гораццианцем, особенно это чувствуется в разговоре Муравьева. Венчает эту череду публикаций статья Белинского 1845 г., в которой он признавался: «Развернуть изредка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение. По крайней мере, для меня гораздо легче и приятнее читать сатиры Кантемира, нежели громозвучные оды Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многие оды Державина. <...> от всех этих од и поэм можно заснуть, а от сатир Кантемира проснуться».¹⁵ Здесь не лишне напомнить, что «старик Кантемир» не дожил и до 35 лет.

Обилие литературно-критических материалов о Кантемире в начале XIX в. вызвало и стихотворные подражания. В 1805 г. в журнале «Московский курьер» было опубликовано анонимное стихотворение «Пилигримы» с примечанием: «Вольное переложение 6-й сатиры князя Антиоха Кантемира»:

Лишь тот блажен в сем бурном свете
И счастлив участью своей,
Не езда кто в золотой карете
И не увеча лошадей,
Достатком средственным доволен,
От мыслей суетных уволен,
И добродетель возлюбя —
Ее законы исполняет,

¹⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 633–634.

С веселием на смерть взирает,
Чтет счастливым в бедах себя.¹⁶

Неизвестный автор, подписавшийся буквами N. N., выбрал для переложения самую гораццианскую по характеру сатиру Кантемира. Но надо признать, что это чересчур вольное переложение: в нем 400 стихов против 162-х у Кантемира. Лишь в самом начале, в процитированном отрывке, можно при сравнении заметить следы подлинника, а затем автор удаляется от Кантемира и если бы не примечание, то угадать, что автор перелагает Кантемира, было бы сложно. Но важнее другое: при переложении силлабического стиха в 4-стопный ямб «стихотворное наречие» Кантемира пропадает начисто.¹⁷

Следующее подражание вышло из-под пера поэта-самоучки Е. И. Алипанова и вошло в его книгу «Стихотворения крестьянина Егора Алипанова» (1830). Это был «Отрывок из послания в сатирическом роде, подражание ямбами сатире Кантемира, написанной экзаметрами»:

Почтенный гражданин, приятель дорогой,
Ты страсти одолев — обрел себе покой,
И обществу всему соделался полезным,
Семейству и друзьям, и ближним стал любезным.
Ты доброю душой порочных посрамил,
Возвысил род простой, путь к чести проложил,
Не ропщешь на судьбу, хоть в бедном положении,
Терпение хранишь в напастях и гоненье.¹⁸

Таковыми унылыми стихами написано все небольшое послание, завершающееся банальным восклицанием:

Так недовольны мы, но где бы нам не жить,
Хлопот не миновать, заботы не избыть.
Везде есть трудности, где ищем мы блаженства,
Ах! видно не найти в сей жизни совершенства.

Известно, что Алипанов был по преимуществу имитатором литературных образцов. Скорее всего, он даже и не обращался к изданию сочине-

¹⁶ N. N. Пилигримы. («Лишь тот блажен в сем бурном свете...»). Вольное переложение 6-й сатиры князя Антиоха Кантемира // Московский курьер. 1805. Ч. 1, № 21. С. 321–335.

¹⁷ См.: Николаев С. И. 1) Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 3–14; 2) «Сродный порядок слов» в поэтическом синтаксисе А. Кантемира // Natales grate numeras? Сб. статей к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 409–413.

¹⁸ Алипанов Е. Стихотворения. СПб., 1830. С. 35.

ний Кантемира, а воспользовался 5-й сатирой Кантемира, процитированной Шишковым в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» 1803 г.

Единственный, кажется, случай подражания не сатирам Кантемира отыскивается у А. Е. Измайлова, который в 1818 г. напечатал в «Благонамеренном» эпиграмму:

Послушаешь одних, так очень глуп Мирон;
Другие говорят: умен!
Кому же верить должно?
Не лжет ли кто-нибудь? — Никак!
Когда Мирон молчит, его честь умным можно;
Заговорит — дурак!

К эпиграмме автор сделал примечание: «Каюсь пред всеми в грехе: эта эпиграмма украдена мною у покойного князя А. Д. Кантемира. Вот оригинал» и далее Измайлов привел по изданию 1762 г. эпиграмму «На Брута».¹⁹

Представляется, что приведенные подражания подтверждают уже сказанное — при попытке перевести Кантемира из силлабического стихосложения в силлаботоническое пропадает все очарование поэзии Кантемира. Складывается впечатление, что поэты XIX в. не подражают его стихам, а перелагают в ямбы авторские прозаические объяснительные примечания к сатирам, остается только сама тема сатиры, а между тем эти темы присущи всей истории жанра.²⁰

Несмотря на замечательный отзыв Белинского, во второй половине XIX в. чтение Кантемира постепенно переходит в университетскую и академическую ученую среду. Он становится просто классиком. Его издают и изучают, но живого интереса, сравнимого с двумя первыми десятилетиями XIX в. он не вызывает. После научного издания сочинений Кантемира под редакцией П. А. Ефремова (1867–1868) стихи Кантемир особо и не печатаются. Кантемир-сатирик затмил Кантемира-поэта, и не вызывал особого научного интереса. Так, Г. А. Гуковский в своей книге «Русская поэзия XVIII века» (1927) не отвел отдельной главы для Кантемира (а также для Тредиаковского), да и в его учебнике 1939 г. главу «Кантемир. Тредиаковский» написал Л. В. Пумпянский. Гуковский,

---

¹⁹ Благонамеренный. 1818. Ч. 4. № 12. С. 273. Ср.: Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 371–372, 700.

²⁰ Ср.: Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004.

разумеется, прекрасно знал Кантемира, но он был ему, видимо, не интересен либо слишком понятен. Возможно, не без значения в данном случае было и то обстоятельство, что Кантемир не принимал непосредственного участия в русской литературной жизни и в литературных полемиках.

Приведу два случайных примера из литературы уже второй половины XX в. В небезызвестном романе одиозного в интеллигентской среде писателя Ивана Шевцова «Во имя отца и сына» (1970) в заводском Дворце культуры выступают молодые поэты Артур Воздвиженский и Новелла Капарулина. Во время выступления этих поэтов, прототипы которых легко угадываются, положительный герой романа Саша «дурашливо вполголоса проговорил» соседям: «Антигром, „Анти-Дюринг“, антилопа, антимир, Антиох Кантемир».²¹ Нет сомнения, что имя поэта XVIII в. вставлено тут (и не только для рифмы!) в ряд туманных, непостижимых и даже сомнительных понятий. Но не лучше обстояло дело с пониманием Кантемира и в другом лагере. Во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. Лев Лосев, видимо, уже в эмиграции, написал небольшой цикл «Выписки из русской поэзии», куда вошли главки — «Кн. Шаховской-Харя, Полоцкий Симеон, Евстратий, Козанский 2-й, Кантемир (Молдавия), Андрей Белобочкий, Кантемир (Петербург), Петров, Батюшков, Пушкин». Цикл вошел в книгу «Чудесный десант» (1985). Кантемир упомянут тут даже дважды. Главка «Кантемир (Молдавия)» не очень интересна и не очень понятно, имеет ли она отношение к Антиоху Кантемиру, а вот главка «Кантемир (Петербург)»:

Не натопить холодного дворца.
Имея харю назамен лица,
дурак-лакей шагает, точно цапля,
жемчужна на носу повисла капля.
В покоях вонь: то кухня, то сортир.
Ах, невозможно не писать сатиру.²²

Материал, конечно, невелик, но трудно избавиться от впечатления, что автору Кантемир не очень интересен — это просто имя в хронологическом ряду русских поэтов, и, безусловно, память о рифме-мифологии «сатира-Кантемира». К сходному стилистическому решению прибег и Михаил Юпп в 1965 г. в стихотворении «У Антиоха Кантемира»,

²¹ Шевцов И. Во имя отца и сына. М., 1970. С. 112.

²² Лосев Л. Стихотворения из четырех книг. СПб., 1999. С. 47.

которое наполнено архаической лексикой, но получился всего лишь разговор с забытым поэтом XVIII в.²³

Тем не менее, как раз 60-е годы XX в. дали, как кажется, лучшие подражания Кантемиру. Это стихи И. Бродского «Подражание сатирам, сочиненным Кантемиром. На объективность» (1966)²⁴ и послание «К стихам» (1967).²⁵ Особенно удачным представляется второе стихотворение, с эпиграфом из Кантемира:

Скучен вам, стихи мои, ящик...
Кантемир

Не хотите спать в столе. Прытко
возражаете: «Быв здраву,
корчиться в земле суть пытка».
Отпускаю вас. А что ж? Праву
на свободу возражать — грех.
Мне же хватит и других — здесь, мыслю,
не стихов — грехов. Все реже
сочиняю вас. Да вот, кислу
мину позабыл аж даве
сделать на вопрос «Как вирши?
Прибавляете лучей к славе?»
Прибавляю, говорю. Вы же
оставляете меня. Что ж! Дай вам
Бог того, что мне ждать поздно.
Счастья, мыслю я. Даром,
что я сам вас сотворил. Розно
с вами мы пойдем: вы — к людям,
я — туда, где все будем.

До свидания, стихи. В час добрый.
Не боюсь за вас; есть средство
вам перенести путь долгий:
милые стихи, в вас сердце
я свое вложил. Коль в Лету
канет, то скорбеть мне перву.
Но из двух оправ — я эту
смело предпочел сему перлу.
Вы и краше и добрей. Вы тверже
тела моего. Вы проще

---

²³ См.: Чудаки с Малой Садовой: Литературный памятник вакуума / Сост. А. В. Гайворонский и М. Е. Юпп. Филадельфия, 2017. С. 120–122.

²⁴ См.: *Бродский И.* Сочинения. СПб., 1992. Т. 2. С. 7–10.

²⁵ Там же. С. 39; *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2011. Т. 1. С. 186.

горьких моих дум — что тоже
много вам придаст сил, мощи.
Будут за все то вас, верю,
более любить, чем ноне
вашего творца. Все двери
настежь будут вам всегда. Но не
грустно эдак мне слыть нищу:
я войду в одне, вы — в тыщу.

Несомненная удача этого подражания-стилизации заключается не только в некоторой лексической архаизации и не очень привычном размере (хорей с нарушениями метрической схемы). Бродский неоднократно среди близких ему поэтов называл Кантемира,²⁶ что вообще-то является большой редкостью, если не исключением для поэтов XX в. Думается, что эту близость можно пояснить двумя обстоятельствами. Во-первых, оба они — гораианцы, что в случае стихотворения «К стихам» особенно важно, поскольку Кантемир сам указал свой образец — «Письмо сие сочинено в Париже в начале 1743 году в подражание двадцатого письма Орациева, книги I». Во-вторых, «стихотворное наречие» Кантемира также близко Бродскому, в том числе межстиховые переносы или инверсии. Рассматривая концепцию затрудненной поэтической речи в истории русской поэзии, В. А. Кузнецов возводит особенности поэтического синтаксиса Бродского к поэтической практике Третьяковского,²⁷ между тем родоначальником этой концепции является как раз Кантемир, который последовательно и вместе с тем очень рационально воплотил ее во второй редакции сатир. Таким образом, представляется, что и в современной поэзии подражания Кантемиру, пусть только сатирам, вполне возможны. Но при соблюдении двух условий — гораианского подхода к предмету изображения и воплощению доступными средствами поэтического синтаксиса Кантемира.²⁸

---

²⁶ См.: *Вайль П., Генис А.* В окрестностях Бродского // Литературное обозрение. 1990. № 8. С. 27; *Ранчин А. М.* Иосиф Бродский и русская поэзия XVIII–XX веков. М., 2001. С. 99; *Лосев Л.* Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М., 2008. С. 44, 113; *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 488.

²⁷ См.: *Кузнецов В. А. И.* Бродский и риторическая традиция русской поэзии XVIII–XX вв. // *Онтология стиха. Памяти В. Е. Холшевникова.* СПб., 2000. С. 312–328.

²⁸ Возможны и неожиданные решения. С 2010 г. рок-группа «Отцы и дети», в которую входят преподаватели и студенты Псковского государственного педагогического университета, исполняет на своих концертах композицию «Уме недозрелый (Песня двоичника)». Песня (4 четверостишия и припев) составлена из стихов первой сатиры

И последнее — всем крупным русским поэтам XVIII в. не только подражали, но и пародировали их: и Ломоносова, и Тредиаковского, и Сумарокова, и других, в том числе и после смерти, причем пародировали иногда зло и жестоко. Кантемиру же только подражали, более или менее удачно, а вот пародии на него неизвестны.²⁹ Над причинами такой избирательности стоит задуматься, но не последнюю роль в этом сыграла его благодать, как поэта, так и человека.

Кантемира. Текст Кантемира несколько отредактирован для лучшего восприятия на слух. Этими сведениями и текстом песни я обязан любезности участницы рок-группы проф. Т. Г. Никитиной (Псков).

²⁹ См.: Мнимая поэзия: Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв. М.; Л., 1931; Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Л., 1960.

РАННИЙ ТРЕДИАКОВСКИЙ

1. Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя

Ранний период творчества В. К. Тредиаковского почти неизвестен, между тем о самом этом творчестве известно со слов Тредиаковского достаточно много. Из его случайных упоминаний выясняется, что ко времени отъезда в Голландию двадцатидвухлетний студент был автором двух пьес («Язон» и «Тит, Веспасианов сын»), писал стихи и перевел «Аргениду» Д. Баркляя. Но пьесы были потеряны, как писал Тредиаковский, «безвозвратно» во время путешествий по Европе, перевод «Аргениды» также был утрачен, от стихотворений сохранилась явно незначительная часть, к тому же нет уверенности, что при публикации они не были переработаны Тредиаковским. Вряд ли этим перечнем исчерпывается все созданное Тредиаковским до отъезда в Голландию, но если бы сохранилось и перечисленное, у нас были бы основания считать Тредиаковского заметным литератором Петровской эпохи.

О своем первом переводе Тредиаковский сообщил в предисловии к изданию «Аргениды» 1751 г., вспоминая «продерзость», с какую он взялся, «будучи еще в Московских училищах, почитай токмо вступивши в риторический класс, превесть сию ж самую повесть». Хотя читатели этого «студентского» перевода «не так были им недовольны, чтоб его всеконечно и совершенно ни к чему годным почли», Тредиаковский четверть века спустя считал второй перевод «несравненно исправнейшим» и был рад, «что во всей России один токмо и в одних руках экземпляры того перевода находилась поныне, который точно самый тот ныне паки мною отыскан и так сохранен, что уже и я сам увидеть его никогда не возмогу».¹

---

¹ Барклай И. Аргенида. СПб., 1751. Т. 1. С. LVIII–LIX. Слова Тредиаковского не дают никаких оснований для следующего заключения: «Первый перевод будущего филолога

Поиски этого перевода в XIX–XX вв. не предпринимались, да и сам факт перевода ставился под сомнение.² Новый материал для постановки вопроса о раннем творчестве Тредиаковского дает рукопись перевода «Аргениды» первой четверти XVIII в., хранящаяся в Национальной библиотеке Украины им. В. И. Вернадского.³ Хотя в рукописи, что было отмечено и Н. И. Петровым,⁴ имя переводчика не указано, перевод по ряду признаков уверенно атрибутируется Тредиаковскому. Поскольку речь идет об атрибуции известного, но утраченного перевода, атрибуцию значительно облегчает то, что рукопись является автографом переводчика с многочисленными исправлениями, зачеркнутыми, переставленными словами и пр. На л. 314 об.–315 после текста перевода помещено небольшое, несколько предложений, благодарение на латинском языке: «Всемогущему богу, единому по природе, триединому в лицах, который труд мой к желаемому окончанию невидимой своею благодатию и вспоможением довел» («Deo omnipotenti uno in natura, trino in personis, qui laborem meum optabilem ad finem invisibili sua gratia ac ope perduxit»). В частности, переводчик говорит: «Ты пожелал счастливо этот первый труд довести до конца» («Dignatus es prospere hunc primum laborem fine coronare») — и просит помощи другой труд так же благополучно завершить «к пользе роксоланского племени» («ad utilitatem ... Roxolanorum gentis»). Большая часть л. 315 без текста, с несколькими пробами пера («Finis coronat opus») и росчерком «Basilius Trediakoff», затем четыре раза «ff» и, наконец, «ffski». Эта подпись, вернее, отработка подписи в автографе перевода — основной, но не единственный аргумент в пользу

разошелся в нескольких списках, один из них он смог обнаружить в начале 1750-х годов» (*Шшикин А. Б. В. К. Тредиаковский: годы ученья // Studia Slavica. Budapest, 1984. Т. 30. Р. 144*).

² См.: *Пумпянский Л. В. Тредиаковский // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 242*.

³ Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского (Киев). Собр. Киево-Печерской лавры, № 335п/226. «Иоанна Барклая Аргенида». XVIII в. (первая четверть), в лист, 317 л., скоропись, переплет кожаный со следами завязок. На корешке надпись чернилами: «Барклаий русский». Водяные знаки: герб города Амстердама, контрмарка «Р» (*Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 1301 — 1703 г.*); герб города Амстердама, буквы «IGL» (Там же. № 1125 — 1716–1720 гг.). См.: *Николаев С. И. «Русский Барклай» — первый перевод Тредиаковского // М. В. Ломоносов и русская культура: Тез. докл. конф. Тарту, 1986. С. 21–22*.

⁴ *Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1896. Вып. 2. С. 110*.

Sicut originalis eo prospere sine fine
 sine coronare, eade mane des altero ad ubili
 He forte Roxlaug geti propterea sit novis,
 ineptus est opus, auspiciabili opera p[er]ducit
 ad fine.

Santissimę & illibate Virgini Separa
 Manę, Sep habeo gratias, Sep ed veneror.
 P[er]toq: Separa Virgo ave, gratia plena
 Domini tui, benedicta tu i Mulieris, & be-
 nedictus fructus ventris tui, quoniam Salvatorem
 peperisti animar[um] nostrar[um].

Amen

Tini
 Tini Coronat
 Coronat opus
 πον

Coronat
 opus

Coro
 Baglius
 Tiniatoff

CHUS

Тредиаковского. История самой рукописи позволяет не только подтвердить атрибуцию, но и уточнить некоторые эпизоды биографии Тредиаковского.

На л. 1 рукописи читается владельческая запись: «*Nic liber ex bibliotheca R: P: Hieronimi Kowpecki*». Личность Иеронима Колпецкого (именно в таком написании он чаще всего фигурирует в документах) очень любопытна, а за интересующий нас период его биография восстанавливается достаточно полно.⁵ В 1719 г. он был взят из Киево-Печерской лавры в Киево-Могилянскую академию, где преподавал несколько лет. Московская Славяно-греко-латинская академия, как известно, постоянно испытывала нужду в учителях, и в 1721 г. ее ректор Феофилакт Лопатинский просил прислать из Киева в Москву «*мужей ко учению философии, риторики и пиитики способных*», среди которых назвал Иеронима Колпецкого, а также Германа Копцевича.⁶ В мае 1722 г. Иероним Колпецкий вместе с другими киевлянами стал преподавателем в московской академии и, как он писал позднее, «*труждался во учении школьном и в предиках четыре года*». Был он слаб здоровьем, однажды даже попал вместе с Германом Копцевичем к «*доктору Николаю Бидлу*» (Бидлоо) на том основании, что оба «*немоществуют главною и очною болезнию*».⁷ Наконец, в июне 1725 г. Иероним Колпецкий подал в Синод прошение отпустить его обратно в Киев. В прошении он писал: «*Труждался я по силе моей так в киевских, яко и в славенолатинских московских училищах наченши от синтаксимы, два года учил ретиорику, два года проповедником слова божия, а понеже силы мои изнемогли в повседневных трудах и весма не могу в том послушании пребывать, прошу и молю святаго правительствующаго Синода, свободивши мене от трудов, пустити на обещание в лавру Киево-Печерскую. Ради бо немощи моей и в сем году не могу послушание мое докончати и бог весть чим докончаю. Аще же не будет милости и милосердия святаейшаго пра-*

⁵ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве. . . Синода. СПб., 1897. Т. 5. Стб. 356–357; 1891. Т. 8. Стб. 131–132; *Петров Н. И.* Значение Киевской академии в развитии духовных школ в России с учреждения св. Синода в 1721 году и до половины XVIII века // Труды Киевской духовной академии. 1904. № 4. С. 538; *Харламович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 657–658, 742, 873.

⁶ Описание документов и дел. . . Синода. Т. 1. Стб. 675–676 (Герман Копцевич (1685 — 25 июля 1735)); Провинциальный некрополь. М., 1914. С. 191.

⁷ Описание документов и дел. . . Синода. Т. 2, ч. 1. Стб. 1023–1024.

вительствующаго Синода свободити мене от сих трудов, но паки назначен буду по вакациях к томужде послушанию, не токмо мне к зельнейшей болезни придет, но и к самой смерти. Поки мог, труждался, ныне же прошу милости».⁸ Просьба была удовлетворена, в соответствующие учреждения посланы указы, а Иерониму Колпецкому выправлен паспорт в Киев.

Все это происходило во второй половине 1725 г., а это важный период в жизни Тредиаковского, так как именно тогда, по всему вероятно, у него созрело решение отправиться за границу. Что его к этому подтолкнуло? В декабре 1727 г. он писал из Парижа: «Превеликое... я имел желание, чтобы оные (науки. — С. Н.) окончить в европейских краях, а особливо в Париже, для того что всему свету известно, что в оном наиславнейшие находятся».⁹ Для русских это, конечно, тоже не было тайной. Уже в 1525 г. Максим Грек написал похвалу парижскому университету,¹⁰ а через двести лет это знали все образованные люди, во всяком случае понаслышке, если не так подробно, как А. А. Матвеев, описавший в 1705–1706 гг. ученые и учебные заведения Парижа.¹¹ Но к этим самым общим соображениям можно добавить и одно конкретное предположение о непосредственном толчке к побегу.

Весной 1717 г. во Францию были отправлены для продолжения наук три студента Славяно-греко-латинской академии, которые в дальнейшем проходили по документам как «парижские студенты».¹² Это были И. С. Горлицкий, И. И. Каргопольский и Т. П. Постников. Осенью 1722 г. они вернулись из Парижа в Россию и были оставлены при Синоде для «книжного перевода». Горлицкий потом был определен в Академию наук (и позднее стал коллегой Тредиаковского), а Постников и Каргопольский в октябре 1725 г. назначены учителями в Славяно-греко-латинскую академию.

⁸РГИА. Ф. 796. Оп. 6. № 206. Л. 1.

⁹Чистович И. А. Заметка о В. К. Тредиаковском // Изв. имп. Акад. наук по Отд. рус. яз. и словесн. 1859. Т. 8, вып. 2. Стб. 157–158.

¹⁰См.: Максим Грек. Сочинения. Казань, 1862. Т. 3. С. 178–205.

¹¹См.: Русский дипломат во Франции: (Записки Андрея Матвеева) / Публ. подгот. И. С. Шаркова. Л., 1972. С. 210–223. См. также: Бакланова Н. А. Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII века // Международные связи России в XVII–XVIII веках. М., 1966. С. 303–344.

¹²См.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 238–241; Описание документов и дел... Синода. Т. 2, ч. 1. Стб. 1742; Т. 4. Стб. 135, 343–344; Т. 8. Стб. 335–337.

Тредиаковский, разумеется, был знаком с «парижскими студентами», так как не мог не знать академических наставников, равно как и они должны были узнать студента незаурядных способностей, стихотворца, автора двух пьес, переводчика Баркляя.¹³ Было ли это знакомство близким, были ли разговоры о Сорбонне и вообще возникала ли тема «драгого берега Сенского», конечно, неизвестно. Тем не менее через три месяца после прибытия «парижских студентов» в академию Тредиаковский бежал за границу. Но почему в Гаагу, а не в желанный Париж?

В это время резко меняются обстоятельства Иеронима Колпецкого. 20 декабря 1725 г. в Московскую синодальную контору поступило прошение Дарьи Головкиной об отпуске Иеронима Колпецкого в Петербург, где она будет хлопотать в Синоде об отправлении Колпецкого в Голландию, к своему мужу И. Г. Головкину. Посланник устраивал в Гааге церковь при посольстве, был нужен священник, а также антиминос и миро, которых в Голландии «получить не можно». Иероним Колпецкий тут же согласился отправиться вместо Киева в Голландию, и Московская синодальная контора 31 декабря разрешила ему ехать в Петербург, а в конце января 1726 г. он уже направился в Гаагу. Именной вызов Иеронима Колпецкого, его быстрое согласие и решение синодальной конторы заставляют предполагать какую-то предварительную договоренность и чью-то авторитетную рекомендацию.

В это же время в Голландию едет и Тредиаковский и оказывается в Гааге в одном доме с Иеронимом Колпецким. Эти совпадения никак не могут быть случайными, следовательно, мы можем предположить участие Колпецкого в судьбе Тредиаковского. Путешествовали они вместе или порознь — мы не знаем, но содействие бывшего наставника академии своему ученику в Гааге скорее всего несомненно и объясняет, каким образом беглому студенту удалось поселиться в доме русского посланника.

Неизвестно, когда рукопись «Аргениды» перешла к Иерониму Колпецкому. Свои рукописи Тредиаковский вывез за границу, где что-то растерял, а кое-что сохранил и напечатал по возвращении в Россию. Самым вероятным будет предположение, что осенью 1727 г. перед отправлением пешком во Францию Тредиаковский оставил объемистую руко-

---

¹³ Тредиаковский начал переводить Баркляя «почитай токмо вступивши в риторический класс», т. е. в сентябре — октябре 1724 г. Окончен перевод до побега, т. е. к концу 1725 г., но так как с ним ознакомилось несколько человек (скорее всего, наставники), то завершение перевода следует отнести к осени 1725 г.

пись Колпецкому, возможно, на сохранение, но увидеться им больше не пришлось. В марте 1728 г. Иероним Колпецкий вернулся в Москву и был наконец отпущен в Киево-Печерскую лавру.¹⁴ После смерти его библиотека влилась в лаврскую, и в этом собрании рукопись «Аргениды» сохранилась до наших дней.

Все изложенное позволяет считать, что хранящаяся в Национальной библиотеке Украины им. В. И. Вернадского рукопись перевода «Аргениды» Д. Барклая является автографом Тредиаковского, тем самым единственным «экземпляром», о котором он упоминал в 1751 г.

В самом тексте перевода, несмотря на его упрощенный церковнославянский язык, а также в стихе узнается Тредиаковский. Известное стремление Тредиаковского к «воссозданию свободной латинской расстановки слов»¹⁵ в первой «Аргениде» проявилось очень ярко, не без влияния, конечно, оригинала. Это и двойное отрицание («весма не без бегу», «не без охоты»); усилительная частица «ж», не образующая слога («кровныя ж поты»);¹⁶ многочисленные восклицания:

... едва фракийско покинул лишь поле
и колхийский остров, уж скачет ретко (оле!)
того века, кои то (о! равной нам силы!
о! таковой доблести! о! копыя мне милы!)
и своими мечми (страх!) смерти поражают!
Гей! гей! всех богов храмы, всяк олтарь почтется

Все эти примеры взяты только из одного стихотворения (л. 84 об.—85 об.).

Гипербаты и непрерывные инверсии беспримерны даже для склонного к ним и позднее Тредиаковского. Вот другое стихотворение:

Се ты, красна Венера, в синем мори сущу
рожденну, мал кораблец, подобен пловущу
твоему судну з раковин, защитницу просит,
не бо марсовы стрелы стерпети ся просит,
аще случай Беллоны корабли противны
нанесет и на житном бой даст мори сливны.
Ни¹⁷ гром стерпишь Бореа, егда он ярится,

¹⁴ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 9. № 134.

¹⁵ Пумпянский Л. В. Тредиаковский. С. 233.

¹⁶ См.: Дерюгин А. А. Тредиаковский переводчик: Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 151–152.

¹⁷ В рукописи исправлено из *ниже*.

свищет, горбит и в волны свирепо ввалится;
при бережку точию сего стружна ходы
и на ближни в веселье пускается воды.
Егда песни разгонит Австра дожденосна
Кимофа и зелены згладит власы сносна
всем на яру, тогда та¹⁸ в пристанища дална
пойдет вергина,¹⁹ тогда везет ненавална
гребцами государя зело превелика.
А ты²⁰ будь в ерицинском честь тебе толико
храме от нас подолгу! Не даждь, доброспешны
мучителю, ветры, но нас твори поспешны.
Сама рукою греблю, ты ж корму поволи
сама управляти, путь стели годен в соли
морской, егда космится zde²¹ река волною.
С тобой Кастор и Поллукс звезды и с сестрою
зеленой. О! власть всегда великими бури
бита! И всегда ветры царем суть на мори!
(л. 74 об.–75)

В качестве пояснения приводим начало стихотворения во втором переводе:

Суднышко сие тебя, Цитерея красна!
Порожденная в волнах! всюду ж самовласна!
Кое раковинке уподобилось твоей,
Просит, чтоб защите от тебя ему быть всей.
Нет в нем столько сил стерпеть марсовы удары,
Ежели Беллона зла воспалит пожары,
На море бурливом истребляя корабли.
Ни Бореям наглым разбивать не повели:
И от них не устоит, страшными волнами
Те как вносят понт, среде ж свистом злятся сами.
При способных берешках есть ход его.²²

¹⁸ В рукописи исправлено из *сей*.

¹⁹ В рукописи исправлено из *корабль*.

²⁰ В рукописи после этого слова зачеркнуто *аще*.

²¹ В рукописи исправлено из *наша*.

²² Барклай И. Аргенида. Т. 1. С. 485. Ср.: *Barclaius I. Argenis*. Amsterdam, 1655. P. 198–199. Издание, которым пользовался Тредиаковский, пока не установлено, во всяком случае, текст в нем еще не был разделен на главы (первое такое издание вышло в 1659 г., см.: *Smidt K. F. Barclays Argenis. Eine literarhistorische Untersuchung*. Rudolfstadt, 1903. S. 21). Тредиаковский разделил текст перевода на главки или параграфы, сообразуясь с членением латинского оригинала на абзацы; соответственно, в 1-й книге таких главок 84, во 2-й — 94, в 3-й — 112, в 4-й — 117, в 5-й — 103.

Первый перевод, как видно, изобилует переносами, «аристократическим полонизмом поздней московской силлабики».²³ Тредиаковский вполне допускал его в силлабическом стихе,²⁴ но позднее резко возражал против него: «В нынешнем нашем гекзаметре ... отнюдь не надлежит употреблять сей перенос из первого стиха в начало следующего», поскольку «весьма сие ... нелепо и противно нежному слуху».²⁵

Стихотворные части «Аргениды» переведены 11-ти и 13-тислложником, в переводе они обычно на несколько стихов больше оригинала (если в оригинале 17, 19, 61 стих, в переводе соответственно 18, 24, 79). Среди дополнений Тредиаковского часты эпитеты и среди многочисленных двусоставных эпитетов замечательны «дожденосный», «звезденосный», «бранноносный», отмеченные в списке А. И. Малеева,²⁶ в эту же группу можно отнести и «скипетроносный» (ср. σκήπτροφόρος из Палатинской Антологии). Эти эпитеты снимают поднятый в последнее время вопрос о приоритете Тредиаковского или А. Д. Кантемира в создании «гомеровских» эпитетов в русской поэзии.²⁷ Отметим, кстати, что в соответствующих местах второго перевода «гомеровских» эпитетов нет.

Из наблюдений явствует, что некоторые особенности поэтического языка Тредиаковского сформировались еще до его отъезда в Голландию и Францию, т. е. в Славяно-греко-латинской академии. Поэтическая деятельность ее студентов и преподавателей практически не исследована, по-настоящему еще не собраны и сами тексты (за исключением драматических). И первая «Аргенида» Тредиаковского, которую можно понять и оценить только в контексте литературной культуры Петровской эпохи, служит одновременно и удобным поводом для постановки вопроса об ее изучении. Только целостное исследование может доказать правоту Л. В. Пумпянского, который проницательно писал: «В послепетровскую эпоху вся эта столетняя (школьно-схоластическая. — С. Н.)

²³ Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 100.

²⁴ См.: Тредиаковский В. К. Избр. произв. М.; Л., 1963. С. 435.

²⁵ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы. СПб., 1752. Ч. 1. С. 109.

²⁶ См.: Малеев А. И. Приложение к статье А. С. Орлова «Тилемахида» // XVIII век. С. 58, 60.

²⁷ См.: Дерюгин А. А. 1) Тредиаковский-переводчик. С. 32–33; 2) Греческие сложные эпитеты в переводах А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского // Іноземна філологія. Львів, 1985. Вып. 80.

культура не только не умерла, но именно в Трeдиакoвском нашла свое последнее и самое яркое выражение».²⁸

В последние годы стало утверждаться мнение, что «стихотворный перевод впервые появился в России в XVIII в. Это были стихи в „Езде в остров любви“, за ними можно назвать некоторые переводы А. Кантемира»;²⁹ «вплоть до 30-х годов XVIII столетия стихотворный перевод был эпизодическим явлением, он все еще не осознавался как правомерный и необходимый элемент переводческой деятельности».³⁰ Эти мнения находятся в полном противоречии с реальным историко-литературным материалом, который показывает, что к 1730-м гг. русская переводная поэзия уже накопила значительный опыт, поставив и даже решив целый ряд проблем. Начиная с 1670-х годов с разных языков было сделано множество стихотворных переводов, число переведенных строк исчисляется тысячами. Из переводов с латыни, хронологически наиболее близких к Трeдиакoвскому, можно указать очень популярный в XVII в. сборник элегий «*Pia desideria*» («Желания благоговейные») Германа Гуго с подробнейшим мифологическим комментарием, переведенный в Москве в 1718 г. И. П. Максимовичем.³¹ Хотя этот внушительный корпус текстов в целом и не изучен, он никак не может быть назван «первыми попытками» или «эпизодическим явлением».

Однако история переводной поэзии первой четверти XVIII в., пусть история и ненаписанная, лишь часть более важной проблемы.

Принято считать, что в Петровскую эпоху «перевод решал главным образом утилитарные задачи».³² Для этого распространенного суждения есть основания, но само явление трактуется неверно.

Такая трактовка неверна хотя бы потому, что переводы художественной литературы были, и притом резко отличные по характеру от переводов XVII в.: это и интереснейшая «Повесть о Лукиановом осле» Псевдо-Лукиана, несколько переводов с разных языков «Метаморфоз» Овидия, новеллика эпохи Возрождения представлена «Забавными часами» Гвиччардини, один из самых замечательных переводов — «Дафна, став-

²⁸ Пумпянский Л. В. Трeдиакoвский. С. 235, ср. С. 262.

²⁹ Алексеев А. А. Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 68.

³⁰ Дерюгин А. А. Трeдиакoвский-переводчик. С. 23.

³¹ См.: Николаев С. И. Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 385–399.

³² Дерюгин А. А. Трeдиакoвский-переводчик. С. 4.

шая древо лавровым» С. Твардовского, стих которой намного опередил, как показали работы по стиховедению, свое время. Но вовсе не эти памятники (а их круг можно расширить) составляли самый существенный слой переводной литературы в эпоху Петра I. Справедливо отмечается, что в начале XVIII в. в России упал интерес к художественной литературе, но при этом забывается, что Россия вступала «как органический член в семью европейских держав» (В. О. Ключевский) в обстановке социального брожения и резко возросшего интереса к политическим проблемам, когда и в самой Европе было не до беллетристики и не до поэзии. Характерно, что Феофана Прокоповича «тошнило» от академического стихотворства, а Савва Рагузинский писал в предисловии к одной переведенной им книге, что «не Есоповы фабулы, или магометанские рассказы, или другие какие романцы в ней обрящеши, но самые святополитичные поступки». ³³ Как ведущие, так и рядовые литераторы ставили перед собой (точнее, Петр I поставил перед ними) несравненно более серьезные задачи.

Весь путь развития европейской постренессансной мысли, который на рубеже XVII–XVIII вв. привел к «кризису европейского сознания», так ярко описанному П. Азаром, ³⁴ России пришлось усвоить всего за четверть века. Эта вспышка интеллектуальной деятельности потребовала стольких сил и была так ярка, что после смерти Петра I восхищение его деятельностью граничило с ослеплением и непониманием. Если для Феофана Прокоповича Г. Гроций был «славным законоучителем», ³⁵ то уже в 1730-е годы можно было услышать, что

Гроциус и Пуфендорф и римские права —
О тех помнить нечего: не на наши нравы. ³⁶

Стремительный стиль петровской работы отразился и на спешном и конвульсивном стиле переводчиков его времени, недаром целый ряд переводов сохранился только в черновых автографах. И уже потом, в течение всего XVIII в., вновь переводились на русский язык сочинения, переведенные и даже изданные в Петровскую эпоху. Но основной плод этой стороны деятельности Петра и его сотрудников — секуляризованное сознание — был усвоен прочно и не без помощи многочисленных

³³ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 254.

³⁴ Hazard P. The European Mind: 1680–1715. London, 1953.

³⁵ Феофан Прокопович. Правда воли монаршей. СПб., 1722. Л. 6.

³⁶ Кантемир А. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 373.

переводов. Недаром Феофан Прокопович писал в «Правде воли монаршей», явно выражая мысли Петра I: «Разумный есть и человек, и народ, который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых, безумный же и смеха достойный, который своего и худаго отстает, чуждаго же и добраго принять не хочет». ³⁷ Переводные памятники, о которых идет речь, в значительной степени известны, и задача их изучения в общей форме уже ставилась, ³⁸ однако даже у П. П. Пекарского они просто перечислены в одном, правда, огромном примечании. ³⁹ Основная проблематика этих переводов — политические и государственно-правовые теории в самом широком смысле. Хронологически: от Тита Ливия до Д. Локка с преимущественным, конечно, упором на авторов XVI–XVII веков, начиная с Н. Макиавелли и Фр. Гвиччардини. Тематически: от «статов» современных европейских государств до «Приключений Телемака» Ф. Фенелона и политических новинок типа громкой «Турецкой монархии» Поля Рико. «Дискурсы политичные о разных чинах властелинских», «изображение политического властелина», «камень опыта политического», «наставление властелину», «наказание нравоучительное или моральное, как подобает жить с немногим народом без повреждения его силы, и любви, и чести» — вот типичные заглавия этой переводной продукции. Волна переводов «политичных дискурсов» была мощной и хорошо организованной. В ней можно, конечно, усмотреть некоторый утилитаризм. Несмотря на широко обозначенные нами тематические границы этой литературы, за ее пределами осталась собственно философская литература, а также многообразные сочинения полемического характера по религиозным вопросам. Однако сам репертуар памятников, характеризующийся небывалой в России идейной и религиозной терпимостью (за ее соблюдением следил сам Петр I!), позволяет усомниться в полном равнодушии или непонимании этих проблем жителями «Российской Европии».

Случайно сохранились материалы, не столько проясняющие, сколько ярко иллюстрирующие интеллектуальную атмосферу начала века. Они касаются Д. Локка, фигуры исключительно важной для понимания не только европейского, но и русского историко-культурного развития. А. М. Панченко вполне обоснованно предполагает, что во время своего

³⁷ Феофан Прокопович. Правда воли монаршей. Л. 44.

³⁸ См.: Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981. С. 180.

³⁹ См.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. С. 255–257, примеч.

пребывания в Англии Петр I мог свести с Локком и личное знакомство. А через несколько лет, в марте 1702 г., находившийся в Москве иезуит Франциск Эмилиан, описывая своему начальству педагогические новации у русских, писал: «Некоторые пришельцы из Англии и Голландии пытались ввести здесь преподавание философии Декарта и какого-то Локка, и некоторые из здешних, хотя не понимали дела, но были увлечены и тем, что им расхваливали их, и как новинкой; однако Бог послал нам счастливый случай сойтись с ними, к чему подстрекал и один вельможа. Прежде всего они восстали против схоластических терминов и аргументаций». Когда во время этого диспута Эмилиан стал опровергать декартовское «я думаю, следовательно я существую», «мои противники, к удивлению, пришли здесь в недоумение и яростно хотели защищать, что во всяком случае выражение „думаю“ есть первый принцип». Высокомерие иезуита соседствует с удивлением и раздражением обскуранта: «Что касается Локка, то я в нем вижу скорее атеиста, чем философа. Милосердный Боже! каких чудовищ сюда часто привозят! Другой сочинитель привезен из Голландии, он кроме других вещей упорно защищает физическую истину о стоянии солнца и подвижности земли. Мы им разяснили, какая разница между гипотезой и истиной на деле ... однако они пожелали, чтобы то учение было опровергнуто с аргументами, и это задало нам весьма большую и трудную работу».⁴⁰

Следов этого диспута, организованного, что очень важно, неким вельможей, в переводной литературе пока не обнаружено,⁴¹ но никак нельзя считать случайностью появление в 1720-х гг. перевода трактата Локка «О государственном правлении». Примечательно и происхождение списков: один трех известных списков принадлежал «верховнику» кн. Д. М. Голицыну,⁴² а другой «конфиденту» А. П. Вольнского А. Ф. Хрущеву,⁴³ первому, кстати говоря, переводчику «Приключений Телемака» Фенелона на русский.

«Телемак» и «Аргенида» в русской литературе XVIII в. шествуют бок о бок, что вряд ли мыслимо в любой другой европейской литературе. Они одновременно были переведены (в 1724 и 1725 гг.), почти одно-

---

⁴⁰ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века СПб., 1904. С. 100–101.

⁴¹ Локка, конечно, читали в это время. См.: Библиотека А. А. Матвеев. (1666–1728): Каталог. М., 1985. С. 136.

⁴² См.: РНБ, Ф.П.41.

⁴³ См.: РГАДА. Ф. 181. № 194.

временно напечатаны (1747 и 1751), причем Тредиаковский даже заболел о том, чтобы «Аргенида» была издана в том же формате, что и «Телемак» 1747 г. И в литературном сознании эпохи оба романа стоят рядом, а у Ломоносова вообще Барклай упоминается только вместе с Фенелоном. Связь этих романов, содержащих «многие нравоучения, явственно или скрытно предложенные»,⁴⁴ наметилась к концу Петровской эпохи, когда на смену переводам политических трактатов приходят переводы политических трактатов уже в форме художественных произведений, в данном случае двух высших достижений разных этапов развития европейской политической мысли. Переводы Хрущева и Тредиаковского в определенном смысле увенчали в Петровскую эпоху стремительное ознакомление с европейскими политическими доктринами двух предшествующих столетий, но художественное усвоение «Аргениды» и «Телемака» было завершено позже, и в нашем сознании оно связано с именем Тредиаковского, с его второй «Аргенидой» (1751) и «Тилемахидой» (1766).

2. К истории «Элегии о смерти Петра Великого»

Самым ранним стихотворным опытом В. К. Тредиаковского является, вероятно, неравносложное силлабическое четверостишие, которым он завершил предисловие «Ко чтущему» к переписанной им еще в Астрахани в 1721 г. грамматике церковнославянского языка.⁴⁵ Затем уже в Москве осенью 1724 г. он начал переводить «Аргениду» Джона Барклая, значительная часть которой написана стихами.⁴⁶ «Элегия о смерти Петра Великого» 1725 г. — это одно из самых ранних оригинальных стихотворений Тредиаковского. Впервые «Элегия» была опубликована самим автором в 1730 г. в разделе «Стихи на разные случаи», который составил вторую часть его книги «Езда в остров Любви».⁴⁷ В 1752 г. он напечатал новую редакцию «Элегии» в составе своих «Сочинений и переводов», сообщив в предисловии, что двухтомник «увенчан Плачем, нашими ж сти-

⁴⁴ Ломоносов М. В. Поли. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 362.

⁴⁵ См.: ГИМ. Собр. Черткова. № 337. Л. 5. См.: Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 531–533.

⁴⁶ См.: Николаев С. И. Ранний Тредиаковский. (Первый перевод «Аргениды» Д. Барклай) // Русская литература. 1987. № 2. С. 93–99.

⁴⁷ См.: Тредиаковский В. К. 1) Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 737–740; 2) Избр. произведения. С. 56–59.

хами, о кончине блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского, Отца Отечества, сочиненным уже тому дватцать семь лет, но исправленным, и последним старанием вычищенным».⁴⁸ Таким образом, Тредиаковский сам указал год написания стихотворения, однако относительно более точной датировки мнения исследователей разошлись. Л. Н. Майков связывал написание стихотворения с торжественной панихидой в Славяно-греко-латинской академии, которая состоялась, по его мнению, в феврале 1725 г. по получении в Москве известия о кончине Петра I.⁴⁹ И. З. Серман считал, что элегия Тредиаковского идейно и композиционно связана со второй проповедью Феофана Прокоповича, посвященной смерти Петра I и произнесенной 29 июня 1725 г.⁵⁰ Соответственно, в этом случае элегия могла быть написана только во второй половине года. Возникает, наконец, еще один вопрос: не был ли текст элегии переработан перед публикацией в 1730 г.? Ответы на эти вопросы дает рукописный сборник середины XVIII в. из собрания Государственного исторического музея.⁵¹

Состав сборника следующий: «Петру Первому Великому, императору всея России, августейшему Отцу Отечества, благоутробнейшему прекрепкому в бранех победителю, преславному мироподателю, училищ славногреколатынских прещедрому фундатору, от добродетели к небесем, от смерти к безсмертию преселенному, всеистинныя печали своея феатр благодарная академия их величества московская устрои 20 марта

⁴⁸ Тредиаковский В. К. Сочинения. Т. 1. С. XXII–XXIII. См. текст «Плача»: Там же. С. 570–577.

⁴⁹ См.: Майков Л. Молодость Тредиаковского до его поездки за границу (1703–1726) // Журнал министерства народного просвещения. 1897. № 7. С. 13.

⁵⁰ См.: Серман И. З. Тредиаковский и просветительство (1730-е годы) // XVIII век. М.: JL, 1962. Сб. 5. С. 208.

⁵¹ ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 36507/3434. Вся рукопись написана на нескольких сортах бумаги русского производства 1750-х гг.: 1) герб Ярославской губ. (см.: Клепиков С. А. Филиграния на бумаге русского производства XVIII — начала XIX в. М., 1978. № 211 (1754 г.), 221 (1752 г.), 222 (1752 г.)); 2) герб Ярославской губ. (см.: Там же. Тип. 3 (1756 г.)); 3) филигрань АГБФ // АГ (см.: Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. № 29 (1752, 1754 г.)); 4) филигрань БАГ / Pro Patria // АГ (см.: Там же. № 80 (1740-е гг.)); 5) Pq // OE (см.: Там же. № 530 (1753 г.)). За помощь в датировке рукописи я признателен Е. М. Юхименко. Рукопись упомянута в обзоре: Юхименко Е. М. К вопросу о репертуаре русской рукописной книжности XVII–XVIII вв. // Русская книжность XV–XIX вв. М., 1989. С. 75. Далее ссылки на рукопись даются в статье с указанием листов.

1725 года» (л. 3–28 об.), «Ода на рождение великого князя Павла Петровича сентября 20 1754 года» М. В. Ломоносова (л. 29–34), курс лекций по риторике на латинском языке, прочитанный в Славяно-греко-латинской академии в 1747–1748 гг. («Campus excellentissimae artis oratoriae <...> Ad usum floridae juventuti in alma Magnae Rusiae academia expositus Anna Regis Regum in campo terreno nati 1747 mensis octombris die 26, in annum 1748», л. 36–249 об.).

Связь сборника с московской Славяно-греко-латинской академией подтверждается и владельческой записью на первом листе — «Ex libris Michaelis Zasodimsky», повторенной на титульном листе риторики (л. 36). Это, несомненно, Михаил Андреевич Засодимский (1746–1821), в 1756–1763 гг. обучавшийся в Вологодской семинарии, а с января 1767 г. в московской Славяно-греко-латинской академии. Через два года он перешел на учебу в Московский университет. С 1770 г. Засодимский был учителем Вологодской семинарии, а в 1782 г. перешел в статскую службу.⁵² Вероятно, во время обучения в Славяно-греко-латинской академии Засодимский и стал владельцем рассматриваемого сборника. Сам Засодимский был не чужд литературных интересов, в частности, он стал первым русским переводчиком «Георгик» Вергилия (1777), поэтому не исключено, что его привлекла в сборнике не только риторика, но и содержащиеся в нем литературные материалы. На том же первом листе сборника есть еще одна запись: «Горки Лаврентья астраханскаго архерея». Лаврентий Горка скончался в 1737 г., поэтому запись в рукописи 1750-х гг. никак не может быть владельческой. По этой же причине она может относиться только к произведениям, связанным с «феатром печали», устроенном в академии 20 марта 1725 г. Поскольку Лаврентий Горка занимал астраханскую кафедру с 1723 по сентябрь 1727 г.,⁵³ то это позволяет предполагать, что список 1750-х гг. в сборнике Засодимского был сделан с принадлежавшего Лаврентию Горке списка, который можно датировать периодом с марта 1725 по сентябрь 1727 г., т. е. вскоре после печальной

⁵² О жизни М. А. Засодимского (он был дедом писателя-народника П. В. Засодимского) подробнее см.: Лазарчук Р. М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда, 1999. С. 83–95.

⁵³ См.: Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 219–220. В эти годы Лаврентий Горка надписывал книги из своей библиотеки следующим образом: «От книг Лаврентия епископа Астраханского», «Lavrentii Episcopi Astrachaniensis», см.: Мосин А. Г. Библиотека Лаврентия Горки: Материалы для реконструкции. Екатеринбург, 1997. С. 83, 87, 91, 93, 110, 114.

церемонии в московской академии. Это обстоятельство, безусловно, повышает авторитетность списка в сборнике Засодимского.

«Надгробные похвалы всемилостивейшему императору и училищу наших основателю» Петру I, прозвучавшие 20 марта 1725 г. в Славяно-греко-латинской академии, состояли из трех частей. После «Предисловия» на русском и латинском языках (л. 4–4 об.) идет надгробное слово, которое произнес Герман Копцевич («Первую надгробную похвалу имел чрез слово тоя ж московския академии священныя богословии учитель иеромонах Герман Копцевич», л. 5–11 об.).

«Вторая надгробная похвала витийственно происходила от риторов» и состояла из двух небольших прозаических похвал на русском языке и пяти эпитафий в торжественном элогиальном стиле, каждая на русском и латинском языках (л. 12–18).

«Третью надгробную похвалу держали поэты» (л. 18 об.–28 об.). Эта последняя часть так же состоит из нескольких текстов. Она открывается 7 небольшими стихотворениями на русском языке без указания авторства, написанных сапфическими строфами и 13-тистолжником (л. 18 об.–20 об.), затем идет анонимная эпитафия, написанная в Ревеле на латинском языке («*Epithaphium elogiastice inscriptum Revaliae in obitum pie defuncti serenissimi clementissimi nec non augustissimi Petri Magni imperatoris universae Rossiae*», л. 21–24). Завершается этот текст формулой «*Revaliae, Typis Joannis Kohleri⁵⁴ civitatis et gimnasii ordinatoris Typographiae*». Этот же издатель в 1726 г. издал в Ревеле на латинском языке сочинения Феофана Прокоповича о смерти Петра I.⁵⁵ Таким образом, допустимо предположение, что в сборнике Засодимского сохранился текст неизвестного ревельского издания, посвященного кончине Петра I.⁵⁶ Сразу за ревельской эпитафией идет запись: «*Sit descriptio sacratissimae Majestatis personae, quae facile omnibus suppeditat qualis fuerit, licet nunquam vidit, composita per Trediakowsky quemdam Basilium*» («А [теперь] последует описание личности его священнейшего величества, которое легко может помочь [понять] всем, какова была, хотя бы никогда не видел, сочиненное неким Василием Тредиаковским», л. 24) и само стихотворение на латинском языке (10 строк). После него идет запись: «*Sit*

⁵⁴ Исправлено, в рукописи *Ronleri*.

⁵⁵ См.: Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог. Дополнения и приложения / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич, Р. И. Козинцева. Л., 1972. С. 188.

⁵⁶ Оно не упоминается в известной библиографии Р. И. Минцлова иностранных сочинений о смерти Петра I, см.: *Minzloff R. Pierre le Grand dans la litterature étrangère*. SPb., 1872. P. 445–454.

epithaphium eiusdem serenissimi imperatoris in obitum per eundem compositum Trediakowsky» («А теперь последует эпитафия на кончину того же светлейшего императора, сочиненная тем же Тредиаковским», л. 24 об.; в самой эпитафии на латыни 16 строк). После нее запись «Sit et alterum cuiusdam candidati protunc rhetorices Joannis Komarowsky» («Теперь будет и другая некоего в то время кандидата риторики Иоанна Комаровского», л. 24 об.) и эпитафия из двух латинских стихов. О ее авторе известно только, что в 1742 г. он напечатал «Слово в неделю шестую по сошествии святого духа, в присутствии ее имп. величества Елизаветы Петровны, проповеданное Лейбкомпанией священником Иоанном Комаровским в придворной церкви в Москве, 1742 года иулиа 18 дня» (М., 1742).

Завершает «надгробную похвалу» поэтов элегия В. К. Тредиаковского. Сначала идет ее латинский текст «Elegia post obitum serenissimi augustissimique Petri Magni Rossorum monocratorisque clementissimi per Trediakowsky composita» (л. 24 об.–26), затем ее русский перевод, выполненный самим автором («Наес eadem rhuthenice per eundem Trediakowsky elaborata quae sic se habet», л. 26–27) и следом еще одна авторская версия русского текста («Alia eiusdem per eundem elaborata rhuthenice», л. 27–28 об.). Из всех текстов Тредиаковского, содержащихся в сборнике Засодимского, до настоящего времени была известна только третья версия элегии, именно она была издана им в 1730 г. в «Езде в остров Любви». Таким образом, одно стихотворное описание Петра I, эпитафия и элегия (все три — на латыни), первый вариант элегии на русском языке — это до сих пор неизвестные произведения Тредиаковского, сохранившиеся в списке 1750-х гг., который был сделан со списка, принадлежавшего Лаврентию Горке.

Датировка новых произведений Тредиаковского затруднений не вызывает — поскольку они были произнесены на церемонии в Славяно-греко-латинской академии 20 марта 1725 г., то стихи были написаны в феврале-марте. Таким образом, предположение И. З. Сермана о связи элегии с проповедью Феофана Прокоповича, произнесенной 29 июня 1725 г., не подтвердилось. Ошибочна и датировка Л. Н. Майковым элегии началом февраля. Основываясь на упоминании в анонимной «Истории Петра Великого» торжественной панихиды в Славяно-греко-латинской академии,⁵⁷ Л. Н. Майков полагал, что церемония состоялась в феврале

⁵⁷ «В училищном же Заиконоспаском монастыре в церкви состроен был гроб и поставлен посреде церкви, и при собрании множественного народа от греколатинских учителей

1725 г., хотя в самой «Истории» дата церемонии не указана. Однако в указанной рукописной «Истории Петра Великого» читается «Предисловие» к торжественной церемонии, известное по сборнику Засодимского (но только на русском языке),⁵⁸ то есть в обоих источниках речь идет об одном и том же событии, дата которого теперь известна.

В сборнике Засодимского помещены два стихотворения Тредиаковского на русском языке — два варианта перевода его латинской элегии на смерть Петра I. Сравнение второго варианта элегии в сборнике Засодимского с публикацией в «Езде в Остров Любви» показывает, что Тредиаковский в 1730 г. не перерабатывал элегию. Отличия между текстами незначительны, их можно считать описками в сборнике Засодимского. Например, второй стих элегии в «Езде в Остров Любви» звучит так: «Ах! знать Россия плачет в многолюдстве гласно!»; в сборнике Засодимского: «Аж знать Россия плачет в многолюдстве согласно!» «Аж» — явная описка вместо «ах», а «согласно» нарушает 13-тисложник. Таких описок, в том числе пропусков предлогов или частиц, в сборнике Засодимского несколько. Таким образом, можно считать твердо установленным, что в 1730 г. в «Езде в Остров Любви» Тредиаковский напечатал элегию 1725 г. без каких-либо изменений.

Первый вариант перевода элегии — самая краткая ее версия, в ней 76 стихов (в латинском оригинале 94 стиха, во втором русском переводе 118 стихов). Текст первого варианта в сборнике Засодимского очевидно дефектен: есть отступления от 13-тисложника (один раз в стихе 11 слогов, один раз — 12 и два раза — по 14 слогов в стихе). Вероятно, у переписчика был перед глазами не очень разборчивый текст: в рукописи оставлено место для пропущенного 8-го стиха, в 38-м стихе читается только первое слово, в 55-м стихе оставлено место в середине стиха для пропущенного слова, в 50-м отсутствует последнее слово, поэтому в стихе 9 слогов. Тем не менее и в таком виде этот текст представляет безуслов-

---

и от студентов о добродетелях его императорского величества, яко Отцу Отечеству благоутробнейшему, прекрепкому в бранех победителю, и оных училищ прещедрому фундаменту, благодарное изречение было по отпении понахиды сицевым образом» (РНБ. F.IV.8. Л. 333 об.). См. об этой «Истории»: *Шмурло Е.* Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1 (XVIII век). СПб., 1912. Примечания. С. 48–50. Е. Ф. Шмурло датирует рукопись 1760-ми гг. Л. Н. Майков, впрочем, пользовался не самой рукописью, а ее описанием и цитатами по книге: *Письма Петра Великого*, хранящиеся в имп. Публичной библиотеке и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования / Сост. А. Ф. Бычков. СПб., 1872.

⁵⁸ См.: РНБ. F.IV.8. Л. 333 об.–334 об.

ный интерес для изучения становления Тредиаковского-поэта: усвоенный в академии на лекциях по поэтике принцип многократного прочтения иноязычного текста⁵⁹ (в данном случае им самим и написанного) Тредиаковский стал воплощать в собственном творчестве с самых первых опытов. Отсюда идут его позднейшие повторные обращения к одним и тем же текстам и попытки не только найти наиболее адекватное выражение на русском языке, но и показать многообразие прочтений, каждое из которых равноправно с другими и лишь выделяет какие-то смысловые или стилистические оттенки.

Сам факт наличия стихов Тредиаковского в сборнике Засодимского весьма примечателен. Из него следует, что у молодого стихотворца, которому только что исполнилось 22 года, уже была устоявшаяся литературная репутация в кругах Славяно-греко-латинской академии, раз уж он был удостоен чести принять участие со своими стихами в торжественной панихиде наряду с преподавателями академии. Это значит, что тема «ранний Тредиаковский» еще не исчерпана и находки неизвестных произведений, написанных Тредиаковским в годы студенчества, вполне возможны. В частности, до сих пор не найдены его пьесы «Язон» и «Тит, Веспасианов сын», которые, по словам Тредиаковского, были поставлены в Славяно-греко-латинской академии, а затем утеряны самим автором.⁶⁰

Ниже публикуется первая русская версия элегии на смерть Петра I (латинские тексты предполагается опубликовать позднее).

Naes eadem rhuthenice per eundem
Trediakowsky elaborata quae sic se habet⁶¹

Нова в вселенной печаль слышится ужасна,
Не Россия ли плачет многолюдством гласна?
Где ж повседневных торжеств, радостей громады?
Слышь, не только едина, плачут же и чады!
«Ах! ах! сторично! что то стало за причина?»,
Ибо торжествующая бысть сия едина;
Но нечто видится в ней зело необычно

.....⁶²

⁵⁹ См. примеры из лекций Феофилакта Кветницкого 1732 г. в Славяно-греко-латинской академии: *Lewin P. Wyklady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*. Wrocław, 1972. S. 164–168.

⁶⁰ Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 438.

⁶¹ «Она же, тем же Тредиаковским выполненная по-русски, такова» (лат.).

⁶² В ркп. оставлено место для пропущенной строки.

Бьет в перси, одежду на себе терзает,
аки бы неистова, сурова бывает;
Спадает, умирает и руки си ломит,
страшно же и ужасно власы себе комит,
Зияет, въздыхает, не любо все стало:
«Ох! что тяжко, ох! что любезнее пропало!»
Ово мечется, ово зрится недвижима,
Ово губит чувства, рцы что⁶³ колебима.
Лишь рекла то Вселенна, бегут от печали
вестники, всюду страшно възвещать начали:
«Петра саркофаг смерти сокрушил адаманта,
Петра, Петра давит, прах пресилна атлянта!
Ни мало яко ново Вселенна внушила,
но как паки сия есть? Тою оглушила
Российски император, вяцшии человека,
Петр Алексеевич уж ушол с сего века,
Который всяку славу превзышол собою
На земли, и на море, в мире, и на бою.
В мудрости и храбрости ни един был равен,
в разсуждении совет поспешен и справен;
Милостив, трудолюбив, правдив, благочестен,
кроток, зело мудр, щедр, над всеми честен».
Слышит же, слышит глас сей Вселенна широка,
воздыхала презельно от сердца глубока.
«Праведно, рече, плачешь, преславна Россие,
Ей, радостны твои днесь затмилися дние.
Почто мене, мой Петре, увы! оставляешь?
Почто мене в печали тяжкой покидаешь?
Возвратись, моя радость, возвратись и слава,
недолго .....⁶⁴
Кто ин великий будет со мною уж ныне?
Ах, небесна то зависть моей благодстыне!
Но отдайте мне Петра, Петра в мощных славна,
во императорех же едина сего главна».
Скоро Марс, Нептун, ветри с ними и Палляда
стекаются, услышав, до Вселенной града.
«Что так, мати, глаголет, рыдати затела?»
Но Палляда прежде всех тут оцепенела,
Уразумевши, яко Петра уж не стало .....⁶⁵
Мечет копые, горгону, мудрости зеркало.

---

⁶³ В ркп. слово повторено дважды.

⁶⁴ В ркп. оставлено место для пропущенных слов.

⁶⁵ В ркп. оставлено место для пропущенного слова.

«К чему мне, рече, тое? Кто будет смотрится?
Петру бо я не могла всегда .....»⁶⁶
На долг час глас, и чувства она заключила,
очесам в верх смотрящим, потом завопила:
«Ох, всегдашний мой Петре, Петре, ясный свете!
Ты токмо един был мне равный на примете!»
Но как слышал Марс имя .....⁶⁷ Петрово:
«Не о российском ли вам, мати, Петре слово,
Рече, печально слышав?» Слышав, поразился в землю,
но скоро вскочил: «Храбрый шишак,⁶⁸ шаблю снемлю,
Пойду скитаяся простым, погубив клеветра,
Оплачу Петра, всегда не вем где подета.
Кому храбрость и доблесть будет такова ину?
Ах, Петре, без тебе я ныне уж погину.
Кто слышится на поле? Петр, Марс рече, всюду!
Прибегнули под грады — славен тот, оттуду
Бегущу, кони з оним всегда уставали,
А скорость его тии нигде доганяли».
То ж, если вси ветры прегрубо завили,
Под Нептуном ся моря жестоко взмутили,
Страшно ревет Окиан, страшно и Балтийско,
но сверепее от всех взносится Касписко.
Окиан о тшателе, той о господине,
Касписко ж, что однажды плавал по нем сине.
Всюду слышится «ох!», везде печаль многа,
токмо бывает радость в небеси у Бога,
Что к себе Петра славна получи до неба,
ибо тамо по делом жити ему треба.⁶⁹

---

⁶⁶ В ркп. оставлено место для пропущенного слова.

⁶⁷ В ркп. оставлено место для пропущенного слова.

⁶⁸ Испр., в ркп. *шишан*.

⁶⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 36507/3434. Л. 26–27.

ПОМЕТЫ В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО НА «КРАТКОМ РУКОВОДСТВЕ К КРАСНОРЕЧИЮ» М. В. ЛОМОНОСОВА

Полемика Ломоносова с Тредиаковским была одним из главных событий литературной жизни России в середине XVIII в., потому-то, вероятно, она представлена если не полностью, то исключительно широко: ученые трактаты и статьи, эпиграммы, жалобы и даже пометы на книгах. Маргиналии и заметки Ломоносова на экземпляре «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» Тредиаковского — яркий тому пример, хотя, кажется, чуть ли не единственный за первую половину XVIII в.¹ Между тем почти не обращалось внимания на то, что и Тредиаковский читал Ломоносова с не меньшим пристрастием. В РНБ сохранился принадлежавший ему экземпляр «Краткого руководства к красноречию» Ломоносова 1748 г. с многочисленными подчеркиваниями и пометами. О существовании этих помет известно давно. В 1852 г. М. П. Погодин писал в заметке «Мои археологические приобретения»: «Счастье меня не оставляет. Благосклонности М. А. Дмитриева обязан я экземпляром „Риторики Ломоносова“, который принадлежал Тредьяковскому, с его подписью и отметками („ложь“, „темно“ и проч.)». ² В этом же году собрание Погодина поступило в императорскую Публичную библиотеку, и в отчете библиотеки о новых приобретениях было упомянуто об экземпляре Тредиаковского с его пометками. ³ Через полвека почти все они были

---

¹ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.: JL, 1936. С. 54–63.

² М. П[огодин]. Мои археологические приобретения // Москвитянин. 1852. Т. 1. Кн. 1. Отд. 7. С. 41. На эту заметку любезно обратила мое внимание Б. А. Градова.

³ См.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1852 год. СПб., 1853. С. 56. В настоящее время книга хранится под шифром 18.41.6.70/1.

тщательно воспроизведены в комментариях к 3-му тому академического издания сочинений Ломоносова под редакцией М. И. Сухомлинова.⁴ Несмотря на эти известия, книга выпала из научного оборота, встречаются даже утверждения, что «пока что не найдено ни одной книги, принадлежавшей ему (Тредиаковскому. — С. Н.)».⁵

В последние годы усиленных изучений языковой программы Тредиаковского⁶ его пометы на «Риторике» Ломоносова вовсе не были привлечены, и получается, что они «затерялись» на страницах академического издания. В сложившуюся ныне картину языковой теории и практики Тредиаковского анализ его помет на книге Ломоносова не внесет, вероятно, ничего нового, кроме обширного иллюстративного материала, но для историка литературы экземпляр Тредиаковского приоткрывает любопытную страничку истории литературной жизни.

Помет в собственном смысле слова в экземпляре Тредиаковского почти нет, в подавляющем большинстве это подчеркивания в тексте и отчеркивания на полях, всего 370 помет разного объема: от одного подчеркнутого слова до отчеркивания на полях целых параграфов.⁷

Самую обширную группу помет составляют пометы грамматического характера, в которых видно несогласие Тредиаковского с Ломоносовым. Так, подчеркнуты «на... земли» (1), «убивцев» (282), «оковов» (243), многообразные формы от «тень»: «тенью» (71), «в тени» (182), «теньми» (289); наречия на -ее: «веселее» (218), «щедрее» (249), «сильнее» (80, 81), «яснее» (121), «удобнее» (106), «скорее» (89, 125, 154, 114) и «скоряе» (89), а также «отнынъ» (307), «строго» (85, 172, 175), «лутче» (120, 138, 139 и др.), все написания «первой» и именительный множественного числа типа «египтяна» (179).

Подчеркнуты многие просторечные слова: «рясницами» (259), «чать» (306), «робных зайцов» (142), «урчит» (50), «почул» (160) и др.

⁴ См.: *Ломоносов М. В. Сочинения / С объяснительными примеч. акад. М. И. Сухомлинова.* СПб., 1895. Т. 3. Примеч. С. 288–567.

⁵ *Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII в.: Частные книжные собрания. Л., 1989. С. 67.

⁶ См.: *Алексеев А. А.* Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // *Литературный язык XVIII в.: Проблемы стилистики.* Л., 1982. С. 86–128; *Успенский Б. А.* 1) К истории одной эпиграммы Тредиаковского // *Russian Linguistics.* 1984. Vol. 8. N 2. P. 75–127; 2) Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

⁷ Далее цифры в скобках после цитат означают страницы издания 1748 г. по экземпляру Тредиаковского из РНБ. На титульном листе и на обороте титульного листа владельческая запись: «Василья Тредиаковскаго».

19. 416.70

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
кЪ

КРАСНОРЪЧІЮ,

КНИГА ПЕРВАЯ,

въ которой содержится

РИТОРИКА

показующАЯ

общія правила

обоЕГО краснорЪчія,

то есть

ОРАТОРИИ

и

басиѣ

Фредіанѣ

ПОЕЗІИ,

СОЧИНЕННАЯ

въ пользу любящихъ

СЛОВЕСНЫЯ НАУКИ

Трудами Михайла Ломоносова Императорской
Академіи Наукъ и Историческаго собранія
Члена, Химіи Профессора.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ

1748.

спяхъ; а первая и послѣдняя оными не подвержены, для того, что оприсуиъ и заключеніе Хриі ни въ иныхъ мѣстахъ положены, ни опъ ней отдѣлены бытъ не могуиъ.

§ 260. Хотя у древнихъ учителей краснорѣчія о Хриі правилъ не находимъ; однако немало еспъ оныя примѣровъ въ ихъ сочиненіяхъ. Правда что они по большей части неполны и непорядочны, однако мнѣ рассудилось, что для образца лучше предложитъ оныя, нежели по предписаннымъ опъ Авионія Софисты правиламъ, с.прого опъ новыхъ Авиоровъ сочиненныя, изъ которыхъ почти ни единой пушной видашь мнѣ не случилось.

§ 261. Въ примѣрѣ словесной Хриі предлагается изъ Цицероновыхъ Тускуланскихъ запросовъ кн: 5. Перипапепическое ученіе о томъ, что блаженства жизни человеческой никакія мученія опнять не могуиъ, или какъ Перипапепики говорили, что блаженная жизнь можетъ пойти съ челоуѣкомъ въ Фаллридопа быка. Сей быкъ былъ здѣланъ изъ мѣди, внутри пощъ, въ котораго Фаллридъ запералъ людей, и подложивъ подъ него огонь, бесчеловѣчно мучилъ.

при-

Кр
Афроникъ

все домы: не перипапепическое, но свѣтъ
мнѣ, и въ Циц. Запросъ свѣтъ

Приступъ] По моему мнѣнію Перилатетикъ и древніе Академикъ лускай горятъ свободно не обвиняя, что блаженство жизни въ Фаларидопа быка пойти можетъ. * * *

Парафразисъ съ причиною] Подлинно что болѣзнь кажется быть жестокая добродѣтели непріятельница. Сія на оную пламень позжигаетъ ; сія мужество, пеликодушіе и терпѣніе ослабитъ грозитъ. И такъ или уже побѣждена будетъ отъ ней добродѣтель ? никакъ блаженная и постоянная жизнь премоудраго мужа ей уступитъ ? О Боже мой ! коль бы сіе екардно было !

Примѣры] Спартанскіе малые дѣти бичами жестоко терзаемы, болѣзнь сносятъ безъ стenanія. Взрослыхъ юношей мужество въ Лакедемоніи самъ я видѣлъ, какъ между собою съ непробитною перетужностью бьются кулаками, пятами, ногтями, зубами и лутче хотятъ быть до смерти убиты, нежели сказать, что ихъ одолѣли. Кое парпаратство есть грубѣе и дичае Индіи ? но въ семъ народѣ, которые премудрыми называються, пѣкъ живутъ наги, Капкасскіе снѣги и зимніе пути безъ болѣзни сносятъ, и прикоснувшись пламени безъ стenanія ожигаются. Женщины въ Индіи, когда ихъ мужъ умретъ, спорятъ между собою, которую онъ любилъ больше : ибо одинъ мужъ много женъ имѣетъ. Которая въ спорѣ побѣдитъ,

Позрѣтельность
въ переводѣ

Написание и склонение античных имен собственных: «Гераклит» (192), «Гомер» (275, 277), «в Карфагену» (283, 294), «в Капитолию» (207), «Исиодову речь» (274) и др.

Много помет относится к стилистике и синтаксису, таковы: «детей своих» (42), «видел я его в острове сродника его» (218), «свой ... своим» (240), «другого... другого» (119), «счастье свое только одному самому себе должен» (280), «есть дети» (81), «толь... как...» (1, 64). Управление глаголов: «онаго отвращался» (33), «удаляться пороков» (32) и т. д. Иногда Тредиаковский предлагает перестановки: вместо «крепость голоса и напряжение груди» он дает «напряжение голоса и крепость груди» (90), вместо «таково есть» — «есть таково» (52).

Отдельную группу составляют слова, относящиеся к лингвистической терминологии: «условием» (162), «взаимность» (84), «сложенные» идеи (7), «связка» (27), «периоды называются отрывными» (35), «совоображение» (9, 17, 19), «посылка» (248), «умедление» (195, 205), «следствием» (73).

Многие пометы грамматического характера объясняются из других сочинений Тредиаковского. Так, несколько раз подчеркнутое в «Риторике» наречие «нынь» он затем включил как парное к «ныне» в эпиграмме «Не знаю, кто певцов в стих кинул сумасбродный...» А многие подчеркивания находят объяснение в «Разговоре об орфографии» 1748 г. Тредиаковский подчеркивает у Ломоносова «строго» (85, 172, 175), так как сам пишет «срого» (III, 284)⁸ и объясняет это так: «Я пишу ... срогий вместо строгий, да и слово сие, будучи польское, происходит от славенского суровый» (III, 192).

Тредиаковский подчеркивает у Ломоносова «египтяна» и «россияна» (179), так как в «Разговоре об орфографии» сокрушался, что «многие не токмо говорят, что простительнее, но и пишут: ... дворяна, вместо дворяне» (III, 223). Подчеркивая у Ломоносова «должно быть» (255, 305), сам Тредиаковский предпочитал писать «надлежит быть» (III, 284).

Но грамматические расхождения — только часть помет Тредиаковского. Не согласен он и с трактовкой некоторых риторических положений Ломоносова. Последний в § 181 перечисляет шесть тропов: метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахресис и металеписис (176). Тре-

⁸Произведения Тредиаковского цитируются по изд.: Сочинения Тредьяковского / Изд. А. Смирдина. СПб., 1849 (в скобках указан том римской цифрой и арабскими — страница).

диаковский подчеркивает «катахресис» и отчеркивает весь посвященный ему § 187 (181), что понятно, так как в своем «Слове о витийстве» (1745) он назвал только пять тропов (III, 591), к которым Ломоносов добавил шестой, катахресис.

Как известно, Тредиаковский весьма скептически относился к мнению Ломоносова о том, что стихотворным размерам присуща эмоциональная окраска,⁹ поэтому и в «Риторике» § 172–173, в которых описан семантический ореол звуков, отчеркнуты на поле как безусловно сомнительные (170–172).

Несколько маргиналий Тредиаковского носят выраженный оценочный характер. В главе «О изобретении витиеватых речей» в § 130 подчеркнута фраза «Ибо ныне не имеющее острых мыслей слово уже не так приятно кажется, как бы оно в прочем велико и сильно ни было» (136) и на поле написано «ложь». В той же главе в § 144 подчеркнута фраза «был неприятель мухам, а неприятелем муха» с пометой «Что значит?» (148). В главе «О хрии» подчеркнута начало § 260 «Хотя у древних учителей красноречия о хрии правил не находим» (234) и помечено «ложь»; в следующем § 261 против слов «перипатетическое учение о том, что блаженства жизни человеческой никакие мучения отнять не могут, или, как перипатетики говорили, что блаженная жизнь может войти с человеком в Фаларидова быка» на полях стоит: «Все ложь, не перипатетическое, но стоическое. В Циц. говорит стоик» (234). В том же параграфе несколько ниже подчеркнуты слова «По моему мнению, перипатетики и древние академики пускай говорят свободно не обинуясь» с пометой «Погрешность от первья лжи» (235).

Последняя группа помет относится к стихосложению. Так, рядом с двустишием

Кесарь, ты сечешь врагов удобно,
Имя в том делах твоим подобно

на поле приписано «Пентаметр без сечения» (140).

Более десяти раз Тредиаковский отметил у Ломоносова сбои ритма, «противусильные» ударения:

То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся (309)

⁹См.: Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 421–422; Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Тредиаковского. С. 107.

Пастух свой сладкий сон покинул
И Жучко с ним **бросился** в бой (304)

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество **светов** (253)

Выделенные слова в экземпляре Тредиаковского подчеркнуты, помечены сверху крестиком с припиской на полях: «Ударение».

Во многих стихотворных отрывках Тредиаковский подчеркивал безо всяких объяснений отдельные слова, целые стихи или все стихотворение (114, 131, 132, 137, 138, 140 и др.). Смысл этих подчеркиваний неясен.

Наконец, Тредиаковский подчеркивал (опять без пояснений) различные формулировки и определения в «Риторике»: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить» (1), «изучению правил следует подражание авторов» (2), «сложенный идеи по-логически называются рассуждениями» (27).

Из помет Тредиаковского видно, что у Ломоносова вряд ли был более внимательный и более подготовленный читатель. По этим заметкам Тредиаковский мог, конечно, написать тщательный разбор «Риторики», и такой критический разбор был бы вполне уместен для профессора элоквенции, но такая работа Тредиаковского неизвестна.

Но вот что интересно. Если мы сравним пометы Тредиаковского с последней авторской редакцией «Риторики», которая напечатана во втором томе «Собрания разных сочинений в стихах и прозе» 1759 г.,¹⁰ то обнаружим одну любопытную закономерность авторской правки Ломоносова.

§ 6 в издании 1748 г. выглядел так: «Родом называется общее подобие особенных вещей. Такое подобие видим Невы с Двиною, Днепром, Волгою и другими в моря протекающими великими водами, и оно называется словом **река, которая есть род, а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла и прочия суть виды онаго**» (8). Последнюю часть предложения Тредиаковский подчеркнул, и в издании 1759 г. читаем новый ломоносовский текст: «Такое подобие есть милости с любовью, кротостию, благочестием и другими добрыми делами, и оно общим именем называется

---

¹⁰ См. об этом: Морозов А. Последняя воля Ломоносова // Звезда. 1956. № 4. С. 167–172; Карпова Е. Е. К вопросу о каноническом тексте Риторики Ломоносова // XXI Герценовские чтения. Филологические науки. Л., 1968. С. 81–82. Окончательная редакция перепечатана в кн.: Ломоносов М. В. Сочинения. М.; Л., 1961. По этому изданию (с указанием страниц в скобках) цитируется редакция 1759 г.

добродетель, которое есть род, а милость, любовь, кротость и прочие суть виды» (281).

Тредиаковский подчеркивает «осанковатый вид» (2), Ломоносов переименовал его на «сановитой» (277), Тредиаковский подчеркивает «испещренное монисто» (47), Ломоносов исправляет на «ожерелие» (299), Тредиаковский подчеркивает «знатныя дела» (125), Ломоносов исправляет на «важные» (336), Тредиаковский подчеркивает «челобитье» (208), Ломоносов исправляет на «доносительство» (384), Тредиаковский подчеркивает «тое» (115), Ломоносов исправляет на «то» (332), Тредиаковский подчеркивает две стоящие рядом формы «были... были» (70), Ломоносов убирает вторую, Тредиаковский подчеркивает в стихе «нынь» (114), Ломоносов исправляет на «нам» (331). В соответствии с подчеркиваниями Тредиаковского Ломоносов исправляет «от уравнениев» (16) на «от уравнений» (285), «трояна» и «россияна» на «трояне» и «россияне» и т. д. Примеры ломоносовской правки грамматического характера, совпадающей с пометами Тредиаковского, можно легко умножить. Не менее показательны эти совпадения в стихах. В стихе

Тебя **нынь** рок постиг, несчастлива Дидона (131)

Тредиаковский подчеркивает одно слово, и в редакции 1759 г. стих выглядит иначе:

Тебя злой рок постиг, несчастлива Дидона (339).

В этом же стихотворении Тредиаковский подчеркнул «истнила»:

Хотящей умереть, кого уже бояться?
Зажгла б все корабли, и с сыном бы отца
Истнила, и сама поверглась бы на них (131).

Ломоносов в редакции 1759 г. переделал сразу три стиха:

Кто хочет умереть, кого ему бояться?
Сожечь было весь флот, и сына и отца
Тем жаром истребить и вдруг саму себя (339).

В отрывке из Овидия Тредиаковский сделал три пометки: подчеркнуты слова «змиев», «злобу» и «от языка», над двумя последними поставлены крестики, и на поле помечено «ударение»:

Увидела внутри, как зависть ест **змиев**
И оных кровию **злобу** свою питает;
.....
Желта от желчи грудь, и яд течет **от языка** (156, 157).

В окончательной редакции читаем:

Увидела внутри, как зависть ест змию
И кровию ея свою питает злобу;
.....
Желта от желчи грудь, и яд течет с языка (355, 356).

В другом отрывке из Овидия Тредиаковский подчеркнул

Если мертву найдешь, то **збери** хоть кости (216)

и у Ломоносова появилось

Если мертву найдешь, погреби хоть кости (390).

Всего Тредиаковский, как упоминалось, сделал в своем экземпляре 370 разных помет, Ломоносов же внес спустя десятилетие множество мелких исправлений в окончательную редакцию «Риторики». Правка Ломоносова совпадает с пометами Тредиаковского лишь в некоторой степени. Однако и из приведенных примеров видно, что совпадения вряд ли носят случайный характер, т. е. Ломоносов, несомненно, знал мнение Тредиаковского и не мог не согласиться с ним, ведь в ряде случаев речь шла не о грамматических расхождениях, а о конкретных ошибках и промахах, на которые Тредиаковский совершенно справедливо указал. Возможно, Тредиаковский представил свои замечания на письме (составленные по следам пометок), а возможно, показал их автору «Риторики», ведь столкновения между ними на личной почве вовсе не исключают возможности творческих контактов двух выдающихся филологов середины XVIII в.¹¹

---

¹¹ Ср.: Алексеев А. А. Языковая политика Ломоносова и Тредиаковского: конфронтация или сотрудничество? // М. В. Ломоносов и русская культура / Тезисы докладов конференции. Тарту, 1986. С. 76–78. См. также возражения к моей статье: Костин А. А. Тредиаковский — читатель ломоносовской Риторики (вопрос к истории текста) // XVIII век. М.; СПб., 2017. Сб. 29. С. 21–49.

К ИСТОРИИ ТЕКСТА «ФЕОПТИИ» ТРЕДИАКОВСКОГО

В русской поэзии XVIII в. известен целый ряд произведений, авторы которых вставляют в свой текст цитаты (иногда обширные) из произведений других поэтов, например, первой строфой стихотворения В. В. Капниста «На тленность» (1816) стали последние стихи Державина, которые Капнист отметил кавычками как цитату.¹ Ко времени публикации оды Капниста стихи Державина уже были опубликованы и известны читающей публике, равно как и название оды, также принадлежащее Державину. В поэзии XVIII в. встречаются примеры и автоцитат, зачастую как таковые и отмечаемые либо прямо в тексте, либо в примечаниях — от литературного палимпсеста XVIII в. до изощренных интертекстуальных стратегий модернизма и постмодернизма XX в. еще должно было пройти много времени.

Такой пример автоцитирования находим у Тредиаковского в посмертно изданной в 1775 г. трагедии «Деидамия», на что он сам и указывает в двух примечаниях: «Стихи озна<че>нные сими знаками « внесены сочинителем в Феоптию, или книгу о Богозрении» и «Замеченные сими знаками « стихи, внесены в Феоптию, или книгу о богозрении, сочиненную г. Тредиаковским».²

Из этих примечаний, несомненно принадлежащих самому автору, очевидно следует, что они были внесены в текст трагедии после 1754 г., времени завершения работы над «Феоптией». Факт цитирования уже

---

¹ См.: Капнист В. В. Избранные произведения. Л., 1973. С. 255.

² См.: Тредиаковский В. К. 1) Деидамия трагедия. М., 1775. С. 91, 123; 2) Сочинения. СПб., 1849. Т. 1. С. 680, 716–717. Ср.: Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 500. Эти примечания сохранились в рукописи «Деидамии», см.: ПФА РАН. Р. II. Оп. 1. № 141. Л. 52 об., 70 об.

Деидамия

Феоптия

Но **се его** в одно мгновение **предел**,
И замысла при том **все в нем** удерживает,
Как с мнимыя горы в дол смерти низвер-
гает.
Ах! **так как** оный ток, **век краткий наш**
течет,
Нечувственно **к себе**, но сильно рок **вле-**
чет.⁵

Се ж его в едино преткновение **предел**,
Купно **все и мысли в нем** вмиг обуздавает,
С мнимыя горы как в дол смерти низ-
вергает.
Так, как сей источник, **краткий век наш**
весь **течет:**
Исподволь, токмо ж верно смерть **к себе**
влечет.⁶

В этом отрывке в трагедии 106 слов (учитывая предлоги и частицы), в поэме — 109 слов, при этом в поэму перенесено только 67 слов (совпадающие слова выделены полужирным шрифтом). Лексические замены вызваны преимущественно содержанием, а несовпадающий порядок слов — другим стихотворным размером. В одном стихе совпадает только по одному слову (в рифме), и только в одном стихе повторяются все слова, но в другом порядке: «Деидамия» — «Как с мнимыя горы в дол смерти низвергает»; в «Феоптии» — «С мнимыя горы как в дол смерти низвергает». Однако при этом ТрEDIAKовский сохранил почти все рифмы, за исключением двух рифмующихся слов (вместо *долетел* — *взлетел* и вместо *удерживает* — *обуздавает*).

В заключении 5 эпистолы «Феоптии», согласно краткому прозаическому изложению, говорится о том, что «понеже тело умирает, а сопряженная с ним душа, как не имеющая частей, не может на части разрешиться, то следует, что душа есть бессмертна и что сим токмо Бог может ее властью своею уничтожить, но что никогда ее он по правдивости, правде и благодати своей не уничтожит».⁷ В «Деидамии» это монолог Ахиллеса. Ср.:

Деидамия

Феоптия

Той воле прежде вас я должен быть, **и ве-**
рен.
Которыя есть **суд** всегда **не лицемерен.**
Судьбе послушен есть безспорно Ахиллес,
У коея **престол превыше есть небес;**
Где грознейший Перун, **весь оный** окру-
жает,
И приступить к нему собой не допускает,

Бог неизменный есть как чуден, так **и ве-**
рен!
Бог истинен, и **суд** его **нелицемерен!**
Бог в множестве земным является чудес,
Имея свой **престол превыше всех небес,**
Где грозных молний огонь **весь оный** осве-
щает
И приступить к зарям собой не допускает.

⁵ ТрEDIAKовский В. К. Сочинения. Т. 1. С. 716–717.

⁶ ТрEDIAKовский В. К. Избранные произведения. С. 279.

⁷ Там же. С. 280.

Деидамия

Феоптия

Та прежде тварей всех, и прежде всех веков,	Бог прежде тварей всех и прежде всех веков;
Как был ея предел, пребудет в век таков;	Как есть его предел, пребудет ввек таков.
Пред ней сил многи тьмы сияниями блестят.	Пред ним сил многи тьмы сияниями блестят.
И в пламени своем ея ж оне трепещут;	Величества его в люблении трепещут.
Желание та всем, та всем любовь и страх;	Любовь благим всем Бог, а злым душам есть страх:
Светил число пред ней тень токмо самый прах. ⁸	Бог духа не судил решить в смертельный прах. ⁹

В этом отрывке в трагедии 86 слов (учитывая предлоги и частицы), в поэме — 85 слов, при этом в поэму перенесено только 37 слов (совпадающие слова выделены полужирным шрифтом). Повторяющихся стихов нет и в этом отрывке, в одном стихе вообще нет слов из трагедии, в трех стихах — по одному слову (все — в рифмах). Как и в первом отрывке, Тредиаковский сохранил почти все рифмы, за исключением двух рифмующихся слов (вместо безусловно неподходящего к данному отрывку «Феоптии» *Ахиллес* Тредиаковский ставит *чудес*, а вместо *окружает* — *освещает*).

Примечание Тредиаковского «Стихи означенные сими знаками «вне-сены сочинителем в Феоптию, или книгу о Богозрении», как теперь очевидно, не вполне точно. Он не просто перенес эти стихи, а подверг их значительной переработке. В обоих монологах из «Деидамии», *Ахиллеса* и *Улисса*, речь идет об общих понятиях судьбы и превратности жизни. При необходимых поправках, лексических и стиховых, оба монолога вполне могли занять такое маркированное место, как заключение эпистолы, не нарушая логики рассуждений Тредиаковского, восходящей к *Фенелону*. В этом случае, говоря «стихи», Тредиаковский имел в виду не столько словесное их наполнение и стиховое оформление, сколько выраженные в них идеи. Сама переработка текста, конечно, не могла вызвать у него затруднений. Он вообще любил переделывать свои стихи, например, из силлабики в силлаботонику (например, «Элегию на смерть Петра Великого» или стихотворения из «*Аргениды*») или править стихи в своих «Сочинениях и переводах» 1752 г.¹⁰

⁸ Тредиаковский В. К. Сочинения. Т. 1. С. 680.

⁹ Тредиаковский В. К. Избранные произведения. С. 303.

¹⁰ См.: Кочеткова Н. Д. О правке Тредиаковского в его экземпляре «Сочинений и переводов» (1752) // В. К. Тредиаковский: к 300-летию со дня рождения. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург, 12–13 марта 2003 г. СПб., 2004. С. 70–75.

Для чего, однако, Тредиаковский внес в текст трагедии два примечания, в которых упоминается «Феоптия»? Тут возможно объяснение, связанное не только с творческим замыслом. Тредиаковский в середине 1750-х гг. еще надеялся издать трагедию, но уже получил отказ в издании поэмы. Два примечания к трагедии могли известить читающую публику о еще одном его произведении, название которого он привел в обоих примечаниях. Впрочем, оба предложенные объяснения не отменяют друг друга, а могут дополнять.

«ЧУДИЩЕ ОБЛО...»

Чудище обло, озорно, огромно, с тризевной и-Лаей.¹

Этот стих из «Тилемахиды» В. К. Тредиаковского счастливо стал самой известной строкой русской поэзии XVIII в. Во всяком случае, если в 2004 г. запрос «Чудище обло» в поисковых системах интернета выдавал около 3000 ссылок, то спустя три года — уже около 20000. В сетевой литературе стих Тредиаковского намного опережает другие крылатые строки русской поэзии XVIII в. Эта строка на протяжении нескольких поколений комментируется филологами и до сих пор разыскиваются и уточняются ее источники, причем комментарии иногда вступают в противоречие друг с другом.² Этому стиху, в первую очередь, конечно, как эпиграфу к книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», посвящены и отдельные работы (отмечу прежде всего эссе Н. Эйдельмана),³ он с начала XX в. включается в русские сборники «крылатых

---

¹ Фенелон Ф. Тилемахида, или Странствование Тилемаха сына Одиссеева, описанное в составе иронической пиимы Василием Тредиаковским. СПб., 1766. Т. 2. С. 104. Ср.: Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 2. С. 576.

² См., в частности: Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 35; Барсков Я. Л. [Примечания] // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 479; Burgi R. A History of the Russian Hexameter. Hamden, Conn., 1954. P. 76; Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Пособие для учителей. Л., 1974. С. 34; Дерюгин А. А. В. К. Тредиаковский — переводчик. Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 137–138; Численко Н. Д. Об источниках «Тилемахиды» В. К. Тредиаковского // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. СПб., 2000. Вып. 2. С. 277–278; Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 644.

³ См., в частности: Page T. A Radišev monstrosity: The «Journey from Petersburg to Moscow» and later writings in the light of French sources // American Contributions to the Eight International Congress of Slavists. Zagreb and Ljubljana, September 3–9, 1978.

слов».⁴ Наконец, благодаря своей стихотворной форме и частому употреблению, строка превратилась в самостоятельный текст — в моностих, до сего дня порождающий подражания и пастыши. Этой удачливой судьбой стих Тредиаковского обязан своей прихотливой истории в русской литературы, а также общественной и даже политической мысли. Но у стиха Тредиаковского не только богатая русская история, но и не менее почтенная предыстория, восходящая к античной поэзии. В создании этого стиха приняли участие не одна литературная традиция и не один автор, образовав прихотливый латинско-французско-русский палимпсест.

Хорошо известны слова А. С. Пушкина о Тредиаковском из статьи «Путешествие из Москвы в Петербург»: «Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В «Тилемахиде» находится много хороших стихов и счастливых оборотов».⁵ Только в XX в. трудами нескольких ученых разных поколений было выяснено, что своего эпического «гомеровского» стиля Тредиаковский добился не только созданным им русским гекзаметром, но и своеобразной антиклизацией романа Фенелона, которая заключалась, в частности, в многочисленных вставках Тредиаковского в свой перевод цитат из античной поэзии. Разыскания в этой области были начаты еще в конце 1930-х гг. Л. В. Пумпянским, а завершены уже в 1980-е А. А. Алексеевым и А. А. Дерюгиным.⁶

Columbus, 1978. Vol. 2. P. 605–629; *Эйдельман Н.* Двадцать два слова // Знание — сила. 1985. № 1. С. 34–36. (То же в кн.: *Эйдельман Н.* Обреченный отряд. Повести. М., 1987. С. 285–294); *Вильк Е. А.* 1) «Стоглавое зло». (Эпиграф «Путешествия» Радищева и мистическая литература XVIII в.) // А. Н. Радищев: Исследования и комментарии. Тверь, 2001. С. 30–44; 2) «Чудище стозвонно» и Тифон. («Путешествие...») А. Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в.) // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 151–160; *Мотыгин С. Ю.* К вопросу об эпиграфе из поэмы В. К. Тредиаковского «Тилемахида» в книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» // В. К. Тредиаковский и русская литература XVIII–XX веков: Материалы международной научной конференции 5–6 марта 2003 г. Астрахань, 2003. С. 122–123.

⁴ См.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб., 1903. Т. 2. С. 520; *Аиукин Н. С., Аиукина М. Г.* Крылатые слова. 4-е изд. М., 1987. С. 385; *Коваленко С.* Крылатые строки русской поэзии: Очерки истории. М., 1989. С. 10–11; *Берков В. П., Мокшенок В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000. С. 550; *Chlebda W., Mokijenko W. M., Szuleżkowska S.* G Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask, 2003. S. 641–642.

⁵ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 195.

⁶ См.: *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский // История русской литературы. М.: Л., 1941. Т. 3. С. 248–250; *Алексеев А. А.* Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981. С. 68–95; *Дерюгин А. А.* В. К. Тредиаковский — переводчик. С. 128–142, 178–190.

И знаменитый стих «Чудище обло...» является как раз такой цитатой из «Энеиды» Вергилия, где говорится о циклопе Полифеме:

Monstrum horrendum, informe, ingens, qui lumen ademptum (*Aen.* III, 658)
(Ужасное чудовище, безобразное, огромное, лишенное зрения.)

Monstrum horrendum Вергилия занимал Трeдиакoвского задолго до работы над «Тилемахидой», и прежде чем принять законченную форму в «Тилемахиде», этот стих дважды встречается у Трeдиакoвского. «Ода вымышлена в славу правды, побеждающая ложь и всегда торжествующая над нею», включенная в «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), дает такое описание лжи:

Чудовище свирепо, мерзко
Три головы подъемлет дерзко;
Тремя сверкает языками!
Яд изблевать уже готово,
Ибо наглостию сурово.
Тремя же зевает устами!⁷

В «Разговоре между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи» (1748) Трeдиакoвский опять привел его: «Чудовище страшное, безобразное, которое глаз лишено».⁸ Стих Вергилия, таким образом, многие годы был на слуху у Трeдиакoвского.

Важный вклад в изучение стиха Трeдиакoвского внесла недавняя, вышедшая в 2004 г., насыщенная новыми материалами и наблюдениями статья А. А. Костина «Чудище обло» и «monstrum horrendum». Вергилий — Трeдиакoвский — Радищев».⁹ В кратком изложении суть его наблюдений сводится к следующему. Стих из «Энеиды» Вергилия «Monstrum horrendum...» к XVIII в. уже давно стал в европейских литературах крылатым выражением, означающим нечто ужасное. Эту хрестоматийность и узнаваемость ему обеспечила необычная фонетическая структура — обилие элизий и спондеев, делающих стих сложным для прочтения, т. е. трудность и неблагозвучность формы соответствовали описываемому объекту — Полифему. В этой трудности стиха видели его досто-

⁷ Трeдиакoвский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 404.

⁸ Трeдиакoвский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 175.

⁹ Костин А. А. «Чудище обло» и «monstrum horrendum». Вергилий — Трeдиакoвский — Радищев // В. К. Трeдиакoвский: К 300-летию со дня рождения. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург, 12–13 марта 2003 г. СПб., 2004. С. 135–147.

инство уже теоретики литературы XVI–XVII вв., Я. Понтан и Я. Мазен. Благодаря своей особенности стих вошел в учебные пособия и курсы лекций по поэтике, в том числе отечественные, начиная с лекций Феофана Прокоповича, а потом и других русских авторов (Н. Н. Бантыш-Каменский, Аполлос Байбаков), в частности, его приводил в своей «Риторике» и М. В. Ломоносов. Выявленный А. А. Костиным хрестоматийный характер латинского стиха очень важен, и не только для понимания интересующей нас строки. Из этого следует, в частности, что антикизирующие вставки Тредиаковского в «Тилемахиде» узнавались (должны были узнаваться!) его образованными читателями. На это, видимо, и рассчитывал Тредиаковский, в противном случае это был бы текст без ключа, что никак не согласуется с писательскими стратегиями русских литераторов XVIII в. Радищев, как справедливо полагает А. А. Костин, как раз и был таким читателем. Необходимо только уточнить, что вовсе не А. А. Дерюгин нашел источник прославленного стиха. Еще в начале XX в. М. И. Михельсон в своем словаре указал соответствующий стих из «Энеиды» Вергилия, но на это указание историка русской фразеологии не обратили внимания историки литературы. Правда, парадоксальным образом М. И. Михельсон цитирует стих «Чудище обло...» в редакции А. Н. Радищева!¹⁰ Эта ошибка станет распространенной в публицистике XX в. Вновь указал стих Вергилия Р. Берджи в 1954 г. в книге о русском гекзаметре (он же указал и цитирование латинского оригинала у Феофана Прокоповича), но и это не было отмечено ни А. А. Дерюгиным, ни занимавшейся специально историей этого стиха Н. Д. Численко.

А. А. Костин напомнил также о работе американской исследовательницы Т. Пейдж, которая соотнесла эпиграф к «Путешествию...» А. Н. Радищева с эпиграфом к книге французского просветителя Н. А. Буланже «Опыт о происхождении восточной деспотии» (1761). Это был как раз стих Вергилия «*Monstrum horrendum...*». Таким чудесным образом стих Тредиаковского «Чудище обло...» повторил судьбу своего античного источника в европейской литературе — он не только стал крылатым, но и стал выполнять роль эпиграфа с очевидным политическим смыслом. Знал ли об этом опыте Тредиаковский? Судить об этом трудно. Существенное отличие заключается в том, что — насколько мне известно —

---

¹⁰ См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Т. 2. С. 520. — Поскольку М. И. Михельсон ссылается только на том и книгу «Тилемахиды», то можно думать, что и эти указания он взял из книги Радищева и не обращался непосредственно к Тредиаковскому.

в европейской литературе он цитируется только в латинской форме, тогда как в русской литературе и публицистике он прижился в форме, отлитой для него Тредиаковским и поправленной Радищевым.¹¹

Как ни трактовать изменения в стихе Тредиаковского, сделанные Радищевым (вместо «с трезвонной и лаей» — «стозевно и лай»), стих Тредиаковского в дальнейшей русской истории цитируется в подавляющем числе случаев в редакции Радищева.

Одно из примечательных исключений — хождение стиха Тредиаковского в кругу «Арзамаса». Д. В. Дашков, обращаясь к В. Л. Пушкину в речи, произнесенной в Арзамасе 17 февраля 1816 г., говорит: «Смело сразишься unguibus et rostro с гидрой Беседы, с сим нелепым чудовищем, столь красноречиво предсказанным в известном стихе патриарха славенофилов:

Чудище обло, озорно, огромно, с трезвонной и лаей».¹²

То, что стих Тредиаковского был процитирован в авторской редакции, говорит о недоужинной начитанности Дашкова: либо он листал «Тилемахиду», либо стих Тредиаковского именно в авторской редакции был на слуху, т. е. был известен независимо от книги Радищева. В любом случае, творение Тредиаковского было для арзамасцев знамение ушедшей эпохи, причем вовсе не забытым, а основательно проштудированным. Следует отметить, что именно арзамасскому кругу принадлежит честь первому приложить стих Тредиаковского к неполитическому контексту. Но если для арзамасских остроумцев «чудищем» и «гидрой» была всего лишь безобидная Беседа любителей русского слова, то в дальнейшей истории русской общественной мысли «Чудище обло...» стало употребляться как характеристика существующего образа правления в России, т. е. в том смысле (и в той редакции), который придал стиху Радищев. В этой роли стих встречается и в XIX, и в XX в., от Н. С. Лескова (который поставил его эпиграфом к своему очерку «О рабочем классе»)¹³ до Григория Померанца, который писал о трех комсомольцах-проработчиках 1930-х гг.: «А все трое — поистине «Чудище обло, озорно, огромно, с трезвонной и лаей» (стих Тредиаковского, перепутан-

¹¹ В оригинальной форме стих Вергилия отмечен в кн.: *Бабкин А. М., Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов. К–Z. Л., 1987. С. 125–126. Русских примеров употребления составители не приводят.

¹² «Арзамас»: Сборник. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1994. С. 337.

¹³ См.: *Лесков Н. С.* Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1996. Т. 1. С. 158, 708.

ный Радищевым; Третьяковский имел в виду Цербера, пса с тремя зубастыми лающими пастьями)». ¹⁴ Эта поправка выдает, скорее, профессиональную филологическую начитанность автора, Лесков, например, точно цитирует эпитафию Радищева, что, к сожалению, никак не отмечено в комментарии. Эта традиция, особенно в XX в., идет, конечно, от школьной программы, а эпитафия на титульном листе книги никак не пропустить. «Чудище обло...» становится самой известной строкой Третьяковского, именно ею начинается одна из юбилейных заметок, посвященных 300-летию со дня рождения поэта: «Чудище обло, озорно, огромно, тризвенно и лайй» — так мы представляем себе поэзию Василия Третьяковского». ¹⁵ Увы, и здесь стих Третьяковского приведен неточно, на что повлияла, видимо, редакция Радищева.

Вместе с тем в истории стиха Третьяковского в русской литературе необходимо учитывать, что в XX в. его цитирование в публицистике было нежелательно, поскольку могло вызвать — как раз благодаря школьной программе! — ненужные и рискованные ассоциации в духе радищевской характеристики существующего образа правления в России. ¹⁶ Ситуация изменится только в последнем десятилетии XX в.

Стих «Чудище обло...» жив в современной поэзии, как жив и образ самого Третьяковского, интерес к которому особенно вырос после выхода в 1963 г. тома в серии «Библиотека поэта». А «Чудище обло» встречается в современной поэзии от А. Кушнера до поэзии самиздата, причем самиздат, как кажется, вполне ожидаемо опередил подцензурную поэзию:

Чудище обло, чума, саранча...
С псом дорогим сообща
мы в герметическом этом быту
призраков травим: ату!¹⁷

В современной поэзии строку Третьяковского-Радищева цитируют многие: А. Кушнер, И. Торгунов, М. Ромм, А. Кобринский, А. Шарымов, О. Хвостова и другие. Поскольку у нынешних поэтов гекзаметр не явля-

¹⁴ Померанц Г. Записки гадкого утенка. М., 1998. С. 44.

¹⁵ Демкина Н. «Дактило-хорейский витязь» // Невское время. 2003. 11 марта. С. 3.

¹⁶ См., правда: Сейфуллина Л. Золотая молодость таланта // Лит. газета. 1949. 15 июня. С. 3.

¹⁷ Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда. Изд-во Виктора Немтинова в Санкт-Петербурге, 2000. С. 9.

ется самым ходовым размером, то цитата зачастую ограничивается первыми двумя словами «Чудище обло». Автор рассчитывает на то (и рассчитывает справедливо), что источник цитирования будет безошибочно опознан благодаря своей лексической экзотичности. Общая тональность стихотворений, цитирующих строку Тредиаковского-Радищева, обычно создает гнетущую атмосферу безысходности, например, в стихотворении Григория Марка «Ленинград. 18 мая 1973 года» (18 мая 1995 г.):

Колонны дворцов изогнулись
и стали похожими сразу
на ребра огромных рептилий...
Сквозь мясо пригревшихся улиц
ростками живых метастазов
трамвайные рельсы змеились...

Заштопывал рваные тучи
сияющими проводами
над крышами ветер со свистом...
Рептилии улиц тягучих
под солнцем свивались клубками
и кожей дрожали пятнистой...

Толпа ожидала покорно
в приемной тюрьмы на Шпалерной,
как очередь в кассу вокзала...
И чудище, обло, озорно,
и лай к тому же стозевно,
живьем человечков глотало.¹⁸

Но не стоит и преувеличивать степень знакомства нынешней читающей публики с наследием Тредиаковского. Увы, в чем-то прав Б. Ю. Норман, который в своем шуточном «Этимологическом словаре» писал: «Телемахида — телевизор с большим экраном». ¹⁹ Действительно, «Телемахида» часто пишется теперь «Телемахида», к сожалению, иногда это встречается и в научных изданиях. ²⁰ Пожалуй, больше почтения к Тредиаковскому можно встретить у литературоведов-филологов. Так, иссле-

¹⁸ Марк Г. Чтоб они были вместе... / Стихи // Дружба Народов. 1997. № 7. С. 98. — Эпиграфом к стихотворению стоит стих Тредиаковского в редакции Радищева.

¹⁹ Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987. С. 219.

²⁰ См., например: Черниловская М. М., Шульгина Э. В. Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986. С. 38. Отмечу, что в указанной рукописи читается даже не «Телемахида» Тредиаковского, а прозаический перевод романа Фенелона, выполненный А. Ф. Хрущевым в 1724 г.

дователь языка и стиля Тредиаковского А. А. Алексеев написал цикл стихотворений «Тредиаковиана»,²¹ а жизнестойкость «Чудища обло» подтверждается современными переделками и подражаниями. М. В. Безродный: «Демонстрация: Людище подло, позорно, погромно, азефно, лояльно»;²² В. Е. Багно: «Мало не покажется. А вот и показалось. И оно было обло, озорно, огромно, стозевно и лайя» (отмечу, что и тут редакция Радищева).²³ Целую серию вариаций стиха дал Ю. Шерман в стихотворении «Чудище обло. Введение в современную Россию» (2005):

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно, и лайяй!
(Эта строчка посвящено российскому самодержавию)

Чудище зобло, обзорно, обломно, об<...>но, и лайяй!
(Посвящается российским СМИ)

Чудище лезо, безмазо, бездарно, <...>, и лайяй!
(Посвящается российскому контемпорари арту)

Чудище <...>, содомно, гоморрно, <...>, и лайяй!
(Посвящается российским сексуальным меньшинствам)

Чудище подло, позорно, погромно, туземно, и лайяй!
(Посвящается российскому антисемитизму)

Юдище чутко, разумно, кошерно, небедно, и лайяй!
(Посвящается... ну вы поняли, конкретизировать не будем)

Чудище нище, голодно, пугливо, гуняво и лайяй!
(Посвящается российской армии)

Чудище бубно, угрозно, брутально, бесщадно, и лайяй!
(Посвящается российской организованной преступности)

Чудище просто, беззлобно, безвинно, безгневно, и лайяй!
(Посвящается русской православной церкви)

Чудище чумно, крупозно, трихинно, холерно, и лайяй!
(Посвящается российскому здравоохранению)

Чудище злобно, придурно, <...>, опасно, и лайяй!
(Посвящается российской молодежи)

Чудище блудно, нескромно, скоромно, забавно, и лайяй!
(Посвящается российской богеме («великосветской тусовке»))

²¹ См.: Символ. Париж, 1990. № 23. С. 333–349.

²² *Безродный М.* Конец Цитаты. СПб., 1996. С. 36.

²³ *Багно В.* Под абсурдинку. СПб., 2001. С. 69.

Чудище мелко, уныло, забито, печально, и тьяффкай!
(Посвящается российской «непримиримой оппозиции»)

Чудище вольно, велико, могуче, свободно, и лайяй!
(Посвящается русскому языку)²⁴

У Ю. Шермана стих Тредиаковского-Радищева становится универсальной моделью описания современной жизни, любого ее элемента, но это описание носит удручающе негативный характер.

Дм. Быков в своей газетной колонке в 2014 г. заметил «...Предо мной чумное лежит пространство, беспросветно, обло, стозевно, зло, непристойно, мстительно и пристрастно и зловонной тиной заросло».²⁵ М. В. Безродному полубилось «чудище» и в своем Живом журнале он несколько раз вспоминает его: «Все расхищено, предано, продано, вывистано, прособачено и лайяй», «Учение Маркса верно, всесильно и лайяй», «на лапу озорно и лайяй», «Чудище (*обл.*)».

Новую жизнь стиху Тредиаковского-Радищева дала сетевая литература: журналистика и публицистика, дискуссии на форумах. Особенность бытования в ней стиха «Чудище обло...» такова: во-первых, от Радищева унаследована функция эпиграфа, причем независимо от содержания сочинения; во-вторых — и это новация — стих часто становится заголовком публикации. Поиск системы в интернете дают тысячи отсылок. Конечно, и здесь сказывается падение культурного уровня: стих постоянно цитируется с разнообразными ошибками, особенно вторая его половина, автор иногда называется неуверенно (обычно Радищев и даже Г. Р. Державин). Тематика распределяется примерно следующим образом. Около трети употреблений возрождает вергилиевское *monstrum horrendum*, т. е. речь идет о чем-то вселяющем ужас. «Чудищем» может оказаться операционная система для компьютера, коррупция, работа жилищно-хозяйственного комплекса в том или ином регионе, засилье рекламы на улицах городов, художественный фильм или телепередача, литературное произведение;²⁶ «чудищем» может быть назван оппонент даже в научной филологической дискуссии, посвященной проблемам

²⁴ Шерман Ю. Избранный: Стихи. М., 2006. — Ненормативная лексика в настоящей статье заменена отточиями.

²⁵ URL: <https://newsland.com/post/2884911-dokazatelnoe> (дата обращения: 15.10.2023).

²⁶ См.: «Чудище обло, позорно, пятьсотстранично и, похоже, не по зубам» (*Эраши Гер*. Сказки по телефону. СПб., 1999. С. 354).

текстологии²⁷ и т. д. и т. п. Но характерно, что подавляющая часть употреблений крылатой строки возвращает ее к Радищеву: это характеристика или существующего ныне образа правления, или отдельных политических партий и движений, или отдельных политических деятелей, или отдельных общественных событий. Этот ренессанс стиха Тредиаковского симптоматичен: Радищев ценил его какофоническую красоту за соответствие формы содержанию; нынешний же всплеск популярности стиха «Чудище обло...» в публицистике и легкость, с какой он повсеместно употребляется, звучит угрожающе и тревожно, что дает еще один повод задуматься о современном состоянии общества.

---

²⁷ См.: «Просто-таки захотелось поглядеть на это чудище неразумия и невежества — так оно обло и озорно; и откуда только берутся этикие монстры?» (*Гаспаров Б. Questa poi la conosco pur troppo* [Ответ критикам] // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 187).

«ТОЛЬКО У ХАРЬКИ И СОБИНКИ»

(Поговорки в прозе В. К. Третьяковского)

Последним прижизненным изданием В. К. Третьяковского стал перевод небольшой книжечки Вольтера «Опыт исторический и критический о разгласиях церквей в Польше», изданный в 1768 г. в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса. Хотя и оригинал, и перевод были подписаны одним из псевдонимов Вольтера (Иосиф Бурдильион; Joseph Burdillon), имя настоящего автора не было тайной для переводчика, как можно судить по предисловию к переводу «В известие от переводившего». Третьяковский, как известно, не принадлежал к числу страстных поклонников Вольтера,¹ а «Опыт исторический и критический...» привлек его даже не тем обстоятельством, что Вольтер открыто поддержал внешнюю политику Екатерины II в Польше. В предисловии на первое место он поставил обсуждаемый в книге конфессиональный вопрос: «Небольшая сия тетрадь сочинена в превосходное почтение греческому православию пред римскою церковию и в толикую ж славу и хвалу самодержице нашей, великой, премудрой, августейшей государыне императрице, прещедрой Екатерине II. <...> Но кем, впрочем, ни сочинен Опыт сей исторический и критический по-французски, однако превесьма того достоин, чтоб ему находиться в преложении на нашем языке за честь первенства, приписанного в нем благочестивой греческой вере пред римскою особливее, и еще, что уже сильнее и славнее, автором римского, как то полагаю, исповедания; совокупно ж и за прославление, засвидетельствованное по самой сущей справедливости и без всякого лицемерного ласкательства, благочестивейшей монархине

---

¹ См.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. С. 68.

нашей».² Однако в целом сочинение Вольтера воспринималось в России именно как выступление в поддержку русской политики по отношению к Польше. Достаточно сказать, что в России в XVIII в. книга выдержала четыре издания в двух переводах,³ тогда как в Польше она не переводилась вообще,⁴ хотя в восприятии Вольтера в России и в Польше было, разумеется, много общего.⁵

22 апреля 1768 г. Третьяковский обратился с просьбой о напечатании перевода к директору Морского шляхетного кадетского корпуса И. Л. Голенищеву-Кутузову. Изложив суть дела, Третьяковский оговорил свое вознаграждение «десяточком экземпляров», подробно описал шрифты, которыми следовало напечатать книгу, и заключил эту часть письма просьбой: «В противном же случае покорно прошу Ваше превосходительство приказать отослать ко мне сей перевод мой обратно: ибо, как говорится, только у Харьки и Собинки; он у меня черной, он у меня и белой».⁶ Смысл этой просьбы вполне ясен: в случае отказа Третьяковский просит вернуть ему рукопись перевода, поскольку у него это единственный список, являющийся одновременно и черновиком, и беловым списком. Вызывает вопрос выражение «только у Харьки и Собинки», причем не столько значение выражения, сколько его написание. Ф. И. Буслев привел его в своей статье о русских пословицах и поговорках по публикации П. Свинына в «Отечественных записках», но в другом написании: «Только у Харьки и собинки».⁷ П. П. Пекарский процитировал это место из письма Третьяковского опять по публикации П. Свинына в сле-

---

² Опыт исторический и критический о разгласиях церквей в Польше / Сочинен Иосифом Бурдильлионом профессором права общенародного; а с французского переведен В[асилием] Т[ретьяковским]. СПб., 1768. Страницы предисловия без нумерации.

³ См.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. С. 66. Перевод Третьяковского был переиздан в 1778 г., а в 1776 и 1778 гг. выходил перевод В. П. Мещерского.

⁴ См. перечень изданий Вольтера в Польше в XVIII в.: *Estreicher K.* Bibliografia polska. Kraków, 1939. Т. 33. S. 307–320.

⁵ См.: *Szarama-Swolkień M.* Wolterianizm // *Słownik literatury polskiego Oświecenia.* Wrocław, 1996. S. 668–673. Здесь же указана и основная литература по истории восприятия Вольтера в Польше.

⁶ Два письма Василья Кирилловича Третьяковского: к Ивану Логиновичу Кутузову и князю Антиоху Кантемиру // *Отечественные записки.* 1823. Ч. 13. Февраль. С. 299.

⁷ *Буслев Ф.* Русские пословицы и поговорки. (Дополнение к изданию И. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи». Москва, 1848 года) // *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России,* изд. Н. Калачовым. М., 1854. Кн. 2, ч. 2. С. 162.

дующем виде: «Только у харьки и собинки».⁸ Затем выражение попало в сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа», а потом и в «Толковый словарь живого великорусского языка» и опять в несколько отличном написании: «Только у Хорьки и собинки».⁹ Разнобой и неуверенность в написании двух слов говорят, видимо, о том, что выражение уже вышло из повседневного речевого обихода.

«Харька» — это один из деминутивов имени Харитон, «собинка» — также деминутив от «собь», «собина», т. е. «собственность, имущество». В. И. Даль в «Пословицах русского народа» справедливо поместил это выражение в раздел «Достаток — убожество». Смысл выражения таков: «у бедного Харитона это единственное имущество»; самоуничижительные деминутивы только подчеркивают бедность. Правильной формой выражения следует признать запись Ф. И. Буслаева: «Только у Харьки и собинки». Дело в том, что именно в такой форме выражение было впервые зафиксировано еще в конце XVII в. в известном сборнике пословиц «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту»: «Только у Харьки и собонки».¹⁰ Затем поговорка пропадает из речевого обихода, во всяком случае, ее нет в сборниках пословиц XVIII в.,¹¹ не попала она и в издания И. М. Снегирева.¹² Можно даже предположить, что своей второй жизнью и фиксацией в издании В. И. Даля поговорка обязана как раз ТрEDIAKОВСКОМУ в связи с публикацией его письма, из которого ее и извлек Ф. И. Буслаев. Не исключено, что ТрEDIAKОВСКИЙ вынес ее из родительского дома: поговорка бытовала в северных русских говорах,¹³ а семья ТрEDIAKОВСКОГО, как известно, переехала в Астрахань из Вологды в 1697 г.

⁸ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 228.

⁹ См.: Даль В. И. 1) Пословицы русского народа. М., 1862. С. 65; 2) Пословицы русского народа. Сборник. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 65; 3) Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 253.

¹⁰ Симоны П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб., 1899. С. 143. Словари не фиксируют формы «собонка», видимо, это описка писца вместо «собинка», см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2002. Вып. 26. С. 14.

¹¹ См.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л., 1961.

¹² См.: Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1999.

¹³ См.: Словарь русских народных говоров. Вып. 39: Сметушка — Сопочить. СПб., 2005. С. 157.

В первой половине XVIII в. в литературные произведения начинают проникать устойчивые выражения, помимо явно книжных в язык литературы проникают и народные пословицы и поговорки, которые были инородными для литературного языка с точки зрения нормы. Это явилось одной из причин того, что писатели и переводчики конца XVII — первой половины XVIII в., как правило, сопровождали их различными вводными конструкциями, так называемыми метаоператорами,¹⁴ помогающими вхождению этих выражений в текст произведения. Русская паремиографическая терминология того времени была очень неустойчивой и, собственно говоря, формировалась как раз в этот период.¹⁵ Третьяковский подошел к этой проблеме как филолог. В рукописи «Разговора об орфографии» (1748) сохранилось не вошедшее в печатный текст книги первое в истории отечественной паремиологии определение и разграничение фразеологизмов: «Чрез *присловие* разумею un proverbe, proverbium, adagium, а чрез *пословие* la manière de parler, modum loquendi».¹⁶ Он даже пытался следить за точностью фразеологической терминологии в чужих произведениях. Так, в марте 1757 г. он рецензировал по поручению академической канцелярии перевод с польского языка книги «Проблемата». Заметив в тексте полонизмы, он просил заменить их, например, в переводе стоит «приповесть (т. е. przypowieść. — С. Н.) вместо пословицы или присловия».¹⁷

Пословицы и поговорки в обилии встречаются на страницах самых разных прозаических произведений самого Третьяковского: в книгах, статьях, письмах и прошениях. Уже в первой его печатной книге, «Езда в Остров Любви» (1730), в предисловии встречаются выражения «как говорится, чему быть, того не миновать», «полно бранитца, пора помиритца».¹⁸ В одном только «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух тра-

¹⁴ См.: Хлебда В. Метаоператоры в тексте и их основные функции // Слово во времени и пространстве. Сб. к 60-летию В. М. Мокшенко. СПб., 2000. С. 415–429.

¹⁵ См.: Николаева Е. К., Николаев С. И. Из истории русской паремиологической терминологии. (Конец XVII — первая половина XVIII в.) // Русский язык конца XVII — начала XIX в. (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 77–85; Николаева Е. Значение метаоператоров устойчивых выражений для исторической фразеологии/паремиологии (на материале XVII–XVIII вв.) // Slavia Orientalis. 2003. N 2. S. 229–236.

¹⁶ Цит. по: Якобсон Р. О. Влияние народной словесности на Третьяковского // Jakobson R. Selected Writings. The Hague; Paris, 1966. Vol. 4. P. 626.

¹⁷ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 202.

¹⁸ Третьяковский В. К. Соч. СПб., 1849. Т. 3. С. 648, 649.

гедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю» (1750) Тредиаковского встречаются следующие идиоматические выражения: «по присловию, не можно всем старцам в игумнах быть», «его жерновы, по присловию, толь добры, что все мелют», «сие то называется по-украински поправиться с печи на лавку», «но на что еще сии следующие два гриба в борщ, говоря по-украински», «автор хотел сим подражать Августа Кесаря обыкновенному присловию *σπεῦδε βραδέως* [*festina lente*] то есть спеша не спешно», «а сам ни шкиля, как говорят, не умеет», «все ставишь в строку», «на свой салтык оборотит», «я не последняя спица в колеснице».¹⁹ Как видно, при пословице Тредиаковский вводит метаоператор «по присловию», а при поговорке «как говорят». В «Мнении профессора Василья Тредиаковского о диссертации господина профессора Миллера» (1750) латинская пословица также поясняется вводной конструкцией: «по латинскому пословию, о мертвых или ничего, или хорошо».²⁰ Вот еще примеры из его прозаических произведений разных лет: «как просто говорится, ни складу, ни ладу» (1735), «не имея ни кола ни двора, как говорится» (1743), «сколько голов, столько и разумов, по латинскому присловию» (1761).²¹

«Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи» (1748) уже по самому своему диалогическому характеру предполагает включение идиоматических выражений. И действительно, они рассыпаны по всей книге: «охота праведно, по присловию, пуще неволи», «присловие: взявшись за гуж, не говори, что не дюж», «пригнала нужда к поганой луже, как говорится», «пускай всем сим сестрам, как говорится, будет по серьгам», «нарекся груздем, лезть в кузов, как говорят», «кто ожегся, как говорят, на молоке, тот и на воду дует», «чего и как не говорится тогда, когда нет, по присловию, лишних бревен», «и у бездельника хера на лбу не написано», «дальнии проводы, лишние слезы, говорится»²² и др. Из приведенных многочисленных примеров использования Тредиаковским идиоматики видно, что цитируемые им пословицы («присловия») чаще всего в том же самом виде сохранились в русском языке до сегодняшнего дня, тогда как некоторые поговорки, выхваченные Тре-

¹⁹ Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в. / Издал А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 443, 470, 480, 482, 485, 498, 500.

²⁰ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 241.

²¹ Там же. С. 63, 96, 216.

²² Цит. по: Якобсон Р. О. Влияние народной словесности на Тредиаковского. С. 625–626.

диаковским из русской устной языковой стихии, дошли до нас только в его произведениях.

Привязанность ТрEDIAKовского к русской идиоматике бросалась в глаза уже современникам. В 1755 г. Г. Н. Теплов так писал о стилистике ТрEDIAKовского: «В многоречии своем, которое есть истинное ТрEDIAKовского по всей пьесе от начала до конца, он столь особлив же, что едва ли можно в роде человеческом быть другому ТрEDIAKовскому. <...> Шутки в словах, которые у него за *bon mot* приемлются, неизбежны во всех его сочинениях, а и в сей его пьесе суть такие же, напр.: *вот первая белянка в кузов; не трик, трак, трек и не фри, фре, фри, да голь не людим, уныл нечестолобив, неискателен, грековер, <...> с копылья сбился автор* и пр. Сии точно экспрессии и в речах мы от него всегда слышали».²³ Эти и подобные выражения Теплов презрительно назвал «подлыми экспрессиями».

ТрEDIAKовский, как кажется, нигде подробно не разъяснил своей привязанности к введению пословиц и поговорок в прозу. Но нет сомнений, что тенденция эта восходит к раннему периоду творчества, когда он стремился сблизить литературный язык с разговорным, и писал «почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим» («Езда в остров Любви». Предисловие).²⁴ Идиоматику он понимал как приметку разговорной речи. Почти одновременно с ТрEDIAKовским эту же стилистическую проблему во многом сходным образом решал и А. Д. Кантемир, введивший в свои произведения и в русско-французский словарь не только пословицы и поговорки, но и откровенно просторечную лексику и идиоматику.²⁵ В своей работе они ориентировались на европейскую гуманистическую традицию. ТрEDIAKовский и не скрывал, что его «Разговор об орфографии» написан по образцу диалогов Эразма Роттердамского²⁶ (и даже точнее — по образцу диалога «*De recta latini graecique sermonis pronuntiatione*», 1528). Не сбылось и его упование

²³ Записка о ТрEDIAKовском // Записки имп. Академии наук. СПб., 1868. Т. 14, кн. 1. С. 72–73. См.: *Alekseev A.* Утраченное сочинение ТрEDIAKовского // *Judaeo-Slavica et Russica. Festschrift Professor Ilya Serman.* Иерусалим; М., 2004. С. 83–90. (*Jews and Slavs.* Vol. 14).

²⁴ *ТрEDIAKовский В. К.* Соч. Т. 3. С. 649.

²⁵ См.: *Николаев С. И.* Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 9–12; Русско-французский словарь Антиоха Кантемира / Вступ. ст. и публикация Е. Бабаевой. М., 2004. Т. 2. С. 1255–1278.

²⁶ См.: *ТрEDIAKовский В. К.* Соч. Т. 3. С. I–II.

на понимание, о котором он писал в «Предупреждении от автора»: «Впрочем, я хотя и никому, по несчастью, не возмогу угодить (как, почитай, обыкновенно случается с новыми сочинениями) из наших моею материю, и о ней мнением, однако, смею надеяться, что за сей способ сложения, и за простоту, понятную всем, слова, не всяк на меня негодовать имеет».²⁷ Увы, латинизированный синтаксис плохо сочетался с «простотой слова», в этом и заключалось «несчастье» Третьяковского. И, тем не менее, огромный вклад Третьяковского в изучение русской идиоматики и введение ее в литературный язык неоспорим.

---

²⁷ *Третьяковский В. К.* Соч. Т. 3. С. IV.

ТРЕДИАКОВСКИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

В. К. Тредиаковскому в истории русской литературы в конечном счете повезло — он сам занял в русской литературе XVIII в. такое место, с которого его сдвинуть невозможно. О чем бы ни шла речь — о реформе русского стихосложения, о теории литературы, о критике, о переводе, о литературном языке и т. д. — без имени и трудов Тредиаковского не обойтись. Нельзя сказать, что за эти десятилетия тон рассуждений о Тредиаковском изменился коренным образом. И сейчас он мог бы повторить горькие слова: «Ненавидимый в лице, презираемый в словах, уничтожаемый в делах, охуждаемый в искусстве, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищем, еще и во нравах (что сего бессовестнее?) оглашаемый». И сейчас за него готовы поспорить, совсем как Пушкин с Лажечниковым. Так, после появления драмы В. Ф. Пановой «Тредиаковский и Волынский» (1968) между В. Орловым и Е. Осетровым возникла полемика по поводу образа Тредиаковского в этой пьесе.¹ Десять лет спустя астраханские земляки Тредиаковского выступили на страницах «Литературной газеты» против уничижительной оценки личности и творческого наследия Тредиаковского в биографической заметке в хрестоматии для студентов В. А. Западава «Русская литература XVIII в.» (1979).² Не приходится говорить, что сочинения Тредиаковского в XX в. издавались меньше, чем М. В. Ломоносова или даже А. П. Сумарокова.

После выхода в 1968 г. известного справочника «История русской литературы XVIII века: Библиографический указатель / Сост. В. П. Степа-

---

¹ См.: Осетров Е. Бедный Тредиаковский... // Лит. газ. 1968. № 29. 17 июля. С. 4; Орлов В. Необоснованные упреки // Лит. газ. 1968. № 31. 31 июля. С. 4

² Марков А., Попов В., Травушкин Н. Фактам вопреки // Лит. газ. 1980. 25 июня. № 26. С. 5.

нов и Ю. В. Стенник» (а речь в обзоре пойдет как раз об этом периоде) появилось много работ о Тредиаковском, как у нас, так и за рубежом.³ Даже при беглом просмотре этой обширной литературы поражает обилие новых фактов, относящихся к жизни и творчеству Тредиаковского. Как будто речь идет не о крупнейшем литературном деятеле XVIII в., а о забытом или малоизвестном писателе.

Начну с биографических фактов, а их начну с конца, поскольку речь идет о датах жизни. В 1967 г. астраханский исследователь В. П. Самаренко по документам РГАДА (письмо сына) установил, что Тредиаковский умер не в 1769, а в 1768 г.⁴ Эта дата подтверждается, кстати сказать, и другими источниками. К сожалению, за прошедшие тридцать лет эта подтвержденная дата вошла далеко не во все отечественные и зарубежные справочники или историко-литературные работы.

Одним из самых темных и неясных периодов жизни Тредиаковского издавна считались 1720-е гг. — годы его учения в Москве и путешествий по Европе. Обилие новых документальных сведений, относящихся к этому периоду, было введено в научный оборот в исследовании Б. А. Успенского и А. Б. Шишкина «Тредиаковский и янсенисты».⁵ В распоряжении исследователей теперь имеется надежный календарь странствий Тредиаковского, его знакомств и даже адресов. Авторами предложено и оригинальное объяснение обстоятельств жизни Тредиаковского в эти годы. Этим же авторам принадлежит и детальное описание участия Тредиаковского в «дурацкой свадьбе» 1740 г.⁶

Сочинения Тредиаковского в эти годы отдельными изданиями не выходили, но был издан или введен в научный оборот целый ряд текстов.

³ См. библиографию работ о Тредиаковском за последние десятилетия: *Николаев С. И.* Материалы для библиографии сочинений В. К. Тредиаковского и литературы о нем (1966–2002) (К 300-летию со дня рождения) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 338–370. См. также: Василий Кириллович Тредиаковский. (К 300-летию ученого поэта): Указатель литературы / Сост. А. Н. Стрижев. М., 2003.

⁴ См.: *Самаренко В. П.* 1) Василий Кириллович Тредиаковский // Литературное краеведение: Материалы к спецкурсу. Астрахань, 1967. Вып. 2. С. 10–15; 2) Первый академик. Памяти В. К. Тредиаковского // Волга. (Астрахань). 1969. № 192 (15020). 17 августа. С. 4.

⁵ См.: *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Тредиаковский и янсенисты // Символ. Paris, 1990. № 23. С. 105–264. См. также: *Heithus C. V. K.* Trediakovskij und Hamburg // Die Welt der Slaven. 1978. H. 2. S. 304–318.

⁶ См.: *Успенский Б., Шишкин А.* «Дурацкая свадьба» в Петербурге в 1740 г. // Europa Orientalis. 1997. Vol. 16, N 1. P. 297–312.

После нескольких предварительных публикаций А. Б. Шишкина наконец-то была издана в 1989 г. Псалтырь Тредиаковского.⁷ Это стало большим событием, на которое откликнулись отечественные и западные научные периодические издания.⁸ Текст Псалтыри подготовлен к печати американским славистом А. Левицким, а А. Б. Шишкин подготовил для этого издания материалы, связанные с историей безуспешных попыток Тредиаковского напечатать свое переложение в XVIII в. Хотя изданная в Германии книга и малодоступна, число исследований о Псалтыри Тредиаковского почти мгновенно увеличилось.⁹ А. Б. Шишкин напечатал также подборку писем Тредиаковского¹⁰ и одно неизвестное стихотворение;¹¹ а Ю. Д. Левин опубликовал перевод Тредиаковского 1730-х гг. из журнала «Зритель» («Сравнение между Лудовиком XIV и Петром Алексеевичем российским императором в рассуждении славы»).¹² Были впервые напечатаны и филологические работы: статья «О множественном прилагательных целых имен окончании» 1746 г.,¹³ неопубликованный раздел «Предуведомления» к «Сочинениям и переводам» о трагедии «Деидамия»,¹⁴ предисловие к переписанной Тредиаковским в 1721 г. грамматике церковнославянского языка;¹⁵ перепечатаны некоторые пе-

⁷ См.: *Trediakovskij V. K. Psalter 1753 / Besorgt und kommentiert von A. Levitsky. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989.*

⁸ См.: *Серман И.* Гость издалека // Русская мысль. La pensée russe. Париж, 1990. 2 марта. № 3817. С. 17; *Б. С.* Псалтырь Тредиаковского // Там же; *Живов В. М.* // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и яз. 1991. № 6. С. 551–555; *Николаев С. И.* // Русская литература. 1991. № 1. С. 210–212.

⁹ См., например: *Луцевич Л. Ф.* Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 281–317.

¹⁰ См.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 44–67.

¹¹ См.: *Шишкин А. Б.* К истории работы В. К. Тредиаковского над «Сочинениями» (неизданные материалы) // Русская литература. 1982. № 3. С. 138–142.

¹² См.: *Левин Ю. Д.* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII в. // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 14–17, 81–83.

¹³ См.: *Вомперский В. П.* Ненапечатанная статья В. К. Тредиаковского «О множественном прилагательных целых имен окончании» // Науч. докл. высш. школы, Филолог. науки. 1968. № 5. С. 81–90.

¹⁴ См.: *Serman I. Z.* Trediakovskii and his «Deidamiiia»: An Unpublished Document // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 1979. N 7. P. 23–28.

¹⁵ См.: *Успенский Б.* Первое произведение Тредиаковского // Translating Culture. Essays in Honor of Erik Egeberg. Oslo, 2001. P. 246–250.

реводы 1730-х гг. — либретто, стихотворения и др.,¹⁶ а также стихотворения на французском языке из книги «Езда в остров Любви».¹⁷

Обнаружен и введен в научный оборот утраченный еще самим Тредиаковским автограф В первого перевода «Аргениды» Д. Баркляя, выполненный в 1725 г.¹⁸ В разных архивах А. А. Дерюгиным выявлен ряд списков других его переводов, еще ждущих исследования. Считается, например, что важнейшее для истории литературной полемики середины XVIII в. «Письмо от приятеля к приятелю. 1750» Тредиаковского в списках не встречается, между тем еще один список обнаружен в собрании рукописей Псковского музея-заповедника.¹⁹

Открыты неизвестные страницы творчества Тредиаковского-композитора — он был автором музыки на стихи из книги «Езда в остров Любви», семи хоровых концертов на духовные тексты к торжественным дням, писал музыкальные панегирики для коронации императрицы Анны Иоанновны.²⁰

В 1989 г. П. И. Хотеев писал, что «пока что не найдено ни одной книги, принадлежавшей» Тредиаковскому.²¹ Однако сейчас известно уже несколько книг или рукописей, несомненно принадлежавших ему, на которых сохранились его владельческие либо дарственные записи или пометы, причем последние иногда необыкновенно важны, например, пометы критического характера на «Кратком руководстве к красноречию» (1748)

¹⁶ См.: *Гардзонио С.* Тредиаковский — переводчик итальянских музыкальных пьес. (Либретто оперы «Сила любви и ненависти») // *Славяноведение*. 1995. № 1. С. 50–60; *Алексеева Н. Ю.* На пути к реформе русского стиха. Стихотворные переводы Тредиаковского 1732–1734 годов // *Русская литература*. 2002. № 4. С. 32–60.

¹⁷ См.: *Лотман Ю. М., Розенцвейг В. Ю.* Русская литература на французском языке: Французские тексты русских писателей XVIII–XIX веков. Вступ. статьи Ю. М. Лотмана и В. Ю. Розенцвейга; Биографические очерки и коммент. Ю. М. Лотмана; Сост. В. Ю. Розенцвейг. Wien, 1994. С. 76–91.

¹⁸ См.: *Николаев С. И.* Ранний Тредиаковский. (Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // *Русская литература*. 1987. № 2. С. 93–99.

¹⁹ См.: Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV — начало XX вв.) / Сост. Н. П. Осипова. Псков, 1991. Ч. 1. С. 98.

²⁰ См.: *Сохраненкова М. М.* В. К. Тредиаковский как композитор // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1986. Л., 1987*. С. 210–221; *Огаркова Н.* Коронация императрицы Анны Иоанновны и «музыкальные панегирики» Тредиаковского // *Еггора Orientalis*. 2000. Vol. 19, N 2. P. 39–56.

²¹ См.: *Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII в.: Частные книжные собрания. Л., 1989. С. 67.

М. В. Ломоносова или на экземпляре собственных «Сочинений и переводов» 1752 г.²²

Число разбросанных по разным работам крупных или мелких уточнений, новых датировок или атрибуций произведений, установления их источников и проч. достаточно велико. Например, после первой публикации в 1963 г. поэмы «Феоптия» Е. Н. Лебедев установил, что источник большей части поэмы — это «Трактат о существовании и атрибутах Бога» Ф. Фенелона (1713).²³ Недавно выяснилось, что первое известное нам оригинальное стихотворение Тредиаковского — «Элегия о смерти Петра Великого» (1725) — было написано им сначала на латинском языке, и только затем дважды переведено самим автором на русский язык.²⁴ Второй перевод безо всяких переделок и был опубликован в 1730 г. в «Езде в Остров Любви».

Действительно, по обилию упомянутых новых данных может и вправду сложиться впечатление, что речь идет о малоизвестном писателе, а не об одном из основоположников русской литературы нового времени.

Примечательно, что до конца XX в. в отечественной литературе вообще не было ни одной отдельной книги о Тредиаковском! (Кроме небольшой брошюры М. П. Петровского 1890 г. по вопросам стиховедения). Время монографий «жизнь и творчество», как кажется, прошло. К сожалению, о Тредиаковском такой монографии никто не написал, поэтому единственной научной биографией Тредиаковского остается биографический очерк П. П. Пекарского во втором томе «Истории имп. Акаде-

---

²² См.: *Аристов В., Ермолаева Н.* Все началось с путеводителя... Поиски литературные и исторические. Казань, 1975. С. 88–94; *Кибальник С. А.* Об одном французском источнике эстетических взглядов Тредиаковского // Проблемы историзма в русской литературе XVIII — начала XIX в. Л., 1981. С. 219–228; *Ермолаева Н. В.* Прижизненные издания произведений В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова, хранящиеся в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского // Библиотека Казанского университета. Фонды, раритеты, история... Казань, 1989. С. 24–34; *Николаев С. И.* Пометы В. К. Тредиаковского на «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова // Маргиналии русских писателей XVIII в. СПб., 1994. С. 7–15; *Кочеткова Н. Д.* О правке Тредиаковского в его экземпляре «Сочинений и переводов» (1752) // В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 12–13 марта 2003 г. СПб., 2004. С. 70–75.

²³ См.: *Лебедев Е. Н.* Философская поэзия В. К. Тредиаковского // Русская литература. 1976. № 2. С. 94–104.

²⁴ См.: *Николаев С. И.* Ранний Тредиаковский. (К истории «Элегии о смерти Петра Великого») // Русская литература. 2000. № 1. С. 126–131.

мии наук в Петербурге» (1873), а наиболее полным обзором творчества — соответствующая глава в 10-томной «Истории русской литературы», написанная Л. В. Пумпянским (1941). Появившиеся позднее книги (а их не так уж и много) посвящены отдельным проблемам. Первым отдельным изданием стал изданный в 1976 г. стараниями и изданием земляков поэта небольшой сборник статей «Венок Третьяковскому».²⁵ Выход сборника обозначил новый этап в дальнейших изучениях, поскольку в нем были намечены все те темы (за исключением, пожалуй, стиховедения), которые и стали основными в последней четверти XX в.

Наконец, в 1985 г. в Саратове вышла книга А. А. Дерюгина о Третьяковском — переводчике, в которой он подытожил свои многолетние размышления по этой теме.²⁶ То обстоятельство, что первая отечественная литературоведческая книга о Третьяковском посвящена его переводческой деятельности, вполне объяснимо — именно переводу неутомимый просветитель посвятил большую часть своей жизни. Автор (отмечу, филолог-классик) оставил в стороне оценочные категории и издавна ставшие привычными рассуждения об отсутствии вкуса и таланта у Третьяковского (в чем обычно сходились и сходятся самые разные лагеря в истории русской литературы), а приступил к филологическому анализу предмета, что и позволило ему создать стройную концепцию переводческой концепции и практики Третьяковского.

Второй (и пока последней) отечественной книгой о Третьяковском стала «Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов» М. С. Гринберга и Б. А. Успенского, первоначально опубликованная в виде статьи в 1992 г.²⁷

Вышло несколько монографий о Третьяковском и за рубежом,²⁸ посвященных как отдельным его произведениям («Аргенида», «Феоптия», «Разговор об орфографии»), так и его литературной судьбе в целом.

²⁵ См.: Венок Третьяковскому. Волгоград, 1976.

²⁶ См.: Дерюгин А. А. В. К. Третьяковский — переводчик. Становление классического перевода в России. Саратов, 1985.

²⁷ См.: Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов // Russian Literature. Vol. XXXI. No II. 1992. P. 133–272. — То же (отд. изд.): М., 2001.

²⁸ См.: Breitschuh W. Die Feoptia V. K. Trediakovskij: Ein physikotheologisches Lehrge-dicht im Russland des 18. Jahrhunderts. München, 1979; Reyfman I. Vasilii Trediakovskii: The Fool of the «New» Russian Literature. Stanford, 1990; Carrier C. Trediakovskij und die «Argenida». Ein Vorbild, das keines wurde. München, 1991; Müller M. V. K. Trediakovskij «Gespräch zwischen einem Fremden und einem Russen über die alte und neue Orthographie und alles, was zu dieser Materie gehört». Eine philologisch-kritische Darstellung. Regens-burg, 1994.

Таким образом, очевидно, что за последние три десятилетия Тредиаковский прочно вошел почти в моду. Но моде противопоказана стабильность, а вот интерес к творчеству Тредиаковского вовсе не уменьшается. И дело не в простом увеличении числа книг и статей, а также конференций, посвященных Тредиаковскому.²⁹ За этот период стал меняться самый тон разговора и изучения Тредиаковского. Причины такого изменения могут быть различны и могут иметь не только историко-литературный характер. Попытаюсь выделить одну из них.

По отношению к Тредиаковскому давно стало привычным сочетание «поэт и филолог». Но при этом «поэт» часто воспринимается исключительно сквозь призму литературной репутации Тредиаковского, которая сложилась в пылу литературной полемики середины XVIII в., а затем сохранялась и культивировалась во второй половине XVIII — XIX вв. (это и карамзинисты, и «Арзамас», и роман Лажечникова и т. д.). Об этом процессе, в частности, пишет в своей книге И. Рейфман. Но вот «филолог» в этом сочетании понимается обычно приблизительно, скорее, как синоним педанта. И изменением тона в работах о Тредиаковском мы обязаны, как мне кажется, сначала историкам русского литературного языка, которые подошли к его филологической деятельности без предвзятости и готовых оценок. В первую очередь назову многочисленные работы Б. А. Успенского, как общие, так и более специальные, которые стали появляться с середины 1970-х гг., в которых к анализу языковой деятельности Тредиаковского (а затем и его литературной позиции) ученый подходит как к филологической проблеме в контексте лингвистических идей эпохи.³⁰ В начале 1980-х появились две большие статьи А. А. Алексеева «Эпический стиль «Тилемахиды» и «Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского».³¹ В первой работе автор

---

²⁹ См.: *Костин А. А.* К 300-летию юбилею В. К. Тредиаковского // *Русская литература.* 2003. № 3. С. 217–220; *В. К. Тредиаковский и русская литература XVIII–XX веков: Материалы международной научной конференции 5–6 марта 2003 г. Астрахань, 2003.*

³⁰ См., например: *Успенский Б. А.* 1) Доломоносковский период отечественной русистики: Адодуров и Тредиаковский // *Вопр. языкознания.* 1974. № 2. С. 15–30; 2) Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносковский период отечественной русистики. М., 1975; 3) К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // *Russian Linguistics.* 1984. Vol. 8, N 2. P. 75–127; 4) Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

³¹ См.: *Алексеев А. А.* 1) Эпический стиль «Тилемахиды» // *Язык русских писателей XVIII в.* Л., 1981. С. 68–95; 2) Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // *Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики.* Л., 1982. С. 86–128.

детально и конкретно показал, как именно Тредиаковский создавал то, что Пумпянский назвал русским гомеровским стилем. По этому пути филологического анализа пошел и А. А. Дерюгин. Для дальнейшей работы над творчеством Тредиаковского этот постулат не теряет актуальности.

Но филологическое исследование творческого наследия Тредиаковского не отменяет и других насущных и давно назревших задач. Во-первых, давно назрела необходимость подготовки нового издания произведений Тредиаковского и не только стихотворных, но литературно-критических, которые интенсивно изучались в последние годы.³² Во-вторых, итоги изучения биографии и творчества Тредиаковского позволяют предполагать, что наступило время написания его новой научной биографии, а может быть и монографии «жизнь и творчество». Тредиаковский это заслужил.

---

³² См., например: *Алексеева Н. Ю.* «Рассуждение о оде вообще» В. К. Тредиаковского // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 13–22; *Левитт М.* Пасквиль, полемика, критика: «Письмо... писанное от приятеля к приятелю» (1750) Тредиаковского и проблема создания русской литературной критики // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 63–72. См. новые издания: *Тредиаковский В. К.* Лирика, «Тилемахида» и другие сочинения. Астрахань, 2007; *Тредиаковский В.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подгот. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. (Лит. памятники). — То же: 2-е изд. СПб., 2013.

РАННЯЯ ИКОНОГРАФИЯ ЛОМОНОСОВА В СВЕТЕ ИКОНОЛОГИИ

Иконография М. В. Ломоносова полно представлена и подробно прокомментирована в книге М. Е. Глинки «М. В. Ломоносов. (Опыт иконографии)» (1961).¹ В данной статье речь пойдет о гравированном портрете, помещенном в 1-м томе «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе» Ломоносова, вышедшем летом 1758 г. (на титульном листе — 1757 г.). Первоначально портрет для этого издания был изготовлен в Париже в 1757 г. Э. Фессаром, но затем по замечаниям Ломоносова (их текст не сохранился) исправлен бывшим академическим гравером Х. Вортманом. После исправления «погрешностей» общая композиция и поворот головы не изменились, изменения коснулись пейзажа за окном, положения правой ноги, черт лица и парика.² Именно этому изображению, одобренному самим поэтом, суждено было стать каноническим для последующих портретов Ломоносова.

Поза Ломоносова очень необычна для русского портрета XVIII в.: поэт вполоборота сидит за столом, перед ним лист бумаги с отчетливо читаемым названием «Ода Ея Имп. Велич-ву», но он смотрит прямо в противоположную сторону от листа сторону, продолжая при этом писать — перо прижато к бумаге.

Прежде чем перейти к истолкованию смысла портрета Ломоносова, рассмотрим некоторые типы портретов русских писателей XVIII в.³ При этом нас будет занимать не столько искусствоведческий анализ, сколько

---

¹ См.: Глинка М. Е. М. В. Ломоносов. (Опыт иконографии). М.; Л., 1961.

² См.: Там же. С. 9–10, ил. 2–3.

³ Благодарю заведующую Литературным музеем Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН Л. Г. Агамаян, сотрудниц музея Е. Ю. Герасимову и Е. В. Кочневу за консультацию и А. А. Костина за помощь в подборе иллюстративного материала.

Мокрошенинъ, 1755 г.

историко-литературная проблематика и тот материал, который можно извлечь из иконографии.

В собрании Литературного музея Пушкинского дома представлены, в частности, живописные портреты А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, Д. И. Хвостова, М. М. Хераскова, В. П. Петрова, М. Н. Муравьева, Н. А. Львова, Я. Б. Княжнина, И. А. Крылова, А. Д. Кантемира, А. Н. Радищева. Можно сказать, что это парадные портреты, причем не всегда портреты именно писателей, иногда это портреты крупных чиновных лиц или дипломатов, по этой причине нет смысла приводить портреты Феофана Прокоповича или кн. Е. Р. Дашковой. Первый из них — это, безусловно, портрет архиерея, на втором, очевидно, изображен президент Академии наук.

Сохранился целый ряд портретов русских писателей XVIII в., на которых они изображены с книгами или рукописями, например, В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира, А. Т. Болотова, Григория Сковороды, И. П. Елагина, Г. Р. Державина, И. Ф. Богдановича. Если писатель изображен во время письма, то обычно он смотрит либо на лист бумаги, либо на предполагаемого зрителя. Например, Тредиаковский на портрете указывает рукой на полки с книгами, на корешке одной из них видны буквы

«Тел», видимо, «Телемак», т. е. «Тилемахида», перед ним лежит испи- санный лист и атрибуты литератора: книги и лира (1775 г., портрет гра- вирован А. Я. Колпашниковым и помещен в первом издании трагедии «Деидамия»). Один из первых подобных портретов — это портрет Сте- фана Яворского, гравированный Алексеем Зубовым в 1729 г., на кото- ром архиерей пишет книгу — перо прижато к бумаге, но смотрит при этом на предполагаемого зрителя.⁴

С точки зрения интересующей позы примечательны два портрета. И. А. Крылов на портрете начала XIX в. изображен с пером и книгами над листом бумаги, он задумчиво смотрит вверх и не пишет, при этом его поза вполне естественна. Наконец, очень любопытен портрет В. Г. Ру- бана кисти А. Ф. Клипекова (1786 г.) из собрания Пушкинского Дома: в шкафу стоят книги, в руках перо, но он не пишет, на столе лежит лав- ровая веточка. Перед ним лист бумаги, на котором отчетливо читается: «Надпись на камень Гром» и начальные стихи знаменитой надписи 15-лет- ней давности. Этот портрет удивительным образом наиболее близок к прижизненным портретам Ломоносова, и поэтому тем более заметны отличия: голова повернута на три четверти, однако взгляд направлен на зрителя, отсюда крайняя неестественность позы. Перо в руках, но оно не касается бумаги.⁵

Обзор портретов русских писателей XVIII в. по материалам Литера- турного музея Пушкинского дома, словарям Д. А. Ровинского и другим печатным источникам позволяет полагать, что поза, в которой изображен Ломоносов на прижизненных портретах, более нигде в русском изобра- зительном искусстве XVIII в. не встречается. Так изображали только Ломоносова, причем с его одобрения — исправление Вортманом «по- грешностей» гравюры Фессара не коснулось самой позы. Прежде чем перейти к истолкованию смысла портрета, отмечу, что эта поза довольно редко встречается и на портретах западноевропейских писателей.⁶ Они

⁴ См.: Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. 2-е изд., испр. СПб.; М., 2003. Кн. 2: Н–Я. С. 342.

⁵ Существуют только черно-белые воспроизведения этого портрета, причем не очень хорошего качества, см.: *Гинзбург Л.* Неизданные стихотворения Рубана // XVIII век. Сб. ст. и мат-лов. М.; Л., 1935. На вклейке между с. 416 и 417; *Рубан В. Г.* Описание импера- торского столичного города Москвы. М., 1989. С. 87.

⁶ Например, ни одного такого изображения нет в обширном собрании портретов XVI — первой половины XIX в., см.: *Katalog der Graphischen Porträts in der Herzog-August-Bibliothek Wolfenbüttel: 1500–1850. Reihe A.* / Bearb. von Peter Mortzfeld. Mün- chen, 1986–2006. Vol. 1–50.

также изображались и с книгой, и с пером и листом бумаги в руках, но в других позах. Редкое исключение — хранящийся в Лувре миниатюрный портрет французского поэта и драматурга Антуана Венсана Арно (1766–1834) работы французского художника Франсуа Дюмона (1751–1831).⁷ Композиция во многом совпадает с портретом Ломоносова, Арно тоже пишет, но смотрит в противоположную сторону от листа бумаги, единственное отличие — Арно изображен стоящим. Любопытно, что русские писатели XVIII в. не изображались погруженными в сам процесс письма, как, например, изображался в XVII–XIX вв. Максим Грек⁸ или много позднее Лев Толстой. Возможно, это связано с тем, что у нас есть портреты только поэтов и драматургов XVIII в.

Переходя от иконографии к иконологии, я бы хотел напомнить об остроумной и убедительной в своих выводах статье Л. Росси «„Как описал себя пиит“: об изображении физической фигуры поэта в русской лирике конца XVIII — начала XIX вв.»,⁹ в которой автор по литературным и изобразительным материалам анализирует позу лирического героя (и поэта), олицетворяющую меланхолическое душевное состояние. Л. Росси пишет, что для понимания значения «поз» «недостаточно отыскивать возможные непосредственные прототипы в области словесных или изобразительных искусств, но следует рассматривать их в общекультурной перспективе, учитывая возможность передачи смысловых комплексов без непосредственного влияния текста на текст, проявления сверхличностной памяти культуры».¹⁰ Полностью соглашаясь с этим положением, хочу подчеркнуть, что дальнейшие рассуждения связаны не столько с поиском источников позы Ломоносова, сколько с прояснением смысла портрета.

Говоря об иконологии, я имею в виду не только научную дисциплину в понимании ее основоположников, Аби Варбурга и Эрвина Панофского, но и знаменитую книгу Чезаре Рипы (ок. 1550–1625 или 1555–1622).

---

⁷ См. воспроизведение в кн.: *Jean-Richard P. Musée du Louvre, Département des Arts graphiques. Inventaire des miniatures sur ivoire conservées au cabinet des dessins musée du Louvre et musée d'Orsay. Paris, 1994. P. 130.*

⁸ См.: *Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. (Вклейка между с. 160 и 161); Белоброва О. А. Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. М., 2005. Ил. 13, 17–19.*

⁹ См.: *Росси Л. «Как описал себя пиит»: об изображении физической фигуры поэта в русской лирике конца XVIII — начала XIX вв. // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2005. Вып. 11. С. 297–307.*

¹⁰ Там же. С. 298.

«Иконология» Ч. Рипы впервые вышла в 1593 г., издание с гравюрами вышло в 1603 г., а всего в XVII в. появилось еще 7 изданий в Италии и 8 изданий в Европе на английском, голландском, французском и немецком языках. Э. Панофский назвал ее «summa иконографии, которая черпала равно из античных, средневековых и современных источников и была по праву названа „ключом к аллегориям семнадцатого — восемнадцатого веков“, <...> которую использовали такие знаменитые художники и поэты, как Бернини, Пуссен, Вермеер и Мильтон».¹¹

В России «Иконология» стала известна не позднее 70-х гг. XVII в., ее использовал в своих трудах уже Николай Спафарий,¹² позднее она была в библиотеке А. Виниуса, Я. Брюса, Петра I.¹³ Нет сомнений, что она была известна и в середине XVIII в.¹⁴

В этой энциклопедии визуализации абстрактных идей отыскивается и занимающая нас фигура пишущего человека, но смотрящего при этом в противоположном от листа бумаги направлении.¹⁵

Ч. Рипа дает следующее пояснение под гравюрой: «Резвый и полнокровный юноша с крылышками у висков, в лавровом венце, препоясанный плющом, пишущий что-то, но с лицом, обращенным к небу. Крылышки означают резвость и быстроту поэтической мысли, которая не погружена в себя, но устремляется ввысь, вознося с собою благородную людскую славу, которая сохраняется неувядаемой и прекрасной в веках, как вечно зелеными пребывают ветви лавра и плюща. Юноша резв и румян, потому что поэтическое безумие есть переизбыток жизненных и духовных сил, каковые наделяют душу способностями и знаниями столь чудесными, что невозможно представить, чтобы они были одним только природным

¹¹ Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. Статьи по истории искусства. СПб., 1999. С. 187. См. также: *Tatarkiewicz W. Estetyka nowożytna. Wrocław, 1967. (Historia estetyki. T. 3). S. 262–271.*

¹² Белоброва О. А. 1) К изучению «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 313–315; 2) Аллегории наук в лицевых списках «Книги избранной вкратце...» Николая Спафария // Белоброва О. А. Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. С. 179–189. Ср.: Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 223–226.

¹³ Библиотека Петра I: Указатель-справочник. Л., 1978. С. 146; Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги. СПб., 2016. Т. 1, кн. 2. С. 630–635.

¹⁴ См.: Костин А. А. М. В. Ломоносов — читатель эмблематических книг (к постановке проблемы) // Русская литература. 2015. № 4. С. 72.

¹⁵ Ripa C. *Iconologia*. Padova, 1625. P. 264.

даром, по сему и почитаются они дарами особыми и редкостными — как ниспосланная Небесами особая благодать. Еще Платон говорил, мыслью Поэтов движет божественный Восторг, и он формирует в идеях образы вещей сверхъестественных, а поэты записывают их на бумаге, а потом прочитывают, как только поймут их и опознают; по сему и называются Поэты у язычников, по древнему обычаю, святыми, порождением Неба, сынами Юпитера, толмачами Муз и жрецами Аполлона. И еще здесь показано, что для писания должно возбудить этот Восторг многими упражнениями и что одной только природы недостаточно, если на помощь ей не приходит искусность. Об этом говорит и Гораций». ¹⁶ Далее Рипа приводит стих из «Науки поэзии» *Cur ego, si nequeo ignoque, poeta salutor?* В переводе М. Дмитриева он звучит так: «Если в по-

¹⁶ Я сердечно благодарен Л. Г. Степановой (1941–2009) за этот перевод с итальянского языка.

эме я не могу наблюсти все оттенки, Все ее краски, за что же меня называть и поэтом?».¹⁷ Тредиаковский перевел этот стих несколько иначе: «Ежели я не умею и не могу, по различию вещей различать стиль, то почему меня должно называть пиитом?».¹⁸

Сходство иконографических типов на прижизненном портрете Ломоносова и на гравюре из книги Рипы не вызывает сомнений, а наименование изображенного понятия — «*Figur poetico*» — дает ключ к пониманию прижизненного портрета Ломоносова.

Упомянутую в «Иконологии» концепцию «поэтической одержимости» Платон изложил в диалоге «Федр»: «Третий вид одержимости и исступления — от Муз, оно охватывает нежную и непорочную душу, пробуждает ее, заставляет излить вакхический восторг в песнопениях и в иных родах поэзии и, украшая несчетное множество деяний предков, воспитывает потомков. Кто же без ниспосланного Музами исступления подходит к порогу творчества, в уверенности, что благодаря одной сноровке станет изрядным поэтом, тот немощен, и все созданное человеком здравомыслящим затмится творениями исступленных».¹⁹ О том же Платон говорит и в «Ионе»: «Так и Муза сама делает вдохновенными одних, а от этих тянется цепь других восторженных. Все хорошие эпические поэты не благодаря уменью слагают свои прекрасные поэмы, а только когда становятся вдохновенными и одержимыми».²⁰ Флорентийские неоплатоники развили эту концепцию. Так, Марсилио Фичино в «Комментарии на „Пир“ Платона» писал: «Божественное безумие есть озарение разумной души, посредством которого бог душу, ниспадшую с высших областей к низшим, увлекает от низших к высшим».²¹ Столетие спустя эти же темы подробнейшим образом обсуждал и Франческо Патрици в «Поэтике».²² Дальнейшее углубление в европейскую историю концепции «поэтического безумия» уведет нас в сторону, к сожалению, сейчас нет возможности обсудить и психолого-физиологические аспекты «поэтического безумия» — имею в виду трактовку Аристотелем «меланхолии», исключительно важной концепции и даже темы в русской поэзии

¹⁷ Гораций. Собрание сочинений. СПб., 1993. С. 345.

¹⁸ Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 1. С. 91.

¹⁹ Платон. Избранные диалоги. М., 1965. С. 208.

²⁰ Там же. С. 262. Ср.: Григорьева Н. И. Вдохновение и творчество в поэтике платоновских диалогов // Античная поэтика. М., 1991. С. 135–157.

²¹ Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 1. С. 230.

²² Там же. Т. 2. С. 124–141.

конца XVIII — начала XIX в., от Карамзина до Жуковского. Очевидно, что у нас есть все основания полагать, что на прижизненных портретах Ломоносова запечатлен высший миг творчества — поэт находится в состоянии «поэтического восторга (безумия)», о чем сказал и сам Ломоносов в «Хотинской оде»:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой.

И румянец на щеках Ломоносова, известный по портрету Л. С. Мировпольского — это тот румянец, о котором писал Рипа, это знак внутреннего возбуждения. На гравюре Вортмана перед Ломоносовым на столе лежат транспортир, циркуль, треугольник, листы бумаги, стоят чернильница, микроскоп, далее виден глобус, т. е. инструменты, необходимые для научной работы, которой Ломоносов и занимался в тот момент, когда на него снизошло внезапное вдохновение. Таким образом, и поэт, и художник XVIII в. были согласны в том, что вдохновение ниспосылается внезапно, предугадать его невозможно.

Furog poeticus на русский язык переводилось и переводится по-разному, прием вариант «поэтическое безумие» просто для удобства изложения. В русской терминологии XVIII в. это понятие обозначали и как «восторг» (Феофан Прокопович), и как «энтузиазм» (В. К. Тредиаковский).²³ Только в последние годы *furog poeticus* становится предметом пристальных изучений историками русской литературы.²⁴

Нельзя сказать, что в России концепции «поэтического безумия» была в XVIII в. сразу встречена сочувственно. Так, Феофан Прокопович относился к ней весьма скептически. «Этот пресловутый, как говорят, небесный порыв, который одни прозвали восторженностью (*furogem*), а другие энтузиазмом (*enthusiasmum*), без помощи наставников окажется, если верить Горацию, бесполезным».²⁵ Еще резче Феофан высказался в 1720 г.

²³ В экземпляре «Иконологии» (Амстердам, 1644), принадлежавшем А. Виниусу, подписи под гравюрами переведены на русский язык, надпись к занимающему нас изображению выглядит так: «*Furoge poético* — Стихотворение, пиитика»; отметим, что рядом помещена другая гравюра с подписью: «*Furoge* — Беснование», см.: Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса: Каталог / Сост. Е. А. Савельева. СПб., 2008. С. 164.

²⁴ См.: *Погосян Е.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Tartu, 1997; *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005; *Шарихина М. Г.* Восторг в поэтическом языке М. В. Ломоносова и в Четьих Минях Димитрия Ростовского (к вопросу о церковнославянском субстрате одического восторга) // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.3. P. 816–836.

²⁵ *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 345.

в «Слове похвальном о флоте российском»: «...суесловие есть, естьли не безумие, неких стихотворцев, котории так плавания воднаго ненавидят, что и первых того изобретателей проклинают. Обычно господа онии вымыслы своя нарицают неким восхищением, или восторгом, — да часто им в восторгах своих недоброе видится».²⁶

А вот для Третьяковского концепция «поэтического безумия» была вполне приемлема, и он, как кажется, писал о нем более других. Ему принадлежит и первое и чуть ли не единственное подробное описание поэтического восторга, изложенное им в письме к Шумахеру 1 июня 1733 г. (письмо на франц. яз.): «В одну минуту я взбираюсь на Парнас, где на беду я не нашел ни своенравных муз, ни сущего говоруна Аполлона, к которым я хотел обратиться помочь мне намаракать помянутые стихи. <...> И вот сначала послышался голос очень тихий и прелестный, совершенно растрогавший мое сердце, и звуки гармонической лиры, на которой играли с изумительной грациею. Чудесное движение меня охватило так могущественно, что я пришел в восторг. Тогда несмотря на иступление, которое чувствовал в себе под влиянием этой гармонической и небесной мелодии, мне не хотелось выдти из такого состояния, так как в нем я испытывал невообразимую негу и ни с чем несравненное удовольствие. Чем более пели, тем сильнее мои чувства предавались восторгу. <...> Потеряв способность чувствовать все прелести мира, я только был чутким и привязанным к тихим звукам. Они были произносимы так явственно, что я не проронил из них ни одного слова».²⁷ Несмотря на несколько искусственный и чрезмерно лестный по отношению к Шумахеру характер описания, очевидно, что концепция поэтического экстаза Третьяковскому близка.

В «Рассуждении о оде вообще» (1734) Третьяковский опять говорит об энтузиазме как о безусловно высшем достоинстве поэтического творчества и, что примечательно, как раз по случаю чтения латинской оды Феофана Прокоповича 1727 г. В 1750 г. Третьяковский дал такое синонимическое определение: «пиитический жар, называемый энтузиасмом».²⁸ Для обозначения состояния «поэтического жара» Третьяковский исполь-

²⁶ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 106.

²⁷ Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 41.

²⁸ Третьяковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю, 1750 // Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в. / Издал А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 438.

зует в оде 1734 г. оксюморон «трезвое пианство».²⁹ Примечательно, что Третьяковский и Ломоносов в первом стихе своих первых од упоминают «поэтический экстаз»: «трезвое пианство» и «восторг» соответственно.

Еще одно определение «поэтического восторга» дал Г. Р. Державин в «Рассуждении о лирической поэзии», в котором слышится и личный опыт автора: «Вдохновение не что иное есть, как живое ощущение, дар Неба, луч Божества. Поэт, в полном упоении чувств своих разгораясь свышним оним пламенем или, простее сказать, воображением, приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце. Не разгораясь не чувствуя себя восхищенным, и приниматься он за лиру не должен. Вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта, как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободрением, поддерживается окружными видами, согласными со страстью, которая его трогает, и обнаруживается впечатлением, или изливанием мыслей о той страсти, или ее предметах, которые воспеваются. В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения; оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений. От того-то в превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, то особую краску и приятность в себе имеющее. Но вдохновение может быть не всегда высокое, а чаще между порывным и громким посредственное, заемлемое от воспеваемого предмета, обстоятельств, или собственного состава и расположения поэта; а потому и может быть у всякого свое и по временам отличное вдохновение по настроению лиры, или по наитию гения. Исчислять все его виды было бы весьма пространно».³⁰ Очевидно, что Державину ближе определение вдохновения, восходящее к идеям платонизма и неоплатонизма, которые художественное творчество, возбужденное божественным вмешательством, ставили выше ремесленного следования правилам поэтики и риторики.

История категории *furor poeticus* в русской литературе пока не написана и полностью еще не исследована. Но, кажется, не будет преувеличением сказать, что она генетически связана с пиндарической одой

---

²⁹ См. о нем: Живов В. М. Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в. и рецепция спора «древних» и «новых» // История культуры и поэтика. М., 1994. С. 69–70.

³⁰ Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 280–281. Ср.: Державин Г. Р. Соч. СПб., 1872. Т. 7. С. 523.

и отходит на второй план вместе с этой одой, но, разумеется, полностью вовсе не исчезает из эстетики и из самого творчества. Вторая половина XVIII в., как кажется, не знает развернутых описаний поэтического экстаза. Портреты, кстати, являются красноречивым тому подтверждением. Это коснулось и Ломоносова. На смену каноническому изображению приходят более традиционные: на портрете конца века Ломоносов еще сохраняет позу, но рука уже оторвана от бумаги, при этом рукопись у нижнего края портрета обращена к зрителю и можно легко прочесть название поэмы: «Петр I». Здесь изображено состояние задумчивости и созерцания, уже актуальных для новой литературной эпохи, но вовсе не «восторга» или «пиитического жара». А в начале XIX в. Ломоносов на портрете уже не отличается от своих собратьев по перу.³¹

Разбираемый иконографический тип встречается еще в одной области западноевропейской, а также русской иконографии, причем появился он задолго до «Иконографии» Ч. Рипа, а именно, в изображениях евангелистов.³² Например, изображение евангелиста Марка (781–783 гг., дворцовая школа Карла Великого) удивительно совпадает с позой Ломоносова.³³ Но в этом совпадении нет ничего удивительного. Как показали исследования искусствоведов, типы изображений богодухновенных евангелистов как в византийской, так и в западноевропейской иконографии восходят к античным изображениям поэтов и философов.³⁴ В русской иконографии евангелистов подобный тип встречается уже в Остромировом евангелии (1056–1057 гг.). Разумеется, русскому читателю этот иконографический тип был более известен по изображениям евангелистов, а не по трудам итальянского полигистора. Однако это обстоятельство не дает, на мой взгляд, оснований для предположений о сакрализации и тем более о кощунственном восприятии портрета Ломоносова в контексте иконографии евангелистов. Нет никаких оснований считать, что подобные мысли могли прийти в голову Фессару, Вортману или Ло-

³¹ См.: *Глинка М. Е.* М. В. Ломоносов. (Опыт иконографии).

³² См.: *Квливидзе Н. В.* Евангелисты. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 700–703.

³³ См.: *Мажуга В. И.* Изображение писцов в искусстве раннего средневековья (конец VIII — XI в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11. Рис. 3 на вклейке (между с. 272–273).

³⁴ См.: *Friend A. M.* The Portraits of Evangelists in the Greek and Latin Manuscripts // Art Studies, medieval, renaissance and modern. Cambridge (Mass.). 1927. Vol. 5. P. 115–147; 1929. Vol. 7. P. 3–29; *Квливидзе Н. В.* Евангелисты. Иконография. С. 702; *Мажуга В. И.* Изображение писцов в искусстве раннего средневековья. С. 276–277.

моносову, а затем и Миропольскому. К середине XVIII в. светская и сакральная живопись уже не имели тесных точек соприкосновения. Тем не менее, сходство иконографических типов на изображениях евангелистов и Ломоносова заслуживало упоминания, поскольку, в конечном счете, оба типа восходят к одной античной традиции изображения homo scribens.

Таким образом, прижизненная иконография Ломоносова — это еще и замечательный памятник отечественной литературной эстетики. То обстоятельство, что эти портреты при безусловной известности (живописные повторы и многочисленные гравюры) не породили подражаний, лишний раз подчеркивает осознававшееся всеми особое место Ломоносова в русской поэзии. К ранним портретам Ломоносова вполне можно отнести слова Державина о Львове: «Казалось, сами музы рукой его водили». ³⁵

---

³⁵ *Львов Н. А.* Избранные сочинения. СПб., 1994. С. 364.

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ЛОМОНОСОВА И ОТКЛИК НА НЕГО СУМАРОКОВА

В сентябрьском номере «Трудолюбивой пчелы» было опубликовано стихотворение А. П. Сумарокова «Стихи, сделанные из чужих русских стихов, на победу над пруссаками 12 июля 1759», вошедшее затем в его «Полное собрание всех сочинений»:

Европа и весь мир, монархиня, свидетель,
Как Вышнему твоя любезна добродетель;
Благословляет он главы твоей венец,
И в воинстве твоём бесстрашие сердец:
Умножил мужество и действия геройски,
Бегут рассыпанны врагов твоих днесь войски.
Союзникам ты щит и ужас ты врагам,
Благополучие и вечна слава нам;
А мы любя и чтя свою императрицу,
Целуем радостно пресильную десницу.¹

Смысл стихотворения ясен, но не вполне понятно, для чего было нужно воспевать победу русского оружия «стихами, сделанными из чужих русских стихов»? Первое, что приходит на мысль — это центон. Однако центон практически не встречается в русской поэзии XVIII в.² С одной стороны, для составления центона нужно обладать определенным семинарским остроумием и трудолюбием; с другой, в то время русская поэзия еще не обладала одним из важнейших условий для состав-

---

¹ Трудолюбивая пчела. 1759. Сентябрь. С. 570–571 (подпись — «А. С.»); Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. 2-е изд. М., 1787. Ч. 9. С. 172.

² См.: Drage C. L. Russian Word-Play Poetry from Simeon Polotskii to Derzhavin. Its Classical and Baroque Context. London, 1993. P. 88; Николаев С. И. Кириак Кондратович — переводчик польской поэзии // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 79–80.

ления центона — устоявшимся каноном русских авторов, более того — общепринятым хрестоматийным школьным каноном. Сумарокова же вообще трудно представить себе автором центона. Вместе с тем очевидно, что Сумароков переделал чьи-то стихи. И его образец отыскивается в июльском номере журнала «Праздное время в пользу употребленное». Это опубликованное анонимно стихотворение «На преславную победу, полученную российским войском над пруским в Силезии, 12 июля 1759 года»:

Европа и весь свет, монархия, свидетель
Пред Вышним, коль твоя любезна добродетель.
Он ревность храброю в полки твои вложил
И гордых сопостат коварну мочь сломил,
Бегут рассыпаны, зря прежние трофеи,
И посрамления сугубят тем идеи.
О нашем торжестве противники скорбят,
Союзники твою святую верность чтят.
О счастлив, счастлив, кто десницу ту лобзает,
Которой силами Бог гордых усмиряет.³

Почти полное совпадение первых двух строк, объема, один и тот же повод к написанию и одна и та же дата победы не позволяют сомневаться в том, что именно это стихотворение переделывал Сумароков. И именно это стихотворение я собираюсь атрибутировать Ломоносову. Поскольку речь идет о небольшом стихотворении довольно общего содержания, то методы содержательного, лингвостилистического или стиховедческого характера не могут предоставить нам убедительных аргументов, поэтому атрибуцию лучше всего начать с анализа имеющихся документальных и биографических сведений. Но сначала уточним хронологию событий: итак, сражение при Пальциге состоялось 12 июля, поручик И. Салтыков прибыл в Петергоф с известием о победе «около полудни» 22 июля, о чем «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили 23 июля,⁴ подробная реплика о победе была напечатана в «Прибавлении к Санкт-Петербургским ведомостям» 30 июля, а стихотворение анонима было напечатано в «Праздном времени» 31 июля. Стихотворение опубликовано без имени автора, но с припиской после текста: «Писано в Гостилицах 25 июля того ж года». Гостилицы — это имение К. Г. Разумовского, расположенное неподалеку от Петергофа.

---

³ Праздное время в пользу употребленное. 1759. Июль, 31 дня. С. 63.

⁴ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1759. 23 июля. № 59. С. 465.

Ломоносов в «Росписи упражнений сего 1759 года», составленной в декабре того же года, перечислил свои многообразные труды и, в частности, выделил пункт «Сочинил краткие стихи», в котором назвал пять стихотворений. Из них до нас дошло только два: «На Фортуну» и «На Петров день в Петергофе». Одно из трех недошедших стихотворений особого названия не имеет и было охарактеризовано им как стихи «На победу у Пальцига, будучи в Гостилицах».⁵

Когда Ломоносов мог написать эти не дошедшие до нас стихи? Судя по «Летописи жизни и творчества М. В. Ломоносова», во второй половине 1759 г. в Гостилицах он не был, а посещение им имения Разумовского в этом году⁶ документируется только цитированными словами из «Росписи упражнений». Тем не менее время посещения им Гостилиц можно уточнить. 19 июля Ломоносов сообщил в Канцелярию, что должен на несколько дней поехать в Усть-Рудицу для осмотра своей фабрики. 20 июля он получил разрешение и в ближайшие дни выехал туда, возможно, 23 или 24 июля. В Петербург Ломоносов возвратился до 11 августа.⁷ После 20 августа Ломоносов приступил к работе над одой на день тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны «и на преславные ее победы, одержанные над королем прусским нынешнего 1759 года».⁸ Поскольку к этому времени русские войска под командованием генерала П. С. Салтыкова одержали еще ряд побед, о которых также идет речь в оде, в том числе 1 августа при Кунерсдорфе, то очевидно, что упомянутые Ломоносовым стихи «На победу у Пальцига» могли быть написаны «будучи в Гостилицах» только до начала работы над одой, позднее это просто не имело смысла. Этому не противоречит и датировка стихотворения в «Праздном времени» — «Писано в Гостилицах 25 июля».

Какие стилистические подтверждения атрибуции можно обнаружить в стихотворении, опубликованном в «Праздном времени»? К первому двустушию «Европа и весь мир, монархиня, свидетель Пред Вышним, коль твоя любезна добродетель» отыскивается параллель в оде Ломоносова 1748 г.: «Европа и весь мир свидетель... Колика ныне добродетель».⁹ Стих «И гордых сопостат коварну мочь сломил» нашел отраже-

⁵ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 396.

⁶ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 303.

⁷ См.: Там же. С. 316–317.

⁸ См.: Там же. С. 317–318.

⁹ Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 124. (Б-ка поэта; Большая серия).

ние в оде 1759 г.: «Дабы коварну мочь сломить».¹⁰ Следующий стих «Бегут рассыпаны, зря прежние трофеи» отразился в стихе из той же оды «Рассыпаны от наших рук». Стихотворение в «Праздном времени» слишком невелико по объему, чтобы продолжить отдельные лексические сопоставления, однако и приведенных достаточно для вывода, что и в стилистическом плане это стихотворение также не противоречит атрибуции стихотворения Ломоносову.

Таким образом, стихотворение «На преславную победу, полученную российским войском над пруским в Силезии, 12 июля 1759 года», опубликованное в «Праздном времени», я считаю тем самым стихотворением «На победу у Пальцига, будучи в Гостилицах», которое Ломоносов назвал в «Росписи упражнений сего 1759 года». Дело, вероятно, обстоит следующим образом. Ломоносов в начале 20-х чисел июля выехал из Петербурга в Усть-Рудицу, по дороге заехал в имение Разумовского Гостилицы, где, возможно, и узнал об одержанной победе у Пальцига. Вероятно, по просьбе Разумовского он написал 25 июля небольшое стихотворение, которое и было опубликовано в «Праздном времени». Сама публикация была осуществлена, скорее всего, без участия автора (в Петербурге он отсутствовал), а «Праздное время» (номер от 31 июля) выбрано для скорейшей публикации, поскольку следующий номер «Санкт-Петербургских ведомостей» вышел только 3 августа.

Вернемся к стихотворению Сумарокова, напечатанному в сентябрьском номере «Трудолюбивой пчелы». Очевидно, что это отклик на стихотворение Ломоносова и отклик, безусловно, полемический. Нет сомнений, что авторство анонимно опубликованного стихотворения не составляло тайны для Сумарокова (с одой 1759 г., печатание которой было начато 2 сентября, а завершено 10, он уже был, возможно, знаком). В чем же смысл этого отклика и его необычной формы — «Стихи, сделанные из чужих русских стихов»? Сумароков, несомненно, заметил, что стихотворение Ломоносова представляет собой набор общих мест и поэтических формул его поэзии, ранее уже им использованных. В своем полемическом ответе он не столько иронизировал над Ломоносовым (повод для этого был совершенно неподходящий), сколько вступил с ним в очередное поэтическое состязание и попытался «исправить» особенности ломоносовского стиля. В отличие от «вздорных од» стихотворение Сумарокова по содержанию совершенно серьезно и вовсе не пародийно

---

¹⁰ Там же. С. 153.

по форме: его первое двустипие повторяет первое двустипие Ломоносова почти дословно, что сделано для лучшего опознания образца. Отдельные словосочетания повторены либо без изменений («Бегут рассыпаны») либо незначительно стилистически переделаны («десницу ту лобзает» — «целуем ... десницу»); для стиха «Он ревность храброу в полки твои вложил» подобрана сглаженная перифраза «И в воинстве твоём бесстрашие сердец». Вместе с тем Сумароков убрал любимые Ломоносовым слова «мочь» и «трофеи», заменил все глагольные рифмы именными, убрал перенос в первом двустипии¹¹ и полностью снял стих «И посрамления сугубят тем идеи», который просто не поддается перифразе. Помимо стилистических поправок Сумароков внес в свой вариант и одно содержательное изменение. Предпоследний стих Ломоносова «О счастлив, счастлив, кто десницу ту лобзает» имеет в виду, по всей вероятности, Разумовского, тогда как Сумароков в стихе «А мы любя и чтя свою императрицу» подразумевает все общество.

Остальная часть стихов представляет собой в целом перифраз ломоносовского стихотворения, это не столько очень удачный пастиш или стилизация, сколько намеренно «улучшенное» ломоносовское стихотворение. Дело в том, что в 1740–1750-х гг. и Тредиаковский, и Ломоносов, и Сумароков в отзывах на сочинения друг друга неизменно отмечали не понравившиеся им места и предлагали свои исправления, которые касались и языка, и стиха, и стиля. Так, Тредиаковский в направленном против Сумарокова «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанном от приятеля к приятелю» (1750), отметив неудачное или неправильное, по его мнению, место, предлагал свой вариант, сопроводив замечанием «двустипие сим образом могло б быть исправно» или «надобно б лучше следующему быть двустипию».¹² Сам Сумароков в небольшой заметке «Рассмотрение од г. Ломоносова» даже выделил отдельный пункт «Строфы, по моему мнению, требующие большого исправления».¹³ Как именно предполагалось исправлять оды, Сумароков продемонстрировал в статье «Критика на оду», посвященной разбору оды Ломоносова 1747 г., в которой Сумароков неодно-

¹¹ «Непростительные переносы» Ломоносова Сумароков отмечал и в статье «Критика на оду», см.: *Сумароков. Стихотворения*. Л., 1935. С. 347, 348.

¹² Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в. / Издал А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 485–486.

¹³ См.: *Сумароков. Стихотворения*. С. 381.

кратно употребил формулы «надлежало бы сказать», «надлежало написать», «лучше бы сказать», «надобно бы было сказать» и привел свои варианты «исправленных» им выражений и недочетов.¹⁴

«Стихи, сделанные из чужих русских стихов» представляют собой, вероятно, единственный в своем роде образец полностью «исправленного» чужого стихотворения в соответствии со своими литературными взглядами и вкусами. Сумароков посчитал возможным и нужным перевести ломоносовскую одическую стилистику на свой поэтический язык, ведь его стих «Союзникам ты щит и ужас ты врагам» также является устоявшимся одическим клише. Правда, в стихотворении Сумарокова как раз от ломоносовского стиля ничего не осталось, а потому и подпись Сумарокова под стихотворением стоит вполне закономерно.

Сумароков воспользовался случаем, чтобы лишний раз уколоть Ломоносова. Суть его выпада, как представляется, заключалась в следующем: продемонстрировать, как именно и каким стилем надо писать такие стихи.

Отклик Сумарокова на стихотворение Ломоносова стал очередным этапом их долгой литературной полемики, которая этим эпизодом не завершилась. В том же 1759 г. Ломоносов написал эпиграмму «Злобное примирение господина Сумарокова с господином Третьяковским», в которой назвал очевидную для него причину «злобности» Сумарокова: желание заглушить «криком муз российских чистый глас» и «Пробиновых (т. е. самого Ломоносова. — С. Н.) хвалу унижить од».¹⁵ Вскоре Сумароков написал «Дифирамв» и несколько «вздорных од», в которых одический стиль Ломоносова был подвергнут уже безжалостному осмеянию. В этой атмосфере открытого выступления Сумарокова против Ломоносова полемически заостренные, хотя еще не враждебные «Стихи, сделанные из чужих русских стихов» отступили на второй план полемики, а затем смысл этого небольшого эпизода полемики был забыт.¹⁶

---

¹⁴ См.: Там же. С. 344–354.

¹⁵ Ломоносов М. В. Избранные произведения. С. 268.

¹⁶ См. также: Рогов К. Новые примечания к «Стихам, сделанным из чужих стихов» (К поэтике и эволюции малого панегирического жанра в середине XVIII века) // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. М., 2005. С. 372–380.

ПЕРЕВОДИЛ ЛИ ЛОМОНОСОВ РОМАН ФЕНЕЛОНА?

Первый русский перевод «Похождений Телемака» Ф. Фенелона был напечатан в 1747 г. без имени переводчика, но с указанием, что «переведено на российский язык в 1734 году». В 1935 г. А. С. Орлов убедительно атрибутировал перевод А. Ф. Хрущеву.¹ В немногих упоминаниях этого перевода в позднейшей литературе встречаются противоречивые суждения, но не они вынуждают нас обратиться к истории «Похождений Телемака». В 1974 г. М. В. Ломоносову был атрибутирован перевод двух книг второй части романа Фенелона, причем атрибуция носила столь категорический характер, что «ломоносовский» перевод был помещен в «Полном собрании сочинений» Ломоносова.² При ближайшем рассмотрении атрибуция оказывается не столь безупречной, но прежде чем заняться атетезой, необходимо вернуться к изданному в 1747 г. переводу, к его атрибуции и датировке.

В 1908 г. А. И. Соболевский перечислил три списка «Похождений Телемака», переведенных, как указывают заглавия, в Петербурге в 1724 г.³ А. С. Орлов в названной статье указал четыре новых списка, позднее Д. С. Бабкин добавил к ним еще один.⁴ Всего же в настоящее время выявлено 12 списков этого перевода,⁵ который и был издан в 1747 г.

---

¹ См.: Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 11–15.

² См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Л., 1983. Т. 11. С. 152–162.

³ Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи. СПб., 1908. С. 25–26.

⁴ Бабкин Д. С. Неизвестные страницы Ломоносова: (Перевод глав из романа Ф. Фенелона «Похождения Телемака») // Русская литература. 1974. № 4. С. 101.

⁵ РНБ, собр. ОЛДП F.117; F.XV.55; F.XV.13; собр. Колобова, № 396; БАН, 31.4.27; собр. музея Приенисейского края, № 114; РГБ, собр. ОИДР, № 101; собр. Ундольского, № 944; собр. Беляева, № 1564; собр. Музейное, № 3596; ПФА РАН, р. II, оп. 1, № 91; ГИМ, собр. Уварова, № 494. Список с изд. 1747 г. — РНБ, Пост. 1966.36.

Ни в издании, ни в списках переводчик не назван. А. С. Орлов (ссылаясь на указание П. Н. Беркова) привел запись из дневника С. А. Порошина: «Зашла речь о Телемаке. Его превосходительство Никита Иванович изволил говорить, что ему сей книги на русском языке никогда видеть не случилось. Доносил я ему, что есть она переводу г. Хрущева, и что я для его превосходительства ее достану».⁶ Исходя из этого свидетельства, А. С. Орлов атрибутировал перевод известному «конфиденту» А. П. Волинского Андрею Федоровичу Хрущеву и подкрепил атрибуцию цитатой из допросов А. П. Волинского. Последний, в частности, говорил, что во время совместной работы в 1739 г. над «Генеральным проектом о поправлении государственных дел» Хрущев однажды возбужденно воскликнул: «Сочинение это будет полезнее книги Телемаковой».⁷

Атрибуция А. С. Орлова была принята составителями «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века»,⁸ но, видимо, не всем показалась убедительной. Иногда ее переводят в разряд предположений и «зыбких догадок»,⁹ а перевод считают анонимным¹⁰ либо даже совместным трудом Волинского и Хрущева.¹¹

Среди этих сомнений и разноречий забылось еще одно свидетельство XVIII в., о котором в 1955 г. напомнил А. Н. Соколов. В «Записке о русских писателях» Я. Я. Штелин писал, что И. С. Барков «почти совсем переделал и издал в 1761 году, в 4-ку, перевод Телемака, напечатанный Хрущевым, в 8-ку, еще в царствование императрицы Анны Иоанновны».¹² К достаточно убедительным свидетельствам Порошина и Штелина можно

⁶ Орлов А. С. «Телемахиды» В. К. Третьяковского. С. 14.

⁷ Там же. С. 15. Ср.: Корсаков А. Д. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891. С. 307.

⁸ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. М., 1966. Т. 3. С. 289.

⁹ Бабкин Д. С. Неизвестные страницы Ломоносова. С. 102. — Автор ссылается в данном случае прямо на «Записки» Порошина, который ничего не предполагал, а говорил утвердительно. Предположение принадлежит А. С. Орлову, работы которого Д. С. Бабкин не упоминает вовсе.

¹⁰ Алексеев А. А. Эпический стиль «Телемахиды» // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 79.

¹¹ См.: Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. Л., 1961. С. 13.

¹² Ефремов П. А. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. С. 164; ср.: Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955. С. 654.

добавить несколько данных, имеющих характер косвенных аргументов. Из описи библиотеки Хрущева известно, что у него было два французских издания «Похождений Телемака»,¹³ а в 1738 г. он перевел еще одно очень популярное сочинение Фенелона — «О воспитании девиц».¹⁴ Хранившаяся в библиотеке Волынского «Книга Телемакова, на русском»¹⁵ была, вероятно, как раз хрущевского перевода. Сам Волынский отношения к переводу не имел, так как Третьяковский, хорошо знавший, кто был переводчиком, писал только об одном «благоразумном и добронравном муже»,¹⁶ а в биографиях Волынского всегда подчеркивается, что языков он не знал. Атрибуция А. С. Орлова, таким образом, не только остается в силе, но и получает подкрепление.

Датировка перевода вызывает больше трудностей, поскольку известны две даты.¹⁷ А. С. Орлов, изучив четыре рукописи (указания А. И. Соболевского были, вероятно, ему неизвестны), пришел к следующему выводу: «Итак, один и тот же перевод датируется в рукописях то 1724 г. (три списка), то 1734 г. (один список). Можно было бы предположить, что этот единственный список, вообще безграмотный, ошибочно дал 1734 год вместо верного 1724, но такая его дата находит себе поддержку в печатном академическом издании того же самого перевода, которое вышло в 1747»,¹⁸ причем 1734 г. казался А. С. Орлову более вероятным, «если допустить, что перевод Телемака был сделан для Волынского».¹⁹

Рассмотрим эти доводы. Волынский, действительно, знакомился с западноевропейскими сочинениями по русским переводам, но все упоминаемые в свидетельских показаниях по его делу сочинения (Юста

---

¹³ См.: *Пореш В. Ю.* Библиотека А. Ф. Хрущева. (Собрание преимущественно французских книг) // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 265.

¹⁴ См.: *Хотеев П. И.* Французская книга в библиотеке Петербургской Академии наук (1714–1742) // Французская книга в России в XVIII веке: Очерки истории. Л., 1986. С. 38–40.

¹⁵ *Луттов С. П.* Библиотека Артемия Волынского // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1978. Л., 1979. С. 125.

¹⁶ Цит. по: *Орлов А. С.* «Телемахида» В. К. Третьяковского. С. 14.

¹⁷ В «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1972. Т. 7. Стб. 933) указан 1747 г., но это простая ошибка: год издания принят за дату перевода. Наоборот, И. Е. Баренбаум пишет, что перевод Хрущева издан в 1734 г., см.: *Баренбаум И. Е.* Начало издания французской переводной книги в России (первая четверть XVIII в.) // Книга. Исследования и материалы. М., 1976. Сб. 32. С. 104.

¹⁸ *Орлов А. С.* «Телемахида» В. К. Третьяковского. С. 14.

¹⁹ Там же. С. 15.

Липсия, Боккалини, Бесселя) были переведены еще в первой четверти XVIII в. — это показывают сохранившиеся списки. Перевод «Книги махиавелевой» до нас не дошел, к сожалению, но и ее список Волынский взял из конфискованной в 1737 г. библиотеки кн. Д. М. Голицына. Переводы, специально сделанные для Волынского, нам неизвестны. Между тем мы знаем достоверно, что переводческая деятельность Хрущева началась задолго до знакомства с Волынским. Еще в Голландии в 1719 г. он перевел с французского «Утешение духовное, или О следовании Иисусу Христу», сохранившееся во многих списках.²⁰ Затем последовал перевод «Похождений Телемака», а в 1738 г. он перевел «О воспитании девиц» Фенелона и «Наставление юной княжне» де ля Шетарди. Два последних перевода не сохранились, и о них мы знаем только по записям на французских оригиналах, принадлежавших Хрущеву.²¹ Запись на книге Фенелона — «Переведена на русский язык 1738 года во время печали» — также не дает оснований связывать переводы Хрущева с Волынским. Таким образом, перевод «Похождений Телемака» вряд ли делался для Волынского, напротив, он очень удачно вписывается в контекст переводной литературы Петровской эпохи, когда русскому обществу стали доступны в переводах наиболее значительные достижения европейской мысли в области политических доктрин. Это, кстати, и обусловило интерес Волынского к переводам только что минувшей эпохи.

1734 г. перевод датирован только в одном списке, архивном (ПФА РАН, р. II, оп. 1, № 91). Считать, что эта дата находит подтверждение в издании 1747 г., сейчас уже трудно, так как, судя по всему, книга печаталась как раз по этому списку.²² Недостатки и неисправность списка отмечал еще Третьяковский: «Списки с недостаточного его (переводчика. — С. Н.) во всецелом содержании перевода еще беспредельно недостаточнее произошли, а обносясь повсюду, расплодили и сами списки ж с себя, но толь пренесовершенные, что Тилемаха в них по заглавному токмо почитай имени узнавать стало можно. Из таких точно списков один достался академической типографии, которая Тилемаха и произвела печатным тиснением. Правда, видели тогда знающие люди все недостатки в том списке, с коего так называемый набор в типографии той производим был, и могли оным всех прежде чистого тиснения исправить, но крайнее

²⁰ *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. С. 4–5.

²¹ *Хотеев П. И.* Французская книга в библиотеке Петербургской Академии наук (1714–1742). С. 38–40.

²² См.: *Бабкин Д. С.* Неизвестные страницы Ломоносова. С. 100.

понуждение к скорости напечатания не допустило до того».²³ Конкретные погрешности этого списка будут указаны ниже, при рассмотрении «ломоносовского» перевода, но вторичность списка так очевидна и ошибки так многочисленны, что его свидетельства о дате перевода не могут считаться неоспоримыми. Так первоначально считал и А. С. Орлов, располагавший лишь тремя списками с 1724 г. на титульном листе. В настоящее время списков известно больше, и во всех перевод датирован 1724 г. (кроме уваровского, где год вообще не указан, и ОЛДП, где отсутствует первый лист). Подлинная дата перевода может, разумеется, сохраниться только в одном списке, такие случаи из переводной литературы начала XVIII в. известны,²⁴ но в данном случае у нас больше оснований доверять рукописной традиции.

Добавим одно соображение биографического характера. Списки и издание согласно показывают, что перевод сделан в Петербурге. Однако в марте 1734 г. Хрущев был назначен помощником В. Н. Татищева и должен был направиться на уральские заводы.²⁵ В дате выезда из Петербурга источники расходятся, называется даже начало 1735 г.,²⁶ но из сохранившегося письма 1734 г. В. Н. Татищева к Хрущеву видно, что по крайней мере осенью этого года он уже был на Урале,²⁷ т. е. большую часть 1734 г. Хрущев в столице не было. Совокупность всех приведенных фактов заставляет усомниться в авторитетности приводимых архивным списком сведений и склониться к датировке перевода в рукописной традиции.

Обзор всех материалов позволяет считать, что первый перевод «Похождений Телемака» был выполнен А. Ф. Хрущевым в 1724 г. в Петербурге, и именно этот перевод был издан в 1747 г.²⁸

В достаточно неясную историю этого перевода свою долю неясности и неосновательных суждений внесли работы Д. С. Бабкина. В 1974 г.

²³ Цит. по: Орлов А. С. «Телемахиды» В. К. Тредиаковского. С. 14.

²⁴ См.: Николаев С. И. Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 387–388.

²⁵ Русский биографический словарь. «Фабер — Цявловский». СПб., 1901. С. 444.

²⁶ Описание архива дел Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1884. Т. 4. С. 47; Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 405.

²⁷ См.: Горный журнал. 1828. Кн. 4. С. 95–98.

²⁸ В августе 1730 г. А. Аргамаков писал А. Вешнякову из Москвы в Константинополь: «Телемака я достал и <...> коль скоро спишу, немедля к вам пришло» (Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Тредиаковский и янсенисты // Символ. Paris, 1990. № 23. С. 210). Ясно, что Аргамакову не было смысла переписывать французский оригинал, речь может идти только о русском переводе.

появилась его статья «Неизвестные страницы Ломоносова», в которой автор атрибутировал Ломоносову перевод двух глав из «Похождений Телемака». Самое поразительное в этой атрибуции, принятой редакцией академического собрания сочинений, заключается в том, что в ее пользу автор не привел *ни одного* аргумента! Изучив обнаруженную А. С. Орловым архивную рукопись «Похождений Телемака», Бабкин пришел к выводу, что «двенадцать страниц ее (л. 169–174) представлены в собственноручном переводе Ломоносова. Эти страницы ни в каких описаниях его рукописей до сих пор не были упомянуты».²⁹ Из этой фразы можно понять, что перевод приписывается Ломоносову на основании почерка, хотя никакого анализа и сравнения почерков, не говоря уже о почерковедческой экспертизе, автор не приводит. Атрибуция произведений первой половины XVIII в. по почерку вообще крайне сомнительна, а в данном случае она не подкреплена ни стилистическим анализом, ни сравнением текстов. Все изложение Бабкина изобилует противоречиями. С одной стороны, автор признает, что в 1747 г. издавался старший перевод: в академической канцелярии «решили обновить его, отредактировать и в исправленном виде послать в типографию» (с. 104). С другой стороны, в академическом комментарии Д. С. Бабкин пишет, что перевод был издан «без указаний фамилий переводчиков в 1747 году».³⁰ Понятно, для чего Д. С. Бабкину понадобилось множественное число — иначе никак не объяснить, почему при издании перевода некоего «благоразумного и добронравного мужа» две главы перевел Ломоносов. Подытоживая свои разыскания, Д. С. Бабкин пишет: «Можно предположить, Ломоносов ввиду срочности работы обратился к существовавшему ранее переводу этого романа, сделав целый ряд исправлений и сокращений».³¹ Опять непонятно: Ломоносов переводчик или редактор? Судя по всему, редактор, но в статьях и в академическом комментарии он именуется переводчиком.

Ясность в эти вопросы может внести только обращение к текстам. Начнем с «ломоносовского» перевода. «Ломоносовская» тетрадь занимает шесть листов (л. 169–174) и включает часть 22 и часть 23 книг «Телемака», при этом текст начинается и кончается в середине предложения. Никаких аргументов в пользу того, что на этих листах помещен

---

²⁹ Бабкин Д. С. Неизвестные страницы Ломоносова. С. 100. Далее ссылки на эту статью даются в тексте.

³⁰ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 211.

³¹ Там же. С. 212.

перевод Ломоносова, Д. С. Бабкин не привел по той простой причине, что их нет. Сам архивный список является небрежной и неряшливой копией более раннего списка, и этот список можно будет в дальнейшем обнаружить, чему поможет изложение содержания «Книги первой части» (л. 4 об.—6 об.) и «Книги вторья части» (л. 105—106 об.). Судя по этому изложению-оглавлению, в первой части первая книга начинается на л. 7, вторая — на л. 16, третья — на л. 27 (далее листы не указаны), но эти ссылки скопированы с оригинала переписчика, так как в самой рукописи первая книга начинается на л. 6 об., вторая — на л. 15, третья — на л. 24. Вторая часть архивного списка имеет свою фолиацию (от 2 до 83), а «Книги вторья части» дают: 13-я книга начинается на л. 149, 14-я — на л. 161, 24-я — на л. 275. Дальнейшее сопоставление не имеет смысла, так как во второй части по старой фолиации 83 листа, а по новой в рукописи 186 листов. Она переписана несколькими писцами, причем во второй части почерки меняются через несколько листов (возможно, что архивный список делался с расплетенного оригинала).

Вопрос о новом переводе решается простым сопоставлением архивного и других списков. Поскольку сопоставляться будет один и тот же текст, это позволяет дать «ломоносовский» перевод в разночтениях к переводу Хрущева. В качестве основного приводим текст по списку РНБ, собр. ОЛДП (Л. 230—231); в разночтениях архивный список обозначается буквой «Л», а список БАН, 31.4.27 — «Б».

Другое зло неизцельное — роскоши. Как великою властью цари упиваются, так весь парод роскошами. Говорят, что роскоши питают ³²убогих убытками ³²богатых, якобы убогие не могли лутчаго ³³пропитания ³⁴имети земледелием, не оскудя богатых людей. В роскошах весь народ обыкновенны ³⁵почитает ³⁶в житейскую нужду самая излишняя вещь, на всяк день новья нужды находят и не могут без таких вещей жити, которых прежде не знали. Сии роскоши называются доброе знание, совершенно ³⁷художеством и народное мудрование, ³⁸доброе знание совершенно. ³⁸Сие зло, которое приносит ³⁹еще множество других, похваляется яко добродетель ⁴⁰и отпускает ⁴⁰яд свой от царя даже до последнего че-

³²⁻³²убытками убогих Л.

³³лутче Б; лутчее Л.

³⁴припитание Л.

³⁵обыкнет Б.

³⁶почитати Б.

³⁷совершенство Б.

³⁸⁻³⁸Нет Б.

³⁹просит Л.

⁴⁰⁻⁴⁰испускает БЛ.

ловека. Ближния сродники царския хотят царю следовати, велможи⁴¹ яко царские сродники, посредние⁴² от народа хотят равняться велможам, понеже кто себе почтения не желает?⁴³ Всяк делает невозможное: един раскошамы хочет показаться богатым, иной от стыда скрывая свою бедность и воздержные люди сей великой непорядок осуждают и не смеют первее показать собою противнаго образа. Весь народ себя разоряет, все чины различные⁴⁴ не имеют желания богатства ради излишних раскошей,⁴⁵ непорочные люди соблажняются. Всяк хочет богатиться. убожество безчастием⁴⁶ называют.⁴⁷ Буди учен, премудр, и⁴⁸ добродетелен, учи людей побеждати⁴⁹ на войне, обороняй отечество, отдай все свое имение, но когда раскошамы своих талантов не покажеш,⁵⁰ никто тебя почитати не будет. Убогие кажут себя богатыми и делают великия раскоши, берут в заим, обманывают и промышляют всяким непристойным способом. ⁵¹Никто сего зла⁵¹ унять не⁵² может.⁵³ Надобно уставити новыя законы. Кто⁵⁴ может то делати кроме царя-философа, которой бы своим воздержанием показал образ и посрамил всех живущих в великих раскошах и воздержных в честном воздержании утвердил?

В архивном списке много описок, позднее исправленных другой рукой. Приводим описки и исправления, сделанные в только что процитированном «ломоносовском» фрагменте перевода.⁵⁵

Первоначальный текст	Исправленный текст
лутче	лучшее
обыкненный	обыкновенный
почитать	почитает
сей	сии
воздержанные	воздержные
желанием	желания
раскош	раскошей

⁴¹ Доб. хотят *БЛ*.

⁴² посредине *Л*.

⁴³ *Доб.* малые ищут по средним равняться *БЛ*.

⁴⁴ различия *Б*.

⁴⁵ раскош *Б*.

⁴⁶ несчастиям *Л*; безчестием *Б*.

⁴⁷ называется *БЛ*.

⁴⁸ *Нет БЛ*.

⁴⁹ побеждай *Б*.

⁵⁰ покажет *Л*.

⁵¹⁻⁵¹ никто сие зло *Л*; но кто сие зло *Б*.

⁵² Нет *Б*.

⁵³ *Доб.* надобно переменить нрав и обыкновение всего народа *Б*.

⁵⁴ Но кто *Б*.

⁵⁵ В публикации Д. С. Бабкина (с. 108) эти исправления учтены и названы «ломоносовскими».

Первоначальный текст	Исправленный текст
непорочным	непорочные
почти	почитати
кажет	кажут
посравил	посрамил
живущих великих	живущих в великих

Механический характер этих описок и ошибок очевиден, и это ошибки переписчика, а не переводчика. Из сопоставления текстов, анализа различений и описок явствует, во-первых, что в архивном списке читается старый, никак не редактированный перевод и, во-вторых, что архивный список содержит вторичные, испорченные чтения: повтор слов «доброе знание совершенно», пропуск части фразы в конце фрагмента и пр. И это даже не индивидуальные особенности списка, а механический повтор ошибок оригинала переписчика, первоначальные же чтения часто дает список БАН, 31.4.27, а также другие списки. В качестве основного список ОЛДП выбран не только из-за этих совпадений. Д. С. Бабкин пишет, что Ломоносов в своем переводе сделал ряд сокращений, в частности, в начале книги 23 опущен эпизод о целесообразности гаданий по полету птиц (с. 104–105). В списке ОЛДП этот фрагмент также отсутствует. Сопоставление текстов подтверждает суждение В. К. Третьяковского о списке, по которому печатались «Похождения Телемака», и полностью отвергает атрибуцию Д. С. Бабкина.

Остается нерешенным вопрос об автографе Ломоносова. Экспертиза почерка вряд ли теперь необходима, поскольку привлечение Ломоносова для переписки шести листов сомнительно, но попутно отметим, что сравнение «ломоносовской» тетради архивного списка с автографами Ломоносова 1747 г. («Краткое руководство к красноречию») показывает явное несходство почерков.

При издании в 1747 г. перевода Хрущева было опущено небольшое предисловие, в котором говорится о появлении самой книги Фенелона и ее достоинствах. А. И. Соболевский считал его переводом с французского,⁵⁶

⁵⁶См.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. С. 25–26. А. Ф. Хрущев пользовался изданием, которое было напечатано с «аржинального манускрипта»; первое такое издание вышло в 1717 г., и переводчик мог воспользоваться одним из девяти изданий, вышедших до 1724 г. (см.: *Cherel A.* Fénelon au XVIII siècle en France: (Supplement): Tableaux bibliographiques. Fribourg, 1917). К сожалению, эти издания отсутствуют в петербургских библиотеках. Судя по просмотренным изданиям 1730-х гг., напечатанное там предисловие могло дать материал, но безусловно не было оригиналом для перевода.

хотя не исключено, что его написал сам Хрущев.⁵⁷ В 1980 г. Д. С. Бабкин опубликовал статью «Новонайденная работа Ломоносова», в которой перепечатал предисловие и приписал его Ломоносову.⁵⁸ Д. С. Бабкин приводят много доводов, которые объясняют, почему Ломоносов мог написать предисловие, но всего один аргумент для атрибуции: больше никто в Академии наук не мог написать такого предисловия. Наличие предисловия в других списках Д. С. Бабкин объясняет содействием Ломоносова в распространении своего сочинения.

Эта атрибуция опровергается как текстологически, так и простой логикой: каким образом при переписке архивного списка в других рукописях появлялся 1724 г. на титульном листе и восстанавливались пропуски в тексте? Но в данном случае можно обойтись без привлечения текстов. Предисловие, по словам А. И. Соболевского, есть и в списке РГБ, собр. Беляева, № 1564. В рукописи есть датированная владельческая запись: «От флота лейтенант Иван Татищев, 1739, Москва».⁵⁹ Таким образом, к предисловию Ломоносов не имел и не мог иметь никакого отношения.⁶⁰ Запись в списке Беляева интересна и другим: Иван Федорович Татищев (1700–1754) в 1730-х гг. был, как и А. Ф. Хрущев, советником адмиралтейской конторы,⁶¹ что косвенно еще раз подтверждает атрибуцию перевода Хрущеву.

Далеко не каждый перевод Петровской эпохи поддается атрибуции или точной датировке. Большая часть переводной литературы остается анонимной. Но при анализе имеющихся био- и библиографических све-

---

⁵⁷ Хрущев написал очень интересное предисловие к переводу «Утешения духовного», значительные выдержки из него см. в кн.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Ч. 2. С. 208–210. Ср.: Николаев С. И. О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи: (К постановке вопроса) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 109–122. (XVIII век: Сб. 15).

⁵⁸ См.: Бабкин Д. С. Новонайденная работа Ломоносова // Русская литература. 1980. № 3. С. 143–150.

⁵⁹ Виктор А. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 33.

⁶⁰ Неубедительность атрибуции предисловия была очевидна и для редакции академического собрания сочинений Ломоносова: предисловие не было включено в 11-й, дополнительный том (1983). Так называемый «ломоносовский» перевод «Похождений Телемака» Фенелона не был включен во второе издание академического «Полного собрания сочинений» Ломоносова (2011).

⁶¹ См.: Татищев С. С. Род Татищевых: 1400–1900. СПб., 1900. С. 85–86; Общий морской список. Ч. 1. С. 367–368.

дений необходимо учитывать, что атрибуция и датировка — лишь частные вопросы истории текста памятника и они не могут быть разрешены без текстологического его изучения с привлечением всего доступного материала.⁶²

---

⁶²См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 552.

А. П. СУМАРОКОВ — ПЕРЕВОДЧИК С РУССКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Стихотворный перевод в пределах одного языка (например, с русского на русский) не относится к разряду самых распространенных видов художественного перевода. М. Л. Гаспаров справедливо заметил, что «русской поэтической традиции такие разработки чужды».¹ Это, однако, вовсе не значит, что они были неизвестны. Более того, в свое время они были даже предусмотрены руководствами по поэтике. Феофан Прокопович в лекциях по поэтике (1705) рекомендовал, в частности, своим слушателям для лучшего овладения поэтическим искусством «передать произведение какого-нибудь писателя другим размером <т. е. на том же языке. — *С. Н.*>, или на другом языке, или выразить более подробно то, что у него дано кратко или — наоборот».² Образцы такого учебного перевода на восточнославянской почве дал еще ранее Феофана Прокоповича Симеон Полоцкий, который перевел с польского языка на польский же цикл стихотворений польского поэта Миколая Кохановского (ок. 1533–1582), сначала изменив при переводе 13-тисложник оригинала на 11-тисложник, а затем сократив свой же перевод в три раза.³ Можно полагать, что Симеон Полоцкий выполнил эти переводы в учебных целях, но поскольку он не указал своего образца, то эти стихотворения печатаются в корпусе сочинений Симеона Полоцкого как его оригинальные произведения.

---

¹ Гаспаров М. Л. «Переводчик» Д. С. Усова: с русского на русский // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 198.

² Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 353. См. также: Аверина Т. Б. Переложение Катулла в трактате Феофана Прокоповича «De arte poetica» // Очерки по исторической лексикологии русского языка. СПб., 1999. С. 83–88.

³ См.: Николаев С. И. Миколай Кохановский в обработке Симеона Полоцкого // *Rusica Romana*. Vol. 7. 2000. P. 11–22.

Перевод в границах одного языка мог преследовать и вполне серьезные цели, а не только обучения либо пародии и создания травестийного текста. Так, в 1759 г. в журнале «Праздное время в пользу употребленное» было напечатано без указания имени автора небольшое стихотворение М. В. Ломоносова «На преславную победу, полученную российским войском над пруским в Силезии, 12 июля 1759 года»:

Европа и весь свет, монархиня, свидетель
Пред Вышним, коль твоя любезна добродетель.
Он ревность храбрую в полки твои вложил
И гордых сопостат коварну мочь сломил,
Бегут рассыпаны, зря прежние трофеи,
И посрамления сугубят тем идеи.
О нашем торжестве противники скорбят,
Союзники твою святую верность чтят.
О счастлив, счастлив, кто десницу ту лобзает,
Которой силами Бог гордых усмиряет.⁴

Два месяца спустя в «Трудолюбивой пчеле» появились «Стихи, сделанные из чужих русских стихов, на победу над прусаками 12 июля 1759» А. П. Сумарокова, для которого авторство анонимно опубликованного стихотворения секретом, конечно, не являлось:

Европа и весь мир, монархиня, свидетель,
Как Вышнему твоя любезна добродетель;
Благословляет он главы твоей венец,
И в воинстве твоём бесстрашие сердец:
Умножил мужество и действия геройски,
Бегут рассыпанны врагов твоих днесь войски.
Союзникам ты щит и ужас ты врагам,
Благополучие и вечна слава нам;
А мы любя и чтя свою императрицу,
Целуем радостно пресильную десницу.⁵

Эту переделку Сумарокова нельзя назвать стилизацией, пастишем или пародией — повод для сарказма или иронии был совершенно неподходящий, поскольку в стихотворении речь идет о первой серьезной победе русского оружия в Семилетней войне. И это, конечно, не состоя-

---

⁴Праздное время в пользу употребленное. 1759. Июль, 31 дня. С. 63. Обоснования авторства Ломоносова см. в статье: *Николаев С. И.* Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 3–7.

⁵Трудолюбивая пчела. 1759. Сентябрь. С. 570–571 (подпись — «А. С.»).

знание, поскольку Сумароков обработал стихотворение Ломоносова: он внес целый ряд стилистических и лексических поправок, заменил все глагольные рифмы именными и убрал межстиховой перенос в первом двустишии. Из названия («Стихи, сделанные из чужих русских стихов») и подписи («А. С.») недвусмысленно явствует, что Сумароков считал это стихотворение плодом своего труда, почему оно и было перепечатано в его «*Полном собрании всех сочинений*». Как представляется, смысл стихотворения Сумарокова заключался в следующем: продемонстрировать, как именно и каким стилем надо писать такие стихи, для чего он и перевел ломоносовскую одическую стилистику на свой поэтический язык.

В наследии Сумарокова можно, кажется, указать еще один случай подобного «перевода с русского на русский». В бумагах поэта сохранился неопубликованный при жизни «Перевод из Тилимаха Фенелона», который был издан Н. Новиковым:

В грусти была по отъезде Улиса всегдашней Калипса
И бессмертье свое, тоскуя, нещастьем имела.
Песни в пещере ее уж не были более слышны:
Нимфы, служащие ей, не смели ей молвить ни слова.
Часто гуляла она одна в муравах цветоносных,
Коими вечна весна весь остров ее окружала,
Но места прекрасные ей не смягчали злой грусти
И Улиса, в них бывшего, к вящей тоске ей воображали.
Часто была она на берегах морских неподвижна,
Часто сии берега орошала Калипса слезами.
Зря непрестанно в страну, где корабль Одиссеев летящий,
Горды валы попирая, от глаз ее вечно сокрылся.
Вдруг усмотрела она остатки погибшего судна:
Там по пескам изломанны лавки гребецки и веслы;
Там по водам кормило, веревки и мачта плывущи.
После увидела двух человек: единого в летах,
Млада другого и видом любезну подобна Улису;
То же приятство, стан, бодрость и та же походка геройска:
То Тилимах, сын Улисов, узнала богиня в минуту.
Хоть бессмертны больше смертных познания имеют,
Не познала Богиня, кто муж почтенный был с оным;
Вышния боги скрывают от нижних всё, что изволят;
Скрылась Калипсы под образам Ментора хитро Минерва.
Впрочем, Калипсину сердце играло разбитием судна,
Ибо оно ей причиной узрети любезного образ.
Будто не зная о нем, Богиня к пришельцу приходит,
«Рцы мне, отколе ты дерзко коснулся земле моей, странник?
Знай, что к моей ты не можешь коснуться державе без казни».

В грозных словах сокрывала она веселие сердца,
Кое противу воли ее во взорах сияло.⁶

Мнения исследователей об этом переводе, разделились. Тон обсуждения задал А. Х. Востоков: «Третьяковский первый подарил нас поэмою, сложенною экзаметром. Сумароков, как бы для состязания с Третьяковским, перевел отрывок из Фенелона Телемака экзаметром же (см. соч. Сум. ч. 1, стр. 313) конечно гораздо лучше своего предшественника, но и остановился на сем первом опыте».⁷ В дальнейшем почти все исследователи так или иначе варьируют его мысль о самостоятельном и самостоятельном характере его перевода.⁸ Только П. Н. Берков пронизательно заметил: «Вероятнее всего, это не самостоятельный перевод романа Фенелона, а творчески отредактированный перевод „Телемахида“ Третьяковского».⁹

Каково же действительное взаимоотношение между текстами Фенелона, Третьяковского и Сумарокова? Исследователи обычно указывают, что Сумароков перевел начало романа. Это, однако, не просто начало, а только первый абзац романа Фенелона. По этой причине нет оснований считать вслед за Востоковым, что Сумароков «остановился на сем первом опыте», скорее всего, он и намеревался перевести только этот легко вычленимый фрагмент прозаического текста, т. е. он обращался к французскому оригиналу. Оба переложения, Третьяковского и Сумарокова, значительно отличаются объемом: соответствующий отрывок у Третьяковского насчитывает 43 стиха,¹⁰ у Сумарокова — 30. Объясня-

⁶ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. 1. С. 311–312. Перепечатано в кн.: Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 481–482.

⁷ Востоков А. Опыт о русском стихосложении. Изд. 2-е. СПб., 1817. С. 51.

⁸ См.: Burgi R. A History of the Russian Hexameter. Hamden, Conn., 1954. P. 71; Егупов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964. С. 87; Алексеев А. А. Эпический стиль «Телемахида» // Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981. С. 71; Дерюгин А. А. В. К. Третьяковский — переводчик. Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 64; Morocco W. A. A Translation of Fénelon's «Telemachos» // Graduate essays on Slavic languages and literatures. Pittsburgh, 1995. Vol. 8. P. 101–102; История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2: Драматургия. Поэзия. С. 114 (автор раздела — Р. Ю. Данилевский); Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы) // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 263.

⁹ Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 575.

¹⁰ См.: Тилемахида, или Странствование Тилемаха сына Одиссея, описанное в составе ироической пиимы Василием Третьяковским. СПб., 1766. Т. 1. С. 2–3.

ется это тем, что Сумароков точно следовал оригиналу и не допускал отклонений от него, тогда как Третьяковский постоянно дополнял текст, в том числе за счет синонимов, эпитетов и перифраз.

Не менее очевидна связь отрывка Сумарокова и с переводом Третьяковского. Во-первых, это имя «Тилимах», своей формой обязанное «Тилемахиде», во всех других русских переводах XVIII в. встречается только «Телемак». Во-вторых, это гекзаметр отрывка, поскольку для самостоятельного стихотворного переложения Сумароков вполне мог выбрать не редкий для той поры гекзаметр, а иную стихотворную форму, как поступил в 1750-х гг. А. И. Дубровский при переводе Фенелона или как поступил еще ранее сам Сумароков при состязании в переложении 143-го псалма. Таким образом, давно очевидный факт безусловной связи двух переложений, Третьяковского и Сумарокова, сомнению не подлежит. Какова, однако, была последовательность работы Сумарокова с текстами Фенелона и Третьяковского?

Следуя суждениям исследователей о самостоятельном характере перевода Сумарокова, можно было бы полагать, что Сумароков обратился напрямую к французскому оригиналу и переложил первый его абзац стихами. Этому, однако, противоречит лексическая близость переложений Сумарокова и Третьяковского. Для демонстрации этой близости сопоставим несколько словосочетаний из обоих переложений с другими русскими переводами.

des bancs de gameurs: Третьяковский и Сумароков — «лавки гребцки»; А. Ф. Хрущев¹¹ и Г. И. Шиповский¹² — «лавки гребцов»; И. С. Захаров¹³ — «скамьи»; П. С. Железников¹⁴ и Ф. Лубяновский¹⁵ — «скамьи гребцов».

puis elle découvre de loin deux hommes: Третьяковский — «потом увидела двух человек»; Сумароков — «после увидела двух человек»; Хрущев — «потом зрит издалека два человека»; Захаров — «потом усматривает идущих вдали

---

¹¹ См.: Похождение Телемакова, сына Улиссова. Сочинено г. Фенелоном. Переведено на российский язык в 1734 году. СПб., 1767. С. 1. — В действительности этот перевод выполнен в 1724 г.

¹² См.: Странствование Телемака сына Улиссова. Перевод Г. Ш. СПб., 1805. Ч. 1. С. 2–4.

¹³ См.: Странствование Телемака сына Улиссова. Творение архиепископа Фенелона, вновь переведенное Иваном Захаровым. СПб., 1786. Ч. 1. С. 3–4.

¹⁴ См.: Приключения Телемака сына Улиссова, сочиненные Фенелоном, а с французского на российский переведенные Петром Железниковым. СПб., 1788. Ч. 1. С. 2.

¹⁵ См.: Приключения Телемака сына Улиссова. Сочинение г. Фенелона. Вновь перевел с подлинника Федор Лубяновский. М., 1797. Ч. 1. С. 9–11.

двух человек»; Железников — «потом узрела издали двух человек»; Шиповский — «потом зрит вдали двух человек»; Лубяновский — «потом усмотрела вдали двух мужей».

serendant ... naufrage: Третьяковский и Сумароков — «впрочем ... разбитием»; Хрущев — «но ... разбитию»; Захаров — «между тем ... кораблекрушение»; Железников — «между тем ... кораблекрушению»; Шиповский — «однако... кораблекрушению»; Лубяновский — «между тем ... о кораблекрушении».

point impunément dans mon empire: Третьяковский — «без казни державу»; Сумароков — «державе без казни»; Хрущев — «владения... без наказания»; Захаров — «не подвергаясь наказанию в область»; Железников — «в мое владение без наказания»; Шиповский — «без наказания в мою державу»; Лубяновский — «в мою область не подвергнув себя за то наказанию».

В разных переводах одного и того же произведения могут, разумеется, встретиться одни и те же лексические решения. Однако приведенные совпадения даже не отдельных слов, а целых словосочетаний в текстах Третьяковского и Сумарокова едва ли могут быть случайны, и это при том, что в других переводах XVIII в. мы находим иные решения. Меньше всего лексического сходства обнаруживается при сравнении переводов Третьяковского и Сумарокова со стихотворным переводом этого фрагмента А. И. Дубровского, который был выполнен в 1750-х гг.¹⁶ Сравним две строки из трех стихотворных переводов.

Третьяковский:

Ибо вышнии боги все от нижайших скрывают

Сумароков:

Вышние боги скрывают от нижних всё, что изволят

Дубровский:

Судьбы суть вышних сил от нижних сокровенны

Третьяковский:

Часто сама одна по лугам ходила цветущим

Сумароков:

Часто гуляла она одна в муравах цветоносных

Дубровский:

Гуляла по лугам приятнейшим одна

Эти сопоставления наглядно, как представляется, показывают близость версий Сумарокова и Третьяковского. Здесь стоит еще раз обра-

¹⁶См.: Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. С. 134–135.

тить внимание на переделку Сумароковым стихотворения Ломоносова: за исключением первого двустишия, которое Сумароков оставил почти без изменения, в его переделке повторено только одно ломоносовское словосочетание («Бегут рассыпанны»), а между тем нет никаких сомнений, что Сумароков обработал именно это стихотворение Ломоносова.

Для суждений о характере перевода Сумарокова особенно показателен следующий пример. Тредиаковский — «В крайней тоске завсегда уже пребывала Калипса»; Сумароков — «В грусти была по отъезде Улиса всегдашней Калипса». Ни в оригинале, ни в других русских переводах нет соответствия словам «завсегда» или «всегдашней».

Приведенные примеры сходства между переводами Тредиаковского и Сумарокова (гекзаметр, имя героя, лексические совпадения) позволяют восстановить ход работы Сумарокова. По прочтении «Тилемахиды» он решил продемонстрировать, как должно переводить. Сумароков работал с текстом «Тилемахиды», постоянно сверяя его с текстом романа Фенелона и убирая из переложения Тредиаковского все, чего не было во французском оригинале, т. е. сама идея какого-то отклонения от оригинала была ему чужда, пусть даже речь шла всего лишь о добавленных эпитетах или перифразах. Именно поэтому его переложение на одну треть меньше по объему соответствующего фрагмента Тредиаковского. Сверяя переложение Тредиаковского с оригиналом, Сумароков добивался точности перевода, а работая над текстом Тредиаковского, он перерабатывал его стилистическое воплощение на русском языке.

Сумароков вернул в своем переложении римские варианты имен собственных (как у Фенелона) вместо введенных Тредиаковским греческих (латинские варианты он, кстати, привел в примечаниях). Так, «Одиссей» вновь стал «Улисом», а «Афина» опять «Минервой». При этом Сумароков сохранил «корабль Одиссеев» — еще один след «Тилемахиды» Тредиаковского, оставленный, возможно, ради стихотворного размера.

Сумароков заменяет просторечие Тредиаковского: «завсегда» на «всегдашний», «болей» на «к вящей», «ты с чего» на «рцы мне» (вместе с тем «из очей» заменил на «от глаз») и т. д. «Щеглу» Сумароков заменил на «мачту», заимствовав ее из глоссы Тредиаковского. Он убрал также характерные для стиля «Тилемахиды» две усилительные частицы «ж», которые не образуют слога, и последовательно упрощал синонимические и иные сложные конструкции Тредиаковского: «ушел и сокрылся» — «сокрылся»; «уразуметь возмогла» — «узнала»; «познать не могла» — «не познала»; «тщалась в себе утаить» — «сокрывала»; «слов жестоких грозами» — «в грозных словах» и т. д. Сумароков упрощал и синтакси-

ческие инверсии «Тилемахиды»: «вышнии боги все от нижайших скрывают» — «вышние боги скрывают от нижних все».

Переложение Сумарокова более точно передает французский оригинал, оно написано более простым языком и, как справедливо заметил П. Н. Берков, «несомненно легче перевода Тредиаковского».¹⁷ Но какова цена этой легкости? Ведь Тредиаковский и не намеревался писать легко. В ходе описанных выше операций с текстом «Тилемахиды» Сумароков уничтожил не просто языковое своеобразие Тредиаковского, а то, что составило главное его достижение, а может быть, и главную его заслугу перед русской поэзией — созданный им русский гомеровский стиль.¹⁸ Если мы учтем, что стилистические искания Тредиаковского (слияние высокого книжного слога с просторечием и народно-поэтическим языком, обилие синтаксических инверсий и составных эпитетов и др.) были затем продолжены и воплощены Н. И. Гнедичем при переводе Гомера, то цена стилистической легкости сумароковского переложения представляется чрезмерной в исторической перспективе. Впрочем, Сумароков об этом, конечно, не думал. Просто стилистические принципы Тредиаковского были ему, как и вообще эстетике классицизма, чужды. Именно поэтому он и стал «исправлять» Тредиаковского.

Идея «исправления» чужого текста была приложена на практике сначала Тредиаковским (см. его поправки в панегирике Стефана Витинского 1739 г.), а затем высказывалась в том или ином виде Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым в 1730–1750-х гг., в их критических статьях той поры найдется и немало примеров «исправления» отдельных слов, выражений и даже целых строк в сочинениях друг друга.¹⁹ Сам Сумароков в небольшой заметке «Рассмотрение од г. Ломоносова» даже выделил в отдельный пункт «Строфы, по моему мнению, требующие большого исправления».²⁰ Но только он один решился на «исправление» целого стихотворения Ломоносова (см. приведенную ранее переделку 1759 г.) и отрывка из «Тилемахиды» Тредиаковского — «исправить» всю «Тилемахиду» для Сумарокова было бы непосильной задачей, да он к тому и не стремился, тем не менее посчитал необходимым откликнуться на выход переложения Тредиаковского. Эти «исправления», по

¹⁷ Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 575.

¹⁸ См. подробную характеристику стиля переложения Тредиаковского: Алексеев А. А. Эпический стиль «Тилемахиды». С. 68–95.

¹⁹ См., например: Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов. М., 2001.

²⁰ См.: Сумароков. Стихотворения. Л., 1935. С. 381.

следовательно проведенные, приводили к тому, что стихотворение Третьяковского или Ломоносова превращалось в произведение Сумарокова. Назвать получившийся в результате этих исправлений текст «отредактированным» было бы неточно — это действительно перевод чужого текста в свою стилистическую систему и на свой поэтический язык (ср. «Стихи, сделанные из чужих русских стихов» 1759 г.).²¹ Формулировка П. Н. Беркова «Вероятнее всего, это не самостоятельный перевод романа Фенелона, а творчески отредактированный перевод „Тилемахиды“ Третьяковского» звучит чересчур современно и ненамеренно может ввести в заблуждение современного читателя, поскольку в отличие от редакторской практики новейшего времени Сумароков считал «отредактированный» таким образом текст своим и ставил под ним свою фамилию.

Переводы Сумарокова «с русского на русский» — это еще одна страничка из истории русской литературной полемики и словесной эстетики XVIII в. В своей известной работе о состязаниях и переводах Г. А. Гуковский доказывал на многих примерах, что участники поэтического состязания стремились к «идеальному разрешению задания», «над всем состязанием тяготеет эта идея единственного и достижимого решения эстетической проблемы», и эта идея «отодвигает все индивидуальное в тень».²² Однако было бы опрометчиво абсолютизировать это справедливое положение. Оно было направлено, скорее всего, против имевшей хождение трактовки полемики трех поэтов как личной склоки. Конечно, идея «единственного и достижимого решения эстетической проблемы» Сумарокову была близка, но всякий раз это решение приобретало под его пером безошибочно узнаваемое сумароковское обличье. Не только его соратникам, но и его литературным недругам следовало писать «правильно», т. е. по-сумароковски, а как именно, он и показывал в своих переводах-переделках их сочинений. При этом индивидуальные особенности «переводимого» автора нещадно изгонялись, зато проступали черты сумароковского стиля, особенно ярко это проявилось в переделке стихотворения Ломоносова. В этой позиции Сумарокова уже зрел зачаток будущего кризиса эстетики классицизма.

---

²¹ См. также: *Гуревич М. М.* Из несобранного литературного наследия А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 392–395; *Бокк Р. Г.* Неизвестное стихотворение Ф. А. Козловского, приписываемое Сумарокову // Там же. С. 396–398.

²² *Гуковский Г. А.* К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы). С. 260.

ОТРЫВОК «ИЗ ТИТА ЛИВИЯ» А. П. СУМАРОКОВА

В первом мартовском листе журнала «Праздное время в пользу употребленное» за 1760 г. Сумароков напечатал небольшой отрывок «Из Тита Ливия». ¹ Н. И. Новиков перепечатал его в обоих изданиях «Полного собрания всех сочинений» без каких-либо перемен в тексте, ² но опустил авторское примечание в журнальной публикации — «Из рускаго перевода в стихи преложил. С.». Это не единственное примечание такого рода у Сумарокова, уже в следующем листе «Праздного времени» он напечатал стихотворение «Ийти конечно вон из света» (это перевод 14 оды 2-й книги Горация) с примечанием «Преложено в стихи из рускаго перевода». ³ И в случае с переложением Тита Ливия, и с переложением оды Горация такое примечание Сумарокова было более чем уместно — латыни он не знал.

Перевод, которым воспользовался Сумароков для своего переложения, отыскался — это «Повесть о Каии Маркии Кориолане, из книги II историй Тита Ливия Патавийскаго», опубликованная в «Барышке Всякой всячины». ⁴ Хотя имя переводчика в публикации не указано, нет сомнений, что он принадлежит издателю, Г. В. Козицкому. Ситуация, конечно, не совсем обычная — источник переложения был опубликован ровно десять лет спустя после публикации самого переложения, но тому есть свои объяснения. В «Барышке Всякой всячины», который и был продолжением «Всякой всячины», Козицкий печатал преимущественно

---

¹ См.: Праздное время в пользу употребленное. 1760. Ч. 3. Л. 10. 4 марта. С. 144–145.

² См.: Сумароков А. П. 1) Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. 1. С. 285–286; 2) Полное собрание всех сочинений. 2-е изд. М., 1787. Ч. 1. С. 287–288.

³ См.: Из Горация. Кн. II, Од. XIV. Ийти конечно вон из света / Преложено в стихи из рускаго перевода // Праздное время. 1760. Ч. 3. Л. 11. 11 марта. С. 161–163.

⁴ См.: Барышек Всякия Всячины. 1770. 11 полулист. С. 489–493.

переводы, в том числе из прежних запасов, что было особо оговорено («пока запаса исписанных бумаг станет»). В 1759 г. Козицкий активно печатался в «Трудолюбивой пчеле» Сумарокова и опубликовал там много переводов классических авторов,⁵ в том числе и из Тита Ливия.⁶ Надо полагать, перевод «Повести о Каии Маркии Кориолане...» был готов уже в 1759 г., когда с ним познакомился Сумароков, но не успел или не захотел напечатать его в своем журнале. Дословные (или почти дословные) совпадения в переложении Сумарокова с переводом Козицкого не позволяют сомневаться, что именно перевод Козицкого был использован Сумароковым, например: «Кориолан будучи изгнан из Рима <...> пошел к Вольскам» (Козицкий) — «Кориолан будучи изгнан из Рима, пошел к Волскам» (Сумароков); «чтоб город, котораго мужи не могли защитить оружием, прощением и слезами защитили жены» (Козицкий) — «чтоб тот город, котораго мужи не могли защитить оружием, прощением своим защитит и слезами» (Сумароков) и др. Сумароков, безусловно, значительно переработал перевод Козицкого, поскольку речь матери Кориолана, Ветурии, он изложил в стихах. Именно ради этой речи он и обратился к переводу Козицкого, поскольку отрывок «Из Тита Ливия» помещен в «Праздном времени...» в разделе «Разные стихотворения», хотя первая половина отрывка написана прозой. Это акцентированное внимание к стихотворному переложению речи Ветурии позволяет предположить, что отрывок Сумарокова связан с другой журнальной публикацией, имеющей отношение к Кориолану.

В январе 1760 г. в журнале М. М. Хераскова «Полезное увеселение» было напечатано стихотворение И. В. Шишкина (1722–1751) с таким пояснением: «Сии стихи найдены после смерти г. капитана Шишкина, и будучи не исправно переписаны, с некоторой поправкой в свет издаются».⁷ Эта публикация замечательна по нескольким причинам. Во-первых, это единственное известное стихотворение Шишкина. По свидетельству Н. И. Новикова в «Опыте исторического словаря» (1772), Шишкин «много написал хороших песен, элегий и других мелких стихотворений. Песни его напечатаны в собрании песен».⁸ Но ни одно из этих стихо-

⁵ См.: Степанов В. П. Козицкий Г. В. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 95.

⁶ См.: Из второй книги Историй Тита Ливия Патавитянина. О походе Фабиев противу Веентян / Перевел с латинского Г. К. // Трудолюбивая пчела. 1759. Дек. С. 734–738.

⁷ См.: Полезное увеселение. 1760. Янв. № 2. С. 30–32.

⁸ Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 364.

творений, не говоря уже о песнях, не дошло до нас с твердой атрибуцией. Во-вторых, стихотворение Шишкина в «Полезном увеселении» стало, видимо, первой в истории русской литературы публикацией литературного наследия уже покойного писателя, поскольку сатиры А. Кантемира будут изданы только через два года. Наконец, Шишкин, которому ко времени кончины не исполнилось и 30 лет, открывает и череду много обещавших, но рано ушедших «младых певцов». Новиков так подвел итог его жизни: «...но смерть, лиша его жизни, отняла и надежду видеть в нем, может быть, славного стихотворца». Нам Шишкин известен прежде всего как переводчик прозаических сочинений, тогда как современники ценили в нем в первую очередь поэта.

Стихотворение Шишкина предварено прозаическим предисловием, значительно меньшим по объему, чем у Сумарокова: «Когда Кориолан за обиду на Рим озлился, и предался к Валискам, где ему дана над войском команда; с которым он пришел сильно утеснил Римлян: тогда ево мать и жена, держав на руках детей своих, из города к нему выходили, и жена ему следующую речь говорила, из которой довольно видно сколь много римский народ имел любви к отечеству и славе». Затем идет собственно речь к Кориолану. У Шишкина она занимает 58 строк, у Сумарокова — 28 строк. Главное отличие монологов заключается в том, что у Сумарокова в соответствии с Ливием, а также Плутархом, его произносит мать Кориолана, а у Шишкина — жена Кориолана.

Не приходится сомневаться, что стихотворение Шишкина — это перевод или свободная парафраза какого-то иностранного источника. История Кориолана воплощена во многих литературных произведениях XVII–XVIII вв., прежде всего в драматургии, достаточно вспомнить трагедию В. Шекспира,⁹ не говоря уже о живописи и музыке. Но ни в одной из просмотренных мною трагедий (до 1751 г.) нет такого монолога жены Кориолана, его всегда произносит мать.¹⁰ Причем в некоторых трагедиях присутствует только мать или даже обе женщины отсутствуют, в некоторых у жены есть небольшие реплики к мужу, но не развернутый мо-

⁹См.: Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. Paris, 1869. T. 5. P. 141–142; The Classical Tradition / Ed. by A. Grafton, G. W. Most, S. Settis. Cambridge (Mass.); London, 2010. P. 536–538; Die Rezeption der antiken Literatur: Kulturhistorisches Werklexikon / In Verbindung mit B. Egger; herausgegeben von Ch. Walde. Stuttgart; Weimar, 2010. S. 422–439. (Der neue Pauly. Supplemente. Bd. 7).

¹⁰См.: *Chapoton F.* Le véritable Coriolan, tragédie. Paris, 1638; *Abeille G.* Coriolan, tragédie. La Haye, 1682; *Richer H.* Coriolan, tragédie. Paris, 1748; *Thomson J.* Coriolanus, a tragedy. London, 1749; *Mauger.* Coriolan, tragédie. Amsterdam, 1751.

нолог о «любви к отечеству и славе». Речь Ветурии к сыну из истории Тита Ливия даже включалась в пособия по риторике XVIII в. в качестве образцовой,¹¹ что также способствовало ее известности. Видимо, к этой традиции восходит героида Д. И. Хвостова «Ветурия к Кориолану», опубликованная им в 1787 г. в «Новых ежемесячных сочинениях».¹² Приходится признать, что на сегодняшний день источник стихотворения Шишкина неизвестен. Его можно будет обнаружить либо при более систематическом поиске, либо рассчитывать на случайную находку.

Стихотворение Шишкина, безусловно, стало известно Сумарокову, поскольку в том же номере «Полезного увеселения» была опубликована «Ода господина Руссо ... , переведенная г. Сумароковым и г. Ломоносовым». Это позволяет полагать, что отрывок «Из Тита Ливия» Сумарокова, опубликованный чрез два месяца, как-то связан со стихотворением Шишкина. Но Сумароков о своих мотивах умолчал, поэтому о них можно только догадываться. Самым осторожным будет предположение, что Сумароков в надежной опоре на первоначальный источник — историю Тита Ливия — решил исправить историческую неточность у Шишкина и вложил речь в уста матери Кориолана, а не жены. В переложении самой речи Сумароков точно следовал переводу Козицкого. Дело дошло до того, что 183 словам (включая предлоги и частицы) в речи Ветурии в переводе Козицкого соответствуют 183 слова (включая предлоги и частицы) в ее стихотворном переложении Сумароковым. Совпадение, конечно, поразительное и, безусловно, случайное, но говорит о тенденции к точности у Сумарокова. В других случаях Сумароков мог приняться за переработку и исправление чужого произведения, как он поступил несколько ранее с Ломоносовым,¹³ а несколько позднее с Третьяковским.¹⁴ Со сти-

---

¹¹ См.: *Orationes ex Sallustii, Livii, Curtii et Taciti historiis collectae, ad usum scholarum Universitatis Parisiensis*. Parisiis, 1745. P. 60–61; *Dominique de Colonia*. De arte rhetorica libri quinque. Lugduni, 1752. P. 295; *John Holmes, Cassius Longinus*. The Art of Rhetoric Made Easy, Or, The Elements of Oratory Briefly Stated, and Fitted for the Practice of the Studious Youth of Great Britain and Ireland, in Two Books. London, 1755. P. 93; *Selecta ex Cicerone, Livio, Tacito, Paterculo, Plinio*. Etonae, 1759. P. 162–163. — За указания на эти источники благодарю А. А. Костина.

¹² См.: Д. Х. Героида. Ветурия к Кориолану // Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 15. Сентябрь. С. 57–62. В соответствии с жанром героиды это не речь, а послание. Героида Хвостова насчитывает 98 строк.

¹³ См.: *Николаев С. И.* Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 3–7.

¹⁴ См.: *Николаев С. И.* А. П. Сумароков — переводчик с русского языка на русский // Russian Literature. 2002. Vol. 52, № 1–3. P. 141–149.

хотворением Шишкина он так поступить не мог, поскольку исходный текст противоречил исторической правде: речь о «любви к отечеству и славе» должна произносить мать Кориолана. С точки зрения перевода позиция Сумарокова выглядит если не вполне убедительной, то хотя бы понятной.

Но тогда получается, что Сумароков выступает против художественного вымысла. В конце концов, чем вымышленная речь матери Кориолана у Ливия лучше вымышленной же речи жены Кориолана на ту же самую тему в неустановленном источнике Шишкина? Парафразе в самом широком смысле слова Шишкина Сумароков противопоставил перевод, причем перевод точно так же в самом широком смысле (помимо перевода с языка на язык, это еще и перевод прозы в стихотворную речь). Поскольку подозревать Сумарокова в нетерпимости к художественному вымыслу не приходится, то мы вынуждены вернуться к банальной соревновательности, точнее, поучительности в сумароковском литературном поведении. После соревнования с Ломоносовым в январском номере «Полезного увеселения» в переводе оды Ж. Б. Руссо Сумароков прочитал там же стихотворение Шишкина и вступил в заочное соревнование с ним. Видимо, он не стал придавать значения тому, что это мемориальная публикация, к тому же подправленная редакцией, что автор, который был младше Сумарокова на пять лет, почил почти десять лет назад, что это был выпускник того же самого Сухопутного шляхетного корпуса, что и Сумароков, наконец, Шишкин фактически был последователем Сумарокова. «Я на правду черт!» мог бы воскликнуть и Сумароков. Если предположение о соревновательном характере отрывка «Из Тита Ливия» справедливо, то приходится признать, что это оказался бестактный опыт соревнования.

КАК И ЗАЧЕМ СУМАРОКОВ ПЕРЕПИСЫВАЛ СВОИХ СОВРЕМЕННОКОВ

А. П. Сумароков всегда стремился быть в гуще литературной жизни, отважно вступал в литературные споры и полемики, принимал участие в литературных состязаниях и живо откликался на события литературной жизни. В истории состязаний и переводов, столь ярко проанализированных Г. А. Гуковским в известной статье «К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы)» (1928), Сумарокову по справедливости отведено важное место. Г. А. Гуковский впервые, как кажется, в отечественной науке дал исчерпывающий обзор литературных споров середины XVIII в. Но его интерес к этим состязаниям был обусловлен не просто рассмотрением литературной жизни и литературных полемик самих по себе. После обозрения поэтических состязаний Г. А. Гуковский перешел к обобщающим выводам, относящимся к природе русского классицизма. Его статья так и называется — «К вопросу о русском классицизме». Его выводы надолго вошли в литературоведческий обиход и хорошо известны, однако кратко их напомним. «Общий смысл всех этих соревнований, в которых были противопоставляемы не личные дарования, не индивидуальности мастеров слова, а решения проблем, вообще — теоретические и эстетические концепции сами по себе, вне зависимости от взаимоотношений авторов в литературе. Главное здесь то, что произведение, оторванное от своего автора, воспринималось не в связи с его творчеством или с окружением других его произведений, а в связи со своим антагонистом-произведением, и в ряду теоретически осмысленных явлений».¹ «Все это в плане характеристики эстетического мышления данной эпохи указывает на возможность абсолютного

---

¹ *Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы) // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 258.*

эстетического бытия произведения в сознании эпохи, т. е. бытия произведения не проецированного ни на какую индивидуальность, бытия произведения, за смысл и организацию которого не ответствен никакой человек, а ответственно лишь понятие, концепция эстетического же рода».² «Над всем состязанием тяготеет эта идея единственного и достижимого абсолютного решения эстетической проблемы».³ «Дело было не в том, кто лучше сделал, а в том, что лучше сделано, т. е. ближе к идеальному решению задачи».⁴ Перейдя затем к переложениям псалмов и к словесным совпадениям между ними, Г. А. Гуковский отмечает, что «никто, по крайней мере, не обвинял поименованных выше поэтов в литературных хищениях, даже вообще в несамостоятельности труда».⁵ Это нужно Гуковскому для того, чтобы далее прийти к выводу: «Лучше вполне удачного написать нельзя; если поэту удалось попасть в цель, то бессмысленно менять сделанное, делать наново <...> Двух решений, в различных смыслах равноценных и несравнимых, не может быть».⁶

С рядом положений Г. А. Гуковского сейчас согласиться трудно. Например, русская литература XVIII в., в том числе первой половины и середины века, пестрит упоминаниями о литературных «хищениях»: в сатирах и сатирических посланиях, комедиях и эпиграммах, критических статьях и книжных предисловиях или примечаниях, мемуарах и переписке рассеяно множество прямых указаний либо глухих намеков на литературные заимствования, а чаще всего просто кражу чужого произведения или его части. Тут важно другое. В отличие от XIX–XX вв. в XVIII в. разговор о «чужом» и «краденом» чаще всего подразумевал в первую очередь заимствование идеи, плана или «изображений», т. е. *res*, но не *verba* («многих *обокрал*, и *мысли* их писав»). И только во вторую очередь «похищение» могло иногда подразумевать и план выражения.⁷

Принципиальная анонимность состязаний была, конечно, участниками заявлена, но и преувеличивать ее не стоит. Можно полагать, что для узкого круга литературной публики эта анонимность была вполне про-

² Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме. С. 258.

³ Там же. С. 260.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Там же. С. 269.

⁶ Там же. С. 270.

⁷ См.: Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века. (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3–19.

зрачна. Так, в 1755 г. Г. Н. Теплов, рассуждая об одном анонимном сочинении, которое он справедливо приписал В. К. Третьяковскому, заметил: «По сие время все русские стихотворцы персонально нам ведомы».⁸

Роль личных дарований и индивидуальности мастеров слова также нет резона преуменьшать. И как раз пример А. П. Сумарокова тут показателен, особенно его переводы с «русского на русский». По не очень понятной причине Г. А. Гуковский почему-то вообще не обратил внимания на то, что Сумароков, участвуя в состязаниях, иногда переписывал сочинения своих соперников. Правда, он подчеркивает, что «случаи, когда Сумароков вступал в соревнование с другими поэтами, переводя переведенный уже ранее текст, — выходят, собственно говоря, за пределы подлинных состязаний».⁹ Представляется, что Г. А. Гуковский напрасно не придавал этому значения, хотя именно он обнаружил состязательный характер некоторых переводов Сумарокова, обратившегося к тем же самым произведениям, которые уже перевели В. К. Третьяковский, Н. Н. Поповский и И. В. Шишкин.¹⁰

Однако в наше время, после повсеместного увлечения трудами Юлии Кристевой и Жерара Женетта, не обратить на это внимание просто невозможно.

А. П. Сумароков переписывал как оригинальные стихотворения, так и переводные своих современников. Так, в сентябрьском номере «Трудолюбивой пчелы» было опубликовано стихотворение А. П. Сумарокова «Стихи, сделанные из чужих русских стихов, на победу над пруссаками 12 июля 1759». Оказалось, что он поправил и фактически полностью переписал анонимно опубликованное в «Праздное время в пользу употребленное» 1759. Июль стихотворение «На преславную победу, полученную российским войском над прусским в Силезии, 12 июля 1759 года». Выяснилось, что автором стихотворения был М. В. Ломоносов.¹¹ Практического смысла в публикации Сумарокова не было никакого — победа случилась уже три месяца тому назад, после этого были и более крупные победы русского оружия, но Сумароков не стерпел многочисленные — по его мнению! — огрехи автора и полностью переработал небольшое

---

⁸ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 189.

⁹ Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме. С. 264.

¹⁰ Там же. С. 262–264.

¹¹ См.: Николаев С. И. Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 3–7.

стихотворение Ломоносова. Кстати, к вопросу об анонимности — для Сумарокова авторство стихотворения не было, конечно, секретом.

В «Полное собрание всех сочинений» А. П. Сумарокова попало стихотворение «Стихи Ивану Афанасьевичу Дмитревскому». В действительности, как выяснила Р. Г. Бокк, это переделка стихотворения Ф. А. Козловского «Стихи И. А. Дмитревскому, на представление „Синава и Трувора“...». ¹² Здесь можно предположить, что Сумароков посчитал, что в стихотворении, связанном с его трагедией и его именем, недопустимо много огрехов и по этой причине переправил его — видна его рука и стиль. Сам Сумароков его не напечатал, а опубликовал его только Н. И. Новиков, вероятно, по списку из архива Сумарокова, который был в распоряжении издателя.

Несколько иначе поступал Сумароков с переводами. В первом мартовском листе журнала «Праздное время в пользу употребленное» за 1760 г. Сумароков напечатал небольшой отрывок «Из Тита Ливия», снабдив примечанием «Из рускаго перевода в стихи преложил. С.». Почему из русского перевода? Потому что латыни он не знал и воспользовался прозаическим переводом Г. В. Козицкого. Этот перевод был опубликован только в 1770 г., но вполне мог оказаться в распоряжении Сумарокова еще в 1759 г., когда Козицкий печатал свои переводы в «Трудолюбивой пчеле». Нет сомнений, что публикация Сумарокова метила в незадолго до этого появившееся стихотворение покойного И. В. Шишкина — монолог жены Кориолана, обращенный к мужу, опубликованный в январе 1760 г. в журнале М. М. Хераскова «Полезное увеселение». Вероятно, Сумароков посчитал ошибкой, что эту речь произносит жена Кориолана, а не его мать, и сам изложил ее по Ливию в переводе Козицкого. При этом Сумароков переложил в стихи прозу Козицкого исключительно точно и без отклонений. ¹³

Вот это стремление к точности особенно отчетливо проявилось в отрывке «Перевод из Тилимаха Фенелона», который впервые был издан Н. И. Новиковым, вероятно, по списку из архива Сумарокова. Отрывок был написан, вероятно, вскоре после появления «Тилемахиды» (1766) В. К. Тредиаковского. Работал Сумароков, видимо, так: он опять решил продемонстрировать, как должно переводить. Сумароков рабо-

¹² См.: Бокк Р. Г. Неизвестное стихотворение Ф. А. Козловского, приписываемое Сумарокову // XVIII век. М.: JL, 1962. Сб. 5. С. 396–398.

¹³ См.: Николаев С. И. Отрывок «Из Тита Ливия» А. П. Сумарокова // XVIII век. М.: СПб., 2015. Сб. 28. С. 28–33.

тал с текстом «Тилемахиды», постоянно сверяя его с текстом романа Фенелона и убирая из переложения Тредиаковского все, чего не было во французском оригинале, т. е. сама идея какого-то отклонения от оригинала была ему чужда, пусть даже речь шла всего лишь о добавленных эпитетах или перифразах. Именно поэтому его переложение на одну треть меньше по объему соответствующего фрагмента Тредиаковского. Сверяя переложение Тредиаковского с французским оригиналом, Сумароков добивался точности перевода, а работая над текстом Тредиаковского, он перерабатывал его стилистическое воплощение на русском языке. Переложение Сумарокова более точно передает французский оригинал, оно написано более простым языком и, как справедливо заметил в комментариях к этому переводу П. Н. Берков, «несомненно легче перевода Тредиаковского».¹⁴ Но какова цена этой легкости? В ходе переработки небольшого отрывка из начала «Тилемахиды» Сумароков уничтожил не просто языковое своеобразие Тредиаковского (заменял просторечие, упростил синтаксис и т. д.), а то, что составило главное его достижение, а может быть, и главную его заслугу перед русской поэзией — созданный им русский гомеровский стиль. Но сделал это он так ловко, что исследователи от А. Х. Востокова до Г. А. Гуковского не сомневались в том, что Сумароков самостоятельно выполнил перевод и, по их мнению, гораздо лучше Тредиаковского.¹⁵

В феврале 1760 г. Н. Поповский поместил в «Полезном увеселении» стихотворный перевод трех од Горация, в том числе XIV оды книги II.¹⁶ Сумароков уже через месяц, в мартовском номере «Праздного времени в пользу употребленного» печатает перевод «Из Горация кн. II од. XIV» стихами, тем же размером, что у Поповского.¹⁷ Г. А. Гуковский опять посчитал, что это соревновательный перевод, не обратив внимания — или пренебрегая им — на примечание самого Сумарокова: «Преложено в стихи из русаго перевода».¹⁸ Сейчас известно около 30 русских переводов этой оды, правда, выполненных преимущественно в XX веке.¹⁹

¹⁴ Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 575.

¹⁵ См.: Николаев С. И. А. П. Сумароков — переводчик с русского языка на русский // Russian Literature. 2002. Vol. 52, № 1–3. P. 141–149.

¹⁶ См.: Полезное увеселение. 1760. Февраль. № 6. С. 76–80.

¹⁷ См.: Праздное время в пользу употребленное. 1760. Ч. 3. 11 марта. С. 161–163.

¹⁸ Там же. С. 163.

¹⁹ См.: Античная поэзия в русских переводах XVIII–XIX вв.: Библиографический указатель / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998. С. 289.

Но в 1760-е гг. был только один перевод — Поповского. Следующий русский перевод этой оды, В. В. Капниста, появился только в 1806 г.²⁰ Конечно, нельзя исключать существование неизвестного нам «русского перевода», которым и воспользовался Сумароков, но скорость появления его «преложения» и немногие родимые пятна, оставшиеся у Сумарокова из стихотворения Поповского, позволяют думать, что Сумароков переправил именно его перевод. На первый взгляд, между переводами Поповского и Сумарокова очень мало общего, ср.:

Поповский

Увы! проходит век крылатый;
Ни святость может воспятить
Морщин и старости горбатой,
Ни смерти алчной умолить.

Чрез триста жертв всяк день Плутона
Неукротимого моли,
Что свел и сильного Самсона
Во преисподния земли;

Но сколько здесь ни пребываем,
Чрез Стикс всем страшный должно плыть:
Богат ли, царь ли, всеми ль знаем,
Раб, нищ, презрен, — всем там же быть.

Напрасно браней мы страшимся,
Свирепых в море бурь бежим,
В осенний с полдня ветр боимся,
Несущий вред телам людским.

Увидим черны, мутны реки,
И Данаев проклятый род,
И Сизифа, к трудам навеки
Что осужден, конца не ждет.

Оставить землю, дом с женою,
Сады, что сам ты возрастил,
Во гроб не пойдут за тобою;
Коль мало ты владыкой был!

Сумароков

Ийти конечно вон из света;
Нельзя пути сего претереть:
Окончатся младья лета,
Приступит старость, люта смерть.

Хотя бы триста ты вседневно
Волов Плутону подносишь,
Смягчил ли бы ты сердце гневно,
Чтоб рок тя Смертный не скошил?

Печальной держатся водою,
Им Титий там и Герион,
И вечной связаны бедою,
Оттоле не исходят вон.

Волна сия всех обща доле;
Весь род наш ону проплывет,
На гордом ли кто здесь престоле,
Иль в бедной хижине живет.

Напрасно, Марса ненавидим,
Страшимся Адриятских вод,
И телу с отвращеньем видим,
Осенних Австра вред погод.

Сизифа узрим лютость рока,
Данаев род безчестьем полн:
Не преминем мрачна тока,
И дремлющих Косита волн.

Страну, дом, чад, жену оставим,
Не снидут купно с нами в низ:
Ни сад дерев чем дух забавим,
Лишь только снидет кипарис.

²⁰ См.: *Капнист В. В.* Опыт перевода и подражания Горациевых од / Изд. подгот. А. О. Демин. СПб., 2013. С. 83–84.

Поповский

Хранимы питья сто замками
Наследник лучший разочнет:
Вино лить будет под ногами,
Какого в праздник жрец не пьет.

Сумароков

Хранимы вина сто замками,
Наследник выпьет и прольет,
Какая бережно, руками,
Первосвященник пить берет.

Несмотря на все отличия, о связи переводов говорят и немногие родимые пятна, оставшиеся у Сумарокова из стихотворения Поповского. Так, в последней строфе:

Поповский

Хранимы питья **сто замками**
Наследник лучший разочнет.

Сумароков

Хранимы вина **сто замками**,
Наследник выпьет и прольет.

Ни в одном из последующих русских переводов таких лексических совпадений в этом же порядке нет. Нет резона приводить другие мелкие совпадения, хоть и характерные, но которые можно счесть случайными или обусловленными латинским оригиналом. Но не все так просто. Перевод Сумарокова больше на одну строфу перевода Поповского и ей есть соответствие у Горация, т. е. очевидно обращение к латинскому оригиналу. Отдельные слова латинского оригинала точнее переданы у Сумарокова, напр., Поповский — «с полдня ветр», Сумароков — «Австра», Гораций — *austrum* и т. д. Видимо, Сумароков поступил с переводом Поповского так же, как с «Тилемахидой» Тредиаковского — он правил стиль перевода Поповского, сверяя точность перевода с латинским оригиналом. Но вот латыни-то он не знал! Вероятно, он опять прибегнул к помощи латиниста Г. В. Козицкого, с которым тесно сотрудничал в эти годы. Не исключено, что столь пристальное внимание к этому переводу было вызвано тем обстоятельством, что Поповский был учеником Ломоносова, что уже давало Сумарокову повод для литературной полемики. Сумарокова нисколько не смутило и не остановило то обстоятельство, что Шишкин уже давно скончался, а Поповский умер незадолго до публикации переделки Сумарокова, буквально за пару недель. Сомнительная дань памяти ушедшим соратникам по писательскому цеху.

Необходимо отметить, что связь переводов Поповского и Сумарокова была очевидна и для современников. В экземпляре журнала «Полезное увеселение» (1760. Февраль) из библиотеки Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на полях против двух первых строф Поповского приписаны две первые строфы перевода Сумарокова (шифр: 61 3/23; без указания авторства). Сличение разночтений с «Полным соб-

ранием всех сочинений»²¹ показывает, что эти две строфы переписаны из «Праздного времени в пользу употребленного», видимо, сразу после выхода журнала. Это редчайший случай читательской реакции на состязание. К сожалению, никакой оценки переводов в записи нет, только сопоставление.²²

Г. А. Гуковский считал, что «единое произведение-состязание принадлежит сразу всем авторам составивших его пьес и, конечно, никому из них; оно, вообще, не имеет автора, т. е. его восприятие не предполагает некоего смутного фона — носителя, фона личности, на которую хотя бы условно проецируется всякое откровение пьесы, напр, лирическое признание».²³ Однако из приведенных примеров видно, что картина не выглядит столь благостно. Сумароков вовсе не состязался с другими поэтами и переводчиками, давая свой вариант, как было в 1743 г. при действительно независимом переложении 143 псалма. В 1750–1760-е гг. он решительно, придирчиво и очень тщательно правил чужой текст, придавая ему стилистически узнаваемый сумароковский облик, не даром исследователи не сомневались в оригинальности и самостоятельности его трудов. Поэтому Сумароков с полным основанием ставил свою фамилию под этими переделками — это были плоды его пера и его труда, труда упорного и стоившего автору много сил. И этой своей индивидуальностью он подавлял другие индивидуальности. Как представляется, «переложения» Сумарокова должны внести коррективы в наше представление об эстетике русского классицизма, в том числе и в концепцию Г. А. Гуковского.

---

²¹ См.: Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. 2. С. 193–194.

²² Эти строфы обнаружила Н. Д. Кочеткова и опубликовала их в кн.: Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. С. 579.

²³ Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме. С. 258.

И. А. ШЛЯПКИН В РАБОТЕ НАД СОБРАНИЕМ СОЧИНЕНИЙ А. П. СУМАРОКОВА

Во второй половине XIX в. в русской филологической науке был выработан принципиально новый вид издания произведений автора — академическое издание сочинений. Оно подразумевало полноту сочинений, выверенные тексты и подробные комментарии.¹ В своих основных чертах академическое собрание сочинений классика сохранилось до сегодняшнего дня. В тот период преимущественное внимание уделялось подготовке изданий отечественных авторов XIX в., и только два поэта XVIII в. удостоились академических изданий — Державин и Ломоносов.² Эти великолепные издания не утратили своей ценности и остаются непревзойденными образцами, несмотря на все достижения в изучении творчества двух крупнейших поэтов XVIII в. В самом начале XX в. появились «Сочинения» Екатерины II.³ Других полных академических изданий писателей XVIII в. не было, и особенно не повезло одному из основателей новой русской литературы А. П. Сумарокову, произведения которого в XIX в. фактически не переиздавались вообще. В 1900-х гг. попытку заполнить эту лакуну предпринял известный историк русской литера-

---

¹ См.: *Басаргина Е. Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. (Очерки истории). М., 2008. С. 382–389. (Глава «Издание произведений русской словесности XVIII–XIX вв.»).

² См.: *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864–1883. Т. 1–9; *Ломоносов М. В.* Сочинения / С объяснительными примечаниями М. И. Сухомлинова. СПб., 1891–1902. Т. 1–5. См. также: *Берков П. Н.* Издания русских поэтов XVIII века: История и текстологические проблемы // Издание классической литературы: Из опыта «Библиотека поэта». М., 1963. С. 84–100.

³ См.: *Екатерина II.* Сочинения, на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А. Н. Пыпина. СПб., 1901–1907. Т. 1–5, 7–12.

туры, профессор Санкт-Петербургского университета Илья Александрович Шляпкин (1858–1918).

К середине 1900-х гг. И. А. Шляпкин был хорошо известен в филологической среде не только как историк древнерусской литературы и раннего русского театра, но и как этнограф, историк, специалист по эпиграфике,⁴ а его книга «Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.)» (СПб., 1891) являлась образцом кропотливых архивных разысканий. Шляпкин занимался не только древнерусской литературой — в 1899 г. он издал «Полное собрание сочинений» А. С. Грибоедова в двух томах, а в 1903 г. выпустил комментированное издание бумаг А. С. Пушкина, полученных им от племянника П. В. Анненкова («Из неизданных бумаг А. С. Пушкина»). Шляпкин был также страстным библиофилом⁵ и неустанным собирателем рукописей.⁶ Надо полагать, что именно безупречная научная репутация Шляпкина способствовала тому, что его предложение издать собрание сочинений А. П. Сумарокова было встречено в Академии наук доброжелательно.

18 ноября 1907 г. И. А. Шляпкин обратился со следующим письмом в Отделение русского языка и словесности Академии Наук:

История русской литературы обязана Отделению превосходными изданиями столь важных для исследователей Екатерининского периода русской литературы сочинений Ломоносова и Державина. Существует еще писатель, сочинения которого не меньше характерны для данного периода и в свое время пользовались широкою популярностью, и на которых несомненно воспитывалось русское общество XVIII века — я говорю об А. П. Сумарокове. Сочинения его в 10 ч. дважды были изданы Н. И. Новиковым в 1781–82 и в 1787 г. в полном собрании, не говоря об отдельных изданиях. Все эти издания XVIII века давно сделались библиографическими редкостями и только г. Венгером сделана перепечатка (без проверки текста) некоторых лирических произведений Сумарокова в его книге «Русская поэзия»,⁷ да ради учебных целей г. Чудиновым была перепечатана трагедия

⁴ См.: *Громов А. А.* Очерк научной деятельности профессора И. А. Шляпкина. (К 25-летию его учебной деятельности). СПб., 1907.

⁵ О судьбе его библиотеки см.: *Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г.* Библиотека Бестужевских курсов: книжное собрание И. А. Шляпкина // *Невский архив: Историко-краеведческий сборник.* М.; СПб., 1995. [Вып.] 2. С. 398–413.

⁶ См.: *Перетц В. Н.* 1) Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету. Ч. I // *Археографический ежегодник за 1959 год.* М., 1960. С. 361–466; 2) Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету. [Ч. II] // *Археографический ежегодник за 1960 год.* М., 1962. С. 395–502.

⁷ См.: *Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов / Под ред. С. А. Венгерова.* Т. 1 (Вып. 1–6): XVIII век. Эпоха классицизма. СПб., 1897. С. 164–264.

Хорев.⁸ Громадное общественное значение сочинений А. П. Сумарокова доселе остается невыясненным. Работы Булича⁹ и Стоюнина¹⁰ вышли еще в николаевскую эпоху, более пятидесяти лет назад, а мелкие исследования Хмырова,¹¹ Пекарского,¹² Иващенкова,¹³ Истомина¹⁴ касались лишь отдельных вопросов. Главная причина — отсутствие полного собрания сочинений нашего автора — издания критического с примечаниями и доступного большинству. Почтительнейше обращаю внимание Отделения на этот вопрос, думаю, что издание сочинений Сумарокова Отделением является вполне своевременным и готов принять и ближайшее участие в подготовительных к нему работах.

С. Петербург 18 ноября 1907 г.

Ординарный профессор Императорского СПб. университета, доктор русской словесности

И. Шляпкин¹⁵

Отделение русского языка и словесности поддержало начинание Шляпкина. Более того, 1 декабря 1907 г. И. А. Шляпкин был избран членом-корреспондентом Академии наук. Это, безусловно, только облегчило работу над подготовкой сочинений Сумарокова. В марте 1908 г. Шляпкин обратился со следующим письмом в Отделение, в котором изложил предварительный план работы и наметил первые шаги к его воплощению:

В Отделение русского языка и словесности
Императорской Академии Наук от члена-корреспондента
ординарного профессора Императорского СПб. университета
И. А. Шляпкина.

Получив чрез академика А. А. Шахматова¹⁶ приглашение Отделения редактировать издание сочинений А. П. Сумарокова, спешу выразить свое согласие и принести Отделению искреннюю благодарность за оказанное доверие.

---

⁸ См.: *Сумароков А. П.* Избранные драматические произведения. СПб., 1893. (Русская классная библиотека под ред. А. Н. Чудинова; вып. 14). — В издание вошли трагедии «Хорев» и «Синав и Трувор», комедия «Опекун».

⁹ См.: *Булич Н. Н.* Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854.

¹⁰ См.: *Стоюнин В. А.* П. Сумароков. СПб., 1856.

¹¹ См.: *Хмыров М.* Александр Петрович Сумароков // *Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов / Под ред. С. А. Венгерова.* Т. 1. С. 151–156.

¹² См.: *Пекарский П. П.* Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов // *Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук.* СПб., 1867. Т. 12, № 5. С. 1–88.

¹³ См.: *Иващенко П. С.* Очерк содержания сатир А. Сумарокова. Нежин, 1874.

¹⁴ См.: *Истомин В. А.* Главнейшие особенности языка и слога произведений А. П. Сумарокова // *Русский филологический вестник.* 1898. № 1–2, отд. 2. С. 42–85.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 909. Л. 1–1 об.

¹⁶ С 1906 г. академик А. А. Шахматов был председательствующим в Отделении.

Полное собрание сочинений и переписки А. П. Сумарокова должно быть, как мне представляется, исполнено в том же роде, как были изданы покойным учителем моим М. И. Сухомлиновым — сочинения Ломоносова, Я. К. Гротом — сочинения Державина, А. Н. Пыпиным — сочинения императрицы Екатерины II. Раньше издания нужно проверить тексты по существующим автографам, старинным книгам, различным изданиям XVIII века, собрать переписку, биографический материал и возможные реальные и библиографические комментарии и объяснения. Подробный план издания можно будет представить лишь по собранию возможно полного материала. К этим работам я уже приступил и обращаюсь в Отделение с следующими предложениями.

1) Необходимо, чтобы Отделение от своего имени разослало для помещения в периодических изданиях СПб. и Москвы, а равно и отдельным учреждениям и лицам нижеследующее заявление:

«Отделение русского языка и словесности И. А. Н., приступая к новому изданию сочинений известного русского писателя XVIII века Александра Петровича Сумарокова, обращается с просьбою ко всем учреждениям и лицам, имеющим в своем распоряжении автографы писателя в виде его произведений, писем, заметок, а равно и бумаг, относящихся до него или его ближайших родственников, — не отказать сообщить подлинники или точные копии или сведения о них по адресу: Импер. Академия Наук, Отделение русского языка и словесности, академику А. А. Шахматову¹⁷ или редактору издания ординарному профессору СПб. Университета и члену-корреспонденту Импер. Акад. Наук И. А. Шляпкину (Белоостров, станция Финляндской жел. дороги, собственная усадьба). Высланные подлинники будут по снятии копий возвращены владельцам с глубокой благодарностью».

NB. Список лиц и учреждений проф. Шляпкин представит Отделению, по его желанию, и просит дать ему подобные бланки для рассылки частным лицам, о которых он узнает во время работ над собиранием материалов впоследствии.

2) Редактор издания просит Отделение выдать ему удостоверение о том, что ему поручено издание сочинений А. П. Сумарокова, приблизительно в таком виде:

«Отделение русского языка и словесности И. А. Н. сим удостоверяет, что предъявителю сего, члену-корреспонденту И. А. Н. ординарному профессору Импер. СПб. университета д<ействительному>. с<татскому>. с<ответнику>. Илье Александровичу Шляпкину, поручено собирание материалов и редактирование сочинений А. П. Сумарокова, и просит подлежащие учреждения и лица оказать Шляпкину законное содействие для исполнения возложенного на него поручения».¹⁸

Такое свидетельство необходимо мне, например, для занятий в Государственном Архиве, где, как мне известно, очень любопытные и неизвестные бумаги о А. П. Сумарокове, в Архиве Императорского Двора, Императорских театров

¹⁷ Далее в письме поставлено полторы строки точек, видимо, для адреса.

¹⁸ Такое удостоверение, датированное 18 октября 1908 г., хранится в: РГАЛИ. Ф. 1296 (Шляпкина). Оп. 1. № 200.

и пр. О высылке необходимых рукописей, находящихся вне Петербурга, буду ходатайствовать отдельно.

3) В виду поездки моей в марте сего года (около 25-го) в Австрию, Германию и Италию, я бы мог произвести розыски различных сведений о переписке и переводах Сумарокова в Лейпциге (где часть таких материалов я уже нашел года три тому назад) и других городах Германии: Сумароков был членом Лейпцигского вольного собрания, основанного Готтшедом. Если Отделению будет угодно, оно могло бы, снабдив меня небольшою суммою, командировать из Киссингена,¹⁹ где я буду в мае месяце, в Париж для выяснения отношений Вольтера и Кино (Quinault) к нашему трагику, переводов сочинений Сумарокова на французский и его переписки с Вольтером.

4) Желательно, чтобы Отделение назначило известную сумму для переписки сочинений и переписки А. П. Сумарокова под наблюдением и сверкой с подлинником редактора, который обязуется представлять оправдательные документы по произведенным уплатам.

5) Наконец, желательно чтобы Отделение приобрело для редакторских работ два издания сочинений Сумарокова 1780 года (собственно, 1781–1782 г.) и 1787 г. по 10 томов в каждом. Эти издания придется разорвать для набора, так как автографов Сумарокова мало, а печатные экземпляры обойдутся дешевле переписки их, да и легче могут набираться (конечно, вместе с рукописными вариантами и примечаниями редактора).

Профессор И. Шляпкин

СПб.

9 марта 1908 г.²⁰

Перед упомянутым отъездом Шляпкин написал Шахматову еще одно письмо:

29 марта 1908 г.

Глубокоуважаемый

Александр Александрович!

Завтра уезжаю за границу и на всякий случай пишу Вам отсюда. Я переговорил с В. М. Истриным²¹ и просил передать Вам наш разговор о редакторском гонораре. Знаю стесненность средств Академии и пока ничего не прошу. Когда начнем печатать, ну дадите 10–15 рублей за корректуру текста, а о примечаниях и предисловии поговорим после. Я работаю над Сумароковым не только по материальным воззрениям, но и по идеальному побуждению и вопрос о гонораре представляется мне совсем второстепенным. Вот о чем я попросил бы Вас хлопотать: нельзя ли прислать мне в мае в Мюнхен или Киссинген (это смотря по тому, пришлет ли Академия денег на поездку в Париж) — отпечаток статьи Ре-

---

¹⁹ Бад-Киссинген — курорт в Баварии, известный своими целебными источниками.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 909. Л. 2–3.

²¹ С 1908 г. академик В. М. Истрин был председателем Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы.

занова о парижских экземплярах пьес Сумарокова?²² Не откажите сообщить Ваш адрес и кому писать о высылке в Академию. Если хотите ответить до нашего (с<тарого>. с<тиля>.) 1 мая, то пишите Italie Naples poste restante. После этого в Мюнхен где рассчитываю быть около 15 мая (с<тарого>. с<тиля>.), а затем в Киссингене с 20 мая. Сердечное спасибо за Ваше участие, дружески жму Вашу руку, привет супруге и детям.

Искренне Вас уважающий

И. Шляпкин²³

В протоколе заседания Отделения 26 апреля 1908 г. отмечено, что Шляпкину выделено 100 руб. на поездку в Париж и выслан оттиск статьи Резанова.²⁴

8 октября 1908 г. Шляпкин сообщал в Отделение о ходе своей работы: «В настоящий момент я собираю всевозможные материалы печатные и рукописные для выработки текста и примечаний к тексту сочинений А. П. Сумарокова. Мною приобретено кроме полного собрания сочинений 2 издания, некоторые тома первого и более 30 экзмп. отдельных его сочинений».²⁵ Он также просил поискать среди отобранных материалов для будущего Пушкинского Дома бумаги П. А. Ефремова о Сумарокове. В октябре того же года Отделение по просьбе Шляпкина обратилось в ряд газет («Новое время», «Русские ведомости», «Московские ведомости», «Русское слово», «Речь») с просьбой сообщать в Отделение сведения и документы о Сумарокове. К сожалению, в ответ на это объявление никаких новых материалов о Сумарокове не поступило. Только в марте 1909 г. Шахматов известил Шляпкина о полученном альбоме с якобы автографом Сумарокова, в действительности, по мнению Шахматова, это был автограф Панкратия Сумарокова.²⁶

В марте 1910 г. Шляпкин прислал в Отделение очередной отчет:

В Отделение русского языка и словесности
Императорской Академии Наук

Имею честь доложить о ходе работы над изданием сочинений А. П. Сумарокова. Приобретены в двойном количестве экземпляров все сочинения Сумарокова. В Париже по рукописям Национальной библиотеки проверены, исправлены и дополнены тексты, изданные в «Известиях» проф. Резановым. Сверены две тра-

---

²² См.: Резанов В. Парижские рукописные тексты произведений А. П. Сумарокова // Известия Отделения русского языка и словесности. 1907. № 2. С. 135–169.

²³ ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 909. Л. 4–5.

²⁴ Там же. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 7.

²⁶ Там же. Л. 14.

гедии («Хорев» и «Синав и Трувор») и подобраны варианты 4-х изданий. Сняты копии со всех известных в печати писем Сумарокова. Сняты копии с оригиналов бумаг Сумарокова, хранящихся в Государственном Архиве. Просмотрены журналы заседаний Конференции Академии наук I 1748–1766 и II 1748–1775 г. и выписано все относящееся до Сумарокова. Ближайшее участие в копировании и переписке бумаг (в СПб.) принимала окончившая СПб. Высш. Женские курсы М. Э. Тов.²⁷ Мною ей уплачено из личных средств 100 рублей за снятие копий и списывание бумаг в Государственном Архиве и др. (занятия приблизительно продолжались 50 дней по 8 часов). За занятия в Архиве Конференции (39 дней по той же норме) следует ей уплатить 78 рублей. Имею честь ходатайствовать пред Отделением об уплате 178 рублей.

член-корреспондент АН,
ординарный профессор
И. Шляпкин

31 марта 1910 г.²⁸

Сохранившиеся материалы Шляпкина вполне подтверждают его отчеты в Отделение русского языка и словесности Академии наук за три года работы с 1908 по 1910 г. Так, книги XVIII в. из собрания Шляпкина сохранились в Зональной научной библиотеке им. В. А. Артисевич Саратовского государственного университета, куда попали по завещанию ученого. Всего у Шляпкина было 47 изданий Сумарокова,²⁹ причем некоторые издания в нескольких экземплярах. Так, изданное Н. И. Новиковым в 1787 г. второе издание «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова представлено у Шляпкина следующими экземплярами: 2 экземпляра частей 2–3, 5, 1 экземпляр частей 4, 6, 7, 9–10, 3 экземпляра части 8. «Притчи» (1762–1769; Кн. 1–3) — книги 1–2 в 5 экземплярах, книга 3 в 6 экземплярах и т. д. Шляпкин выискивал и приобретал редкие издания, так, два издания в его библиотеке до начала XX в. были неизвестны по библиографиям: «Ода ея императорскому величеству Екатерине Алексеевне императрице и самодержице всероссийской на день возшествия ея на всероссийский престол июня 28 дня 1772 года» (СПб., [1772]) и «Еклоги» ([СПб., 1793]). Ему попадались и редчайшие издания, так «Прибежище добродетели» (СПб., 1759) кроме собрания Шляпкина имеется сейчас только в Библиотеке Академии наук.

---

²⁷ Возможно, следует читать «Иов».

²⁸ ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 909. Л. 15–15 об. В апреле 1910 г. Отделение выслало Шляпкину требуемые 178 руб. (Там же. Л. 16).

²⁹ По данным сводного каталога «Русская книга гражданской печати XVIII в. в фондах библиотек Российской Федерации (1708–1800)», размещенного на сайте Российской национальной библиотеки: URL: <http://www.nlr.ru/> (дата обращения: 15.10.2023).

Столь же тщательно Шляпкин проводил архивные разведки в поисках писем и документов, связанных со служебной деятельностью Сумарокова. Он искал материалы в Госархиве, Архиве академической конференции, Библиотеке Академии наук, Российском историческом музее, в Национальной библиотеке в Париже. Копии материалов из Госархива и Академической конференции вместе с другими выписками составили объемистую папку, которая до 1941 г. хранилась в Отделе рукописей библиотеки Саратовского университета,³⁰ а затем была передана с некоторыми другими его материалами в Центральный государственный архив литературы и искусства (ныне — Российский государственный архив литературы и искусства).³¹ В собственном собрании рукописей Шляпкина сумароковские материалы немногочисленны: это список трагедии «Хорев» 1768 г. и список начала XIX в. «Притч» с пометой владельца «Сборник Сумароковский, после П. А. Ефремова».³² Таким образом, как можно полагать на основании имеющихся материалов, Шляпкину не удалось обнаружить новых автографов и неизвестных произведений Сумарокова, несмотря на его собственные тщательные поиски и объявления в газетах от имени Отделения.

Исключительно тщательно была собрана Шляпкиным библиография изданий сочинений Сумарокова и работ, посвященных ему. В настоящее время она хранится в фонде Шляпкина в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук.³³ Это заметки, краткие выписки и библиографические карточки, в том числе ряд карточек, относящихся к библиотеке известного библиографа и издателя русских писателей XVIII–XIX вв. П. А. Ефремова (1830–1907) — видимо, из каталога его библиотеки, и кое-что из бумаг известного библиографа начала XIX в. В. Г. Анастасевича (1775–1845). Около сотни карточек, расположенных в алфавитном порядке — это карточки на издания сочинений Сумарокова с шифрами Публичной библиотеки, Румянцевского музея, Российского исторического музея.

Переписка Шляпкина с Отделением русского языка и словесности оканчивается приведенным ранее отчетом от 31 марта 1910 г. Но судя

³⁰ См.: *Аверьянов Г.* Новые материалы о Сумарокове // Литературная газета. 1941. № 4. 26 января. С. 6.

³¹ См.: РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 2. № 49. 252 л.

³² См.: *Перетц В. Н.* 1) Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина... Ч. I. С. 375; 2) Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина... [Ч. II]. С. 403.

³³ См.: ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 28 (заметки и библиографические выписки); № 95 (заметки и библиографические карточки).

по мелким выпискам, он продолжал собирать материалы до 1914 г. — библиографические заметки сделаны на оборотной стороне листов отрывного календаря за этот год. Никакого подробного плана издания или подготовленных и прокомментированных текстов произведений обнаружить не удалось.³⁴ Не найдены и материалы сверки произведений Сумарокова по спискам, хранящимся в Национальной библиотеке в Париже. Возможно, правда, что следы этой сверки могут со временем обнаружиться в экземплярах изданий Сумарокова в саратовской университетской библиотеке.

Таким образом, за три года Шляпкин проделал огромную подготовительную работу по подготовке академического собрания сочинений Сумарокова, но к собственно работе над изданием так и не приступил. Оставив работу над Сумароковым, Шляпкин вернулся к своим прежним темам, в том числе и по новой русской литературе — в 1911 г. вместе с Н. К. Пиксановым он издал первый том «Полного собрания сочинений» Грибоедова.

К проделанной Шляпкиным подготовительной работе и сейчас трудно предъявить претензии, настолько тщательно и основательно он работал. Разве что современному исследователю может показаться кощунственной сама идея использовать для так называемой «расклейки» два комплекта «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова, изданных Новиковым в XVIII в.

Результаты разысканий Шляпкина, опытного архивиста и заядлого коллекционера, имеют значение для современных исследователей, и не только потому, что в его бумагах сохранились копии нескольких неизвестных ранее служебных бумаг и писем Сумарокова. Несмотря на все свои старания, Шляпкину не удалось обнаружить следов архива Сумарокова, того самого собрания личных бумаг поэта, которое было в распоряжении Новикова при издании «Полного собрания всех сочинений». Не дали желаемых результатов и объявления в газетах. Приходится с сожалением прийти к выводу, что личный сумароковский архив затерялся и погиб еще до Первой мировой войны. Не исключено, что архив погиб после ареста Новикова и изъятия всех его бумаг еще в 1792 г. Подтверждением

---

³⁴ Сохранились еще два крупных комплекса личных документов и коллекций Шляпкина: в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (ф. 865) и в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (ф. 154). Сумароковских материалов в этих фондах не обнаружено.

этому может служить и то обстоятельство, что в XIX в. в печати вообще не появлялось публикаций неизвестных произведений Сумарокова.³⁵

Причины прекращения работы Шляпкина над собранием сочинений Сумарокова неизвестны. Возможно, причина и состояла как раз в отсутствии рукописных материалов поэта, что, безусловно, затрудняет подготовку академического собрания. Не исключено, что могли сыграть свою роль и личные обстоятельства, поскольку Шляпкин был очень своеобразным человеком. Известный историк С. Ф. Платонов вспоминал о Шляпкине: «Своеобычная натура молодого ученого не укладывалась в шаблонные рамки и не ложилась под трафареты, а потому он был обречен на то, чтобы действовать и жить в одиночку, со всеми преимуществами и неудобствами такого индивидуализма. <...> Ценивший личную свободу и независимость и ускользавший от всякой попытки его дисциплинировать, И. А-ч однако был всегда близок к фатализму и спокойно склонялся пред силой рока и неизбежностью конца, повторяя старую назидательную могильную надпись: „Бых — несмь, есте — не будете“».³⁶ Тут можно только гадать, но и для догадок нет достаточных оснований.

Удивительным образом работа Шляпкина не нашла отражения в печатных источниках. О ней не упоминалось в ежегодных печатных отчетах Отделения, не упомянули о ней и авторы обширных некрологов, близко знавшие покойного.³⁷ Не упомянул о ней и П. Н. Берков в историографическом очерке русской литературы XVIII в.³⁸ П. Н. Берков, конечно, знал о работе Шляпкина и в 1957 г. писал в примечаниях к подготовленным им «Избранных произведениях» Сумарокова: «В 1909 г. Академия наук постановила выпустить академическое собрание сочинений Сумарокова, поручив осуществление его члену-корреспонденту, проф. И. А. Шляпкину. Однако постановление это реализовано не было, и, на-

³⁵ Это вполне резонное предположение высказала Н. Ю. Алексеева.

³⁶ Платонов С. Ф. Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) // Русский исторический журнал. 1918. № 5. С. 323–324, 326.

³⁷ См.: Буш В. В. Илья Александрович Шляпкин // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1918. Т. 23, кн. 1; Платонов С. Ф. Илья Александрович Шляпкин (1858–1918); Соловьев В. Н. Памяти И. А. Шляпкина // Сборник историко-театральной секции. Пг., 1918. Т. 1; Сперанский М. Н. Проф. Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) // Научные известия. М., 1922. Сб. 2. — Правда, В. В. Буш, перечисляя заграничные поездки Шляпкина, упомянул о поездке в Германию «для издания Сумарокова».

³⁸ См.: Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. 1. Очерк литературной историографии XVIII века. Л., 1964.

сколько нам известно, в архиве Шляпкина (в Научной библиотеке г. Саратова) сколько-нибудь важных материалов по подготовке издания не сохранилось». ³⁹ Кажется, это единственное упоминание в печати о работе Шляпкина. Хотя издание Сумарокова и не было осуществлено, опыт Шляпкина заслуживает своего места в историографии и будет поучителен для будущих издателей академического собрания сочинений одного из важнейших русских писателей XVIII в.

---

³⁹ *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 515. (Библиотека поэта. Большая серия).

О ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ МЕТОДЕ

(насущенные заметки)¹

Я занимаюсь историей литературы и здесь выступаю как историк литературы. Бытует мнение, что историки литературы скептически относятся к теории. И для такого мнения есть все основания. Например, мой учитель академик А. М. Панченко за четверть века никогда не вел со мной разговоров на темы методологии. Иногда он мог иронически высказаться о двух самых популярных в последней четверти XX в. теориях, его ирония была вызвана тем, что эти теории претендовали на объяснение всего. Правда, как-то раз, читая мою курсовую работу, он дошел до цитаты из «Теории литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена и посоветовал: «Убедите эту цитату — это учебник». Мне было жалко, но цитату я убрал и правильно сделал. Больше на такие труды я не ссылался. После кончины А. М. Панченко я собирался написать о нем и хотел сравнить свои соображения с мнением тех, кто знал его гораздо раньше меня. Его старинный товарищ, хорошо знавший его еще с начала 1960-х гг., на мой вопрос «Что было главное в методе Александра Михайловича?», ответил без промедления — «Талант». Я с ним согласился, хотя и отогнал непрошенную мысль, что методология — удел бесталанных. Я сказал, что А. М. Панченко не вел со мной разговоров о методологии, и это так. Но не менее справедливым будет утверждение, что четверть века мы с ним говорили только о методологии историко-филологической работы.

Но крупные ученые могли высказываться и резче. Так, А. И. Доватур вспоминал, что академик С. А. Жебелев «терпеть не мог разговоров о методологии. Какой-то немец крупный говорил: „Кто не может гово-

---

¹Выступление на круглом столе «Основания историзирующего прочтения» на XLV Международной филологической конференции СПбГУ (март 2016 г.).

речь по существу дела, тот говорит о методологии². А Жебелев один раз напустился на Андрея Николаевича Егунова, причем несправедливо. Андрей Николаевич считался его любимым учеником. Мы сидим, что-то такое читаем, и только Андрей Николаевич говорит: „Методология...“, — Жебелев не дал ему закончить, повернулся к нему: „Кто в вашем возрасте ... говорит о методологии, тот ничего не сделает в науке!“ Андрей Николаевич осекся, потому что он совсем не это хотел сказать².

Конечно, тут есть некоторый парадокс. В отличие от мольеровского Журдена, который простодушно не знал, что говорит прозой, Жебелев хорошо представлял себе, что такое методология, а в 1923 г. издал «Введение в археологию».³ И вообще, именно крупные ученые оставили замечательные труды по методологии. Сейчас возродился интерес к работам по методологии истории академика А. С. Лаппо-Данилевского,⁴ не утратила своей ценности «Наука о литературе» Ю. Кшижановского,⁵ самого крупного в XX в. польского историка литературы и фольклориста. Назову и «Теорию литературы» (1925) Б. В. Томашевского. По списку работ академика В. Н. Перетца можно бы думать, что у него была репутация историка-позитивиста, но в 1914 г. он издал исключительно полезную книгу «Из лекций по методологии истории русской литературы».⁶ Семинарий В. Н. Перетца дал отечественной филологии целую плеяду выдающихся ученых. Новый член семинария должен был показать знание иностранных языков и сделать сообщение о какой-нибудь методологической концепции. После этого он допускался к описанию рукописей и текстологической работе с ними. Дэвид Перкинс, автор теоретической книги с провокативным названием «Is Literary History Possible?»⁷, вовсе не записной деконструктивист, а автор серьезных историко-литературных трудов об английском романтизме. В действительности историки литературы вовсе не сторонятся вопросов теории, но у них к ним свой подход.

---

² Доватур А. И. Устные воспоминания / Подгот. текста и примеч. Л. Л. Ермаковой // Древний мир и миф: Классическое наследие в Европе и России. СПб., 2014. Вып. 5. С. 195.

³ См.: Жебелев С. А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1–2.

⁴ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: В 2 т. М., 2010. Т. 1.

⁵ См.: Krzyżanowski J. Nauka o literaturze. Wyd. 2. Wrocław, 1969.

⁶ См.: Перетц В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучения. Методы. Источники. Киев, 1914.

⁷ См.: Perkins D. Is Literary History Possible? Baltimore, 1992.

Не так давно я обсуждал с одним магистрантом тему его диссертации. В конце беседы он неожиданно спросил: «А какую избрать методологию?». Я, признаться, несколько запнулся, поскольку считал, что наша беседа была посвящена и этому вопросу. В ответ я рассказал ему следующую историю, такой «притчевый метод обучения». В 2015 г. скончался известный оксфордский филолог-классик Мартин Уэст (1937–2015), он подготовил много изданий древнегреческих авторов, включая «Илиаду», написал ряд книг, в том числе новое пособие по текстологии на смену известному руководству Пауля Мааса. В 2009 г. один мой молодой коллега на фуршете после конференции оказался соседом Уэста и вступил с ним в беседу. Уэсту было уже более 70 лет, он охотно разговаривал и, в частности рассказал, что в 1960-е гг., когда он писал диссертацию, то его университетский наставник обучил его британскому филологическому методу. Молодой коллега тут же оживился: «А что это за метод?» — Уэст ответил: «А такого метода и нет: просто надо пользоваться тем, что лучше всего подходит для данной проблемы».⁸ Молодой коллега потом сообразил, что формулировка Уэста соотносится с известными словами знаменитого немецкого филолога-классика Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа: «Ох уж этот хваленый „филологический метод“! На самом деле его попросту не существует, как не существует метода ловить рыбу. Кита бьют гарпуном, лосося остройгой, на камбалу наступают ногой, сельдь ловят неводом, форель — на удочку. Где же здесь единый метод рыбной ловли?».⁹

Таким образом, главное в работе историка литературы — проблема, а уже она определяет методы ее решения. Конечно, сформулированный Уэстом британский филологический метод был высказан в жанре «застольных бесед», что несколько не уменьшает его ценности. Но вот что он говорил об изучении литературы в речи на вручении ему премии Бальзана в 2000 г. за труды в области изучения античности: «можно выделить по меньшей мере три различных подхода к изучению литературы. Термин «литературоведение», по сути, применим только к одному из этих подходов, в то время как моя творческая энергия была в основном посвящена двум другим. Вот эти три подхода: во-первых, рассмотрение

---

⁸*Nikolaev A. M. L. West and the British Philological Method* (URL: https://www.academia.edu/14390225/M._L._West_and_the_British_Philological_Method — дата обращения: 03.04.2016).

⁹Цит. по: *Schadewaldt W. Hellas und Hesperien: Gesammelte Schriften zur Antike und zur neuen Literatur*. Zürich; Stuttgart, 1970. Vol. 2. P. 606–607.

внутренних качеств литературных произведений, их красот или огрехов, изучение творческого мира автора, его стиля и метода, и так далее; во-вторых, исследование отношения произведения к внешнему миру: вопросы его датировки и подлинности, его зависимость от предшественников и от традиции, в русле которой это произведение находится, интеллектуальные и культурные влияния, которым был подвержен его автор; и в-третьих, подход, который нередко использует результаты двух предыдущих, ставя своей целью определить, что именно написал автор и что именно он имел в виду. Эти три подхода можно обозначить как литературную критику, историю литературы и филологию. Я считаю себя филологом и историком литературы». ¹⁰ К этой замечательной по своей прозрачности и ясности формулировке добавить нечего. Но она вовсе не так уж и проста, в том числе и слова «что именно написал автор и что именно он имел в виду». Здесь я бы хотел привести пронизательное наблюдение нашего филолога-классика А. К. Гаврилова из его очерка об А. И. Доватуре: «Поклонение факту не есть отрицание теории, потому что факты не даны, а лишь устанавливаются как раз с помощью проверки и анализа, и в этом построении реальности для того, кто воссоздает ее, важен не только факт, но и сильное переживание метафизического, если угодно, свойства. Как иначе определить это упорное стремление, невзирая на труд и вечное сомнение, усмотреть в хаотичной груде сохранившихся текстов — этих языковых слепков отрывочной, гениальной, лживой, заторможенной человеческой мысли — обманчивый, часто причудливый и все время ускользающий контур былой действительности? Позитивизм это или нет, но науке нужно именно это, потому что это — дух науки». ¹¹

Вывод, к которому я так долго подводил, вполне ожидаем: главное в работе историка литературы не методология как таковая, а научная проблема. Размышление над проблемой приводит к фактам и к путям решения проблемы. Если же исследователь — особенно начинающий — идет не от проблемы, а от методологии, то довольно часто мы получали и получаем бесконечные хронотопы, интертексты, «локальные тексты» и проч. А вот ценность таких работ далеко не однозначна. И М. М. Бахтин, Ю. Кристева или В. Н. Топоров в этом никак не повинны.

---

¹⁰ Опубликовано в кн.: *Hesperos: Studies in Ancient Greek Poetry Presented to M. L. West on his Seventieth Birthday* / Ed. by P. J. Finglass, C. Collard and N. J. Richardson. Oxford University Press, 2007. P. XX. (Пер. А. С. Николаева).

¹¹ *Гаврилов А. К.* О филологах и филологии. СПб., 2010. С. 199.

Это были соображения, относящиеся к проблематике, обозначенной в аннотации круглого стола. Обращаясь к теме круглого стола уже в узком смысле, вынужден отметить, что в вихре быстро меняющейся в последние десятилетия литературоведческой моды, сопровождаемой суетой и гонкой, мы не всегда даже успеваем вспомнить двустиише:

И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал....

Между тем, все сказанное мной ранее вовсе не значит, что историк литературы должен чураться новых методов в литературоведении. Наоборот, он должен использовать в своей работе любые методики, позволяющие лучше решить поставленную научную проблему. Мне представляется, что весьма плодотворным является, в частности, метод микроистории, разработанный Карло Гинзбургом. Его труды переведены на русский язык,¹² он сам не раз приезжал в Россию, в т. ч. в Петербург, поэтому подробно останавливаться на характеристике его метода нет смысла. Привлекательной стороной метода Гинзбурга является то, что микроанализ не противостоит целостному описанию («метаповествованию») и не отменяет его. Как подчеркивал сам Гинзбург, «микро-» относится к *пристальности взгляда*, а не к масштабу исследуемого предмета. Существенная особенность метода заключается в том, что рассказ о прошлом языком современности заменяется восстановлением картины прошлого во всей ее целостности, без всяких отсылок к современности, т. е. на смену презентизму приходит антикваризм, что в целом характерно для исторической антропологии. Гинзбург — историк и его метод разрабатывался для исторических исследований, но методика вполне может быть использована и в работе историка литературы. Попытаюсь показать это на одном эпизоде из Жития пророка Аввакума.

Во время скитаний Аввакума по Сибири происходит известный эпизод с падением его жены Настасьи Марковны, которая поскользнулась на льду и не могла подняться, а потом пеняла пророку: «Дольго ли муки сея, проропоп, будет?» и я говорю: «Марковна, до самья до смерти!». Она же, вздохня, отвещала: «Добро, Петрович, ино еще побредем». Сразу после этого Аввакум рассказывает о курочке. «Курочка у нас черненька была, по два яичка на день приносила — робяти на пищу бо-

---

¹² См.: Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сб. статей. М., 2004.

жиим повелением, нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ништо чудо была: во весь год по два яичка на день давала. Сто рублей при ней — плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится — и рыбку клевала, а нам против того по два яичка на день давала. Слава Богу, вся состроившему благая!».¹³

Этот замечательный эпизод отметили В. В. Виноградов в своей статье «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума», А. С. Орлов в своем учебнике по древнерусской литературе, Н. С. Демкова при характеристике художественных особенностей Жития, А. М. Панченко в учебнике по древнерусской литературе, В. В. Кожин в монографии «Происхождение романа».¹⁴ Приведу только цитату из многократно переиздававшегося учебника Н. К. Гудзия: «Эпизод с курочкой, помещенный вслед за рассказом о тяжелом пути Аввакума с семьей из Даурии на Русь, — одна из любопытнейших жанровых картин в «Житии», придающих ему характер непринужденного повествования, столь далекого от канонической формы обычного жития».¹⁵ Казалось бы, курочка у всех на слуху и никуда подеваться не может. Может! В середине 1990-х гг. был опубликован очерк «Древнерусская литературная анималистика», автор которого уделил «Житию» Аввакума отдельную главку на нескольких страницах.¹⁶ Там представлен пестрый и почти барочный bestiary, преимущественно сибирский, но курочку автор даже не упомянул — видимо, это же просто курица, т. е. обычная домашняя птица. Получается, с одной стороны, курочка есть, и все ее ценят, а с другой стороны — ее и вовсе нет.

Присмотримся к тексту Жития. Аввакум в небольшом отрывке трижды кряду говорит о том, что курочка «по два яичка на день давала».

¹³ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. вторая. М., 1989. С. 369.

¹⁴ См.: Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 28; Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVII веков. М.; Л., 1945. С. 340–341 (то же: СПб., 2014. С. 393); Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 461, 463, 467; История русской литературы X–XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. Учебное пособие для педагогических институтов. М., 1980. С. 433; Кожин В. Происхождение романа. М., 1963. С. 230–231.

¹⁵ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 5. М., 1953. С. 452.

¹⁶ См.: Демин А. С. Древнерусская литературная анималистика // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М., 1995. С. 89–126.

Почему трижды? Потому что крестьянская аудитория, к которой он обращался и из которой он вышел сам, прекрасно знала, что обыкновенная курица так не несется. «Чудо», как кажется, объясняется необыкновенной, говоря техническим языком, яйценоскостью курочки. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» конца XIX в. говорит, что «Средним числом получают от одной К. в год: ... 60–80 яиц от простой при примитивных условиях содержания, до 200 от культурной».¹⁷ По данным XX в. яйценоскость куриц колеблется от 140 до 220 яиц в год, только курицы-рекордсменки дают до 365 яиц в год. Вообще-то, это издавна знали и читающие люди. У Эзопа есть басня на эту тему, «О вдове и о курице». Приведу ее в переводе с греческого языка, выполненном в XVII в.: «Некая жена-вдовица име курицу, на всяк день яйца ей родящую. Помысли себе, яко аще болши курице ячмени предлагати, будет дважды днем родити. И сице сотвори. Курица же, отолстевши и тучна суши, ниже единого яйца днем родити возможе. Толкование. Притча являет, яко любостыжания ради болши желающия и настоящая погубляют».¹⁸ «По два яичка на день» может давать только чудесная курочка, ее историю и излагает Аввакум и ее нечаянную смерть он искренне оплакивает. Для чудесной яйценоскости курочки у Аввакума наготове и объяснение: «божиим повелением, ... Бог так строил». Поскольку Аввакум пишет житие, то в нем должны быть и чудеса. Но для своих житийных чудес он выбирает самый обыденный материал. История черной курочки — это вовсе не жанровая картина, а житийное чудо. В описании черненькой курочки есть еще одна очень важная психологическая черта. Описывая и оплакивая свою любимицу, нелепо и нечаянно погибшую при трагических обстоятельствах, Аввакум ностальгически вспоминает много лет спустя о давешнем и минувшем, о том чудесном и удивительном, что когда-то было у него и скрашивало его трудную жизнь. Конечно, Даурия — это вовсе не «утраченный рай», но страдания в пустозерской земляной тюрьме были много горше.¹⁹

Для небольшого выступления я выбрал и небольшой фрагмент Жития. Несколько иная оптика и несколько иной инструментарий позволяют, как кажется, увидеть ранее незамеченные контексты и значения, небес-

---

¹⁷ К. Г. Куры // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 17 (33): «Култай — Лёд». СПб., 1896. С. 116.

¹⁸ Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII. СПб., 2005. С. 219.

¹⁹ См. подробнее: Николаев С. И. Курочка протопopa Аввакума и выдра Яна Пасека // *Russica Romana*. 2003. Vol. 10. P. 35–43.

полезные для интерпретации Жития. Представляется, что метод микроистории вкупе с антикваристским подходом могут быть плодотворны и для истории литературы, особенно старшего времени. Справедливости ради нужно отметить, что и ранее в отечественной филологии схожие методы применялись и довольно успешно (см. работы Б. А. Романова, К. В. Чистова, А. М. Панченко и др.). Просто у Карло Гинзбурга метод приведен в систему, вписывающуюся в парадигму исторической антропологии.

Разумеется, я не призываю всех немедленно заняться только микроисторией и посчитать ее новым единоспасующим методом. Такое предложение противоречило бы самой идее «британского филологического метода». Повторюсь: научная проблема и конкретные литературные произведения определяют выбор методики исследователя.²⁰

---

²⁰См. отклики на эту статью: *Ранчин А. М.* К вопросу о филологическом методе: По поводу статьи С. И. Николаева // *Литературный факт.* 2017. № 3. С. 355–362; *Кошелев В. А.* Реплика о «курочке черненькой». (По поводу статьи С. И. Николаева «О филологическом методе (насуточные заметки)») // Там же. С. 363–367.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ниже приводится перечень тех изданий, в которых были впервые опубликованы собранные в настоящей книге статьи и заметки.

К предыстории Горация в России // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*. Köln; Weimar; Wien, 2001. P. 303–314.

«Лексикографическая» эпиграмма Феофана Прокоповича // *Русская речь*. 1995. № 5. С. 3–5.

Эпиграмма Феофана Прокоповича на Ж.-А. Турретина // *О древней и новой русской литературе*. Сборник статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 257–260.

Анекдот в проповеди Феофана Прокоповича // *Жанры словесного текста: Анекдот / Учебный материал по теории литературы*. Таллинн, 1989. С. 165–168.

«Эмблемы и символы к воротам триумфальным» Феофана Прокоповича (1727) // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 11–13 ноября 1997 г. Новгород, 1997*. С. 109–112.

Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 г.? (Об авторстве «Эпода утешительного») // *Русская литература*. 1989. № 2. С. 191–193.

«До чего мы дожили, о россияне?» (от Феофана Прокоповича до Василия Шульгина) // *Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slavischen. Festschrift für Jadranka Gvozdanović*. Berlin, 2019. S. 259–264.

Полилингвизм творчества Феофана Прокоповича в науке XX в. — доделать Ворд // *Чтения по русской литературе XVIII века*. М.; СПб., 2018. Вып. 8: *Русская литература XVIII столетия в науке XX века; Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX века*. С. 57–64.

Феофан Прокопович — паремиолог // *Наследие Петровской эпохи в современной русской паремиологии (в сопоставлении с европейской)*. Кострома, 2021. С. 138–145.

Из комментариев к «Риторике» Феофана Прокоповича («Христианский Вергилий») // *Verus convictor, verus academicus*. К 70-летию Николая Николаевича Казанского. СПб., 2022. С. 564–568.

О старообрядческой переработке «Риторики» Феофана Прокоповича // *XVIII век*. Сборник 30. А. П. Сумароков и русская литература его времени. СПб., 2020. С. 214–220.

Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста) // *XVIII век*. СПб., 1995. Сб. 19. С. 3–14.

- «Сродный порядок слов» в поэтическом синтаксисе А. Кантемира // *Natales grate numeras?* Сб. статей к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 409–413.
- О переводе похвальной оды М. Меттера 1737 г. // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 249–251.
- А. Кантемир в польском журнале XVIII в. // *Русская литература*. 1993. № 3. С. 64–65.
- Подражания Кантемиру в русской поэзии XVIII–XX вв. // XVIII век. СПб., 2013. Сб. 27. С. 387–396.
- Ранний Тредиаковский. (Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // *Русская литература*. 1987. № 2. С. 93–99.
- Ранний Тредиаковский. (К истории «Элегии о смерти Петра Великого») // *Русская литература*. 2000. № 1. С. 126–131.
- Пометы В. К. Тредиаковского на «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова // *Маргиналии русских писателей XVIII в.* СПб., 1994. С. 7–15.
- К истории текста «Феоптии» Тредиаковского // В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 12–13 марта 2003 г. СПб., 2004. С. 76–79.
- «Чудище обло...» // *Русская судьба крылатых слов*. СПб., 2010. С. 423–433.
- «Только у Харьки и собинки» (Поговорки в прозе В. К. Тредиаковского) // *Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова*. СПб., 2011. С. 310–319.
- Тредиаковский в исследованиях последних десятилетий // В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 12–13 марта 2003 г. СПб., 2004. С. 172–179.
- Ранняя иконография Ломоносова в свете иконологии // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 73–84.
- Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 3–7.
- Переводил ли Ломоносов роман Фенелона? — Раздел статьи: Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // *Русская литература*. 1988. № 1. С. 167–172.
- А. П. Сумароков — переводчик с русского языка на русский // *Russian Literature*. 2002. Vol. 52, № 1–3. P. 141–149.
- Отрывок «Из Тита Ливия» А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 28–33.
- Как и зачем Сумароков переписывал своих современников // XVIII век. Сборник 30. А. П. Сумароков и русская литература его времени. СПб., 2020. С. 205–213.
- И. А. Шляпкин в работе над собранием сочинений А. П. Сумарокова // *Russian Literature*. 2014. Vol. 75, Issues 1–4. P. 445–456.
- О филологическом методе (насущные заметки) // *Искусство медленного чтения: История, традиция, современность*. М., 2020. С. 166–173.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум, протопоп 89, 248–250
Аверина Т. Б. 55, 211
Аверьянов Г. 240
Автухович Т. Е. 13, 15, 22, 44, 48, 100
Агамалян Л. Г. 181
Адрианова-Перетц В. П. 89
Азадовский М. К. 62
Азар П. 129
Алексеев А. А. 128, 142, 150, 157, 163, 179, 201, 214, 218
Алексеев Г. В. 52
Алексеев М. П. 28, 29
Алексеева Н. Ю. 176, 180, 189, 242
Алипанов Е. 112
Амфилохий, св. 64
Анакреон 101
Анастасевич В. Г. 111, 240
Анна Иоанновна, имп. 118, 44, 66, 176
Антоній Радивилловський 27
Антоний Стаховский 79
Аполлос Байбаков 159
Ардов М. 51, 52
Аристов В. 177
Арно А. 98
Арно А. В. 185
Артисевич В. А. 239
Ащукин Н. С. 157
Ащукина М. Г. 157

Б. С. 175
Бабаева Е. Э. 171
Бабичев Н. Т. 89, 90, 91
Бабкин А. М. 160
Бабкин Д. С. 200, 201, 203–209

Багно В. Е. 163
Байер Т.-Г.-3. 25
Бакланова Н. А. 123
Бантыш-Каменский Н. Н. 159
Баренбаум И. Е. 202
Барклай Д. 87, 118, 119, 124–126, 132, 176
Барков И. С. 82, 88, 93, 99, 100, 201
Барсков Я. Л. 156
Басаргина Е. Ю. 233
Батюшков К. Н. 111, 114
Баухюйсен Б. ван 71
Бахтин М. М. 247
Безродный М. В. 163
Белинский В. Г. 107, 111
Белоброва О. А. 185, 186
Берджи Р. 159
Берков В. П. 21, 157
Берков П. Н. 5, 6, 30, 55, 56, 57, 105, 130, 141, 201, 214, 218, 219, 229, 233, 242
Бернини Д. Л. 186
Бидлоо Н. 122
Блюментрост Л. 67
Бобров С. С. 99
Богданович И. Ф. 183
Бокк Р. Г. 219, 228
Болдырев А. В. 56
Болотов А. Т. 183
Боровский Я. М. 89, 90, 91
Бродский И. А. 99, 115, 116
Брюс Я. В. 18, 186
Буланже Н. А. 159
Буланин Д. М. 185
Булгаков С. В. 50

- Булич Н. Н.* 235
Буслаев П. 110
Буслаев Ф. И. 167, 168
Буш В. 4
Буш В. В. 242
Быков Д. 164
Быкова Т. А. 4, 135
Бычков А. Ф. 137

Вайль П. 116
Варбург А. 185
Васильев В. Е. 27
Введенская Е. В. 60, 75
Вейсманн Э. 18
Венгеров С. А. 55, 234, 235
Вергилий Публий Марон 65, 70–73, 134, 158–160, 164, 252
Вермеер Я. 186
Вернадский В. И. 78, 119
Верховский П. В. 25
Веселовский А. А. 15
Вешняков А. А. 103, 108, 204
Викторов А. 209
Вилламовиц-Мёллендорфа У. фон 246
Вильк Е. А. 157
Виниус А. 186, 189
Виноградов В. В. 249
Витынский С. 218
Волин Б. М. 53
Вольнский А. П. 131, 173, 201–203
Вольтер 166–167, 237
Вомперский В. П. 18, 175
Воронихина А. Н. 32
Вортман Х. 184, 189, 192
Востоков А. Х. 214, 229
Востриков А. В. 234

Гавриил Бужинский 27
Гаврилов А. К. 56, 247
Гайворонский А. В. 115
Галахов А. Д. 50
Гардзонио С. 176
Гаспаров Б. М. 165
Гаспаров М. Л. 211
Гвиччардини Фр. 128, 130
Генис А. 116
Гер Э. 164

Герасимова Е. Ю. 181
Гинзбург К. 248, 251
Гинзбург Л. Я. 184
Гларцантова Е. В. 6
Глинка М. Е. 181, 192
Гнедич Н. И. 218
Голенищев-Кутузов И. Л. 167
Голиков И. И. 49
Голицын Д. М. 131, 203
Головкин И. Г. 124
Головкина Д. 124
Гораций 4–9, 11–16, 60, 64, 72, 90, 91, 97, 99, 101, 105, 111, 112, 116, 187–189, 220, 229–231
Горка Лаврентий 8, 134, 136
Горлицкий И. С. 123
Горский А. 209
Горфункель А. Х. 77
Готшед И.-К. 105, 109
Градова Б. А. 47, 100, 141
Грассгоф Х. 100, 103, 109
Гречаная Е. П. 54
Григорий Богослов 64
Григорий Сковорода 16, 183
Григорьева Н. И. 188
Гринберг М. С. 178, 218
Гриценко А. И. 53
Громов А. А. 234
Грот Я. К. 233, 236
Гроций Г. 25, 129
Грузинский О. 15, 55
Гуаско О. 109, 111
Гуго Г. 19, 128
Гудзий Н. К. 56, 249
Гуковский Г. А. 55, 113, 214, 219, 225–227, 229, 232
Гуревич А. Я. 27
Гуревич М. М. 4, 135, 219

Даль В. И. 50, 168
Данилевский Р. Ю. 214
Дашков Д. В. 160
Дашкова Е. Р. 183
Демин А. О. 230
Демин А. С. 249
Демкина Н. 161

- Демкова Н. С.* 249
Державин Г. Р. 5, 12, 107, 108, 111, 151, 164, 183, 191, 193, 233, 234, 236
Державина О. А. 28
Дерюгин А. А. 125, 127, 128, 156, 157, 159, 176, 178, 180, 214
Дмитревский И. А. 228
Дмитриев М. А. 187, 141
Доватур А. И. 245, 247
Долгоруков П. М. 67
Донат Э. 65
Дружинин В. Г. 74, 75, 78
Дубровский А. И. 215, 216
Дударев П. И. 50
Дюмон Ф. 185

Евгений Болховитинов 109
Егунов А. Н. 214, 245
Екатерина I, имп. 19
Екатерина II, имп. 166, 233, 236
Елагин И. П. 183
Елизавета Петровна, имп. 196
Еремин И. П. 44, 56, 59, 60, 62
Ермакова Л. Л. 245
Ермолаева Н. В. 177
Ефремов П. А. 82, 113, 201, 238, 240

Жебелев С. А. 244, 245
Железников П. С. 215, 216
Женетт Ж. 227
Живов В. М. 16, 64, 94, 175, 191
Жуковский В. А. 111, 189
Журавель О. Д. 74, 77, 78

Заборов П. Р. 166, 167
Западов В. А. 50, 156, 173
Засодимский М. А. 134–138
Засодимский П. В. 134
Захаров И. С. 215, 216
Зубов А. 184

Иванов Вяч. И. 99
Иванова Т. Г. 62
Иващенко П. С. 235
Измайлов А. Е. 113
Илюшин А. А. 107
Иоанн Златоуст 73, 76, 77, 79
Иоанн Максимович 93, 118

Истомин В. А. 235
Истрин В. М. 237

Йейтс Ф. 77

К. Г. 250
Калачева С. В. 48, 100, 109
Калачов Н. В. 167
Кантемир А. Д. 3, 6, 12, 14, 15, 22, 23, 44–48, 57, 58, 66, 81–117, 127–129, 167, 171, 183, 222
Капнист В. В. 12, 151, 230
Карамзин Н. М. 50, 110, 142, 179, 189
Каргопольский И. И. 123
Карл Великий, имп. 192
Карпова Е. Е. 148
Катулл 89, 211
Квинтиллиан 77
Квливидзе Н. В. 192
Кибальник С. А. 177
Кино Ф. 237
Клепиков С. А. 11, 23, 119, 133
Клипеков А. Ф. 184
Ключевский В. О. 129
Княжнин Я. Б. 183
Кобринский А. 161
Коваленко С. 157
Кожинов В. В. 249
Козинцева Р. И. 135
Козицкий Г. В. 220, 221, 223, 228, 231
Козлов О. Ф. 22
Козловский Ф. А. 219, 228
Колпашников А. Я. 184
Колпещкий Иероним 122–125
Комаровский Иоанн 136
Кондратович К. А. 6, 7, 20, 194
Консетт Т. 55
Копанев Н. А. 100, 103, 109
Копиьевский И. 4
Копцевич Герман 122, 135
Корб И. Г. 28
Корсаков Д. А. 66, 201
Костин А. А. 71, 150, 158, 159, 179, 181, 186, 223
Кохановский М. 211
Кочеткова Н. Д. 79, 154, 177, 232
Кочнева Е. В. 181

- Кошелев В. А.* 251
Крекотень В. I. 27
Кристева Ю. 227, 247
 Крылов И. А. 183, 184
Кузнецов В. А. 116
Кулакова Л. И. 156
Куник А. А. 170, 190, 198
 Курганов Н. Г. 6
 Кушнер А. 161
Кишижановский Ю. 245
 Лабадий (Labadius), Лабади, Лабеди Жан де 25
Лазарчук Р. М. 134
Лансло К. 98
Латпо-Данилевский А. С. 245
Лебедев Е. Н. 177
Левин П. 70
Левин Ю. Д. 175
Левитт М. 180
Левицкий А. 175
Лейбов К. Г. 234
Лейбова А. В. 234
Леонов С. А. 88, 90, 91
 Лесков Н. С. 160, 161
Либуркин Д. Л. 58, 59
Лисовой Н. Н. 53
Лихачев Д. С. 210, 249
 Лихтенфельд Б. 161
Лобачевский Н. И. 177
 Локк Д. 130, 131
 Ломоносов М. В. 3, 70, 71, 89, 94, 107, 110, 111, 117, 119, 132, 134, 141, 142, 146–150, 159, 173, 177, 179, 181, 184–186, 188, 189, 191–201, 203–209, 212, 213, 217–219, 223, 224, 227, 228, 231, 233, 234, 236
Лосев Л. 114, 116
Лотман Ю. М. 54, 176
 Лубяновский Ф. 215, 216
Луцков С. П. 202
Луцевич Л. Ф. 175
 Львов Н. А. 183, 193
 Любимов Н. М. 52
 Людовик XIV, король 175
Маас П. 246
Мажуга В. И. 192
 Мазен Я. 159
 Мазепа И. 18
Мазуркевич Р. 103
Майков Л. Н. 103, 109, 133, 136, 137
 Макиавелли Н. 130
 Макробий 27
 Максим Грек 123, 185
 Максимович И. П. 18–20, 128, 204
Малеин А. И. 127
Малэк Э. 89
 Марк Г. 162
Маркасова Е. В. 60, 75
Марков А. 173
Мартынов И. Ф. 6
 Марциал 15, 70, 71
 Матвеев А. А. 123, 131
Матусевич М. И. 20
 Мелетий Смотрицкий 87
 Мельгунов С. П. 52
 Мерзляков А. Ф. 111
 Мещерский В. П. 167
 Мильтон Д. 186
 Миних Б. Х. 101
Милицов Р. И. 135
 Миропольский Л. С. 189, 193
Михельсон М. И. 91, 157, 159
Моисеева Г. Н. 22, 93, 100
Мокиенко В. М. 157, 169
Морозов А. А. 148, 186
Морозов П. О. 66
Морозова Г. В. 5, 6, 9
Мосин А. Г. 8, 134
Мотыгин С. Ю. 157
 Муравьев М. Н. 111, 183
Муравьева Л. Р. 48, 100, 109
 Наталья Алексеевна, вел. кн. 29
Невоструев К. 209
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 105
Немтинов В. 161
Никитина Т. Г. 117
Николаев А. С. 247
Николаев С. И. 8, 12, 18, 20, 22, 28, 58, 60, 66, 67, 71–73, 75, 77, 87, 96, 100, 109, 112, 119, 128, 132, 169, 171, 175–177, 194, 204, 209, 211, 212, 223, 226–229, 250, 251

- Николаева Е. К.* 3, 66, 169
Никольский А. И. 24
Ничик В. М. 13, 22, 58
Новиков Н. И. 79, 94, 99, 213, 220–222, 228, 234, 241
Норман Б. Ю. 162
Огаркова Н. 176
Орлов А. С. 127, 156, 200–202, 204, 205, 249
Орлов В. 173
Остров Е. 173
Осипова Н. П. 176
Остерман А. И. 29
Павел Петрович, вел. кн. 134
Панин Н. И. 201
Панова В. Ф. 173
Панюфский Э. 185, 186
Панченко А. М. 244, 249, 251
Пасек Я. 250
Патрици Ф. 188
Паузе И. В. 6, 67–69
Пейдж Т. 159
Пекарский П. П. 4, 28, 46, 55, 60, 102, 103, 109, 123, 129, 130, 167–170, 177, 190, 227, 235
Перетц В. Н. 6, 55, 56, 67, 92, 110, 234, 240, 245
Перкинс Д. 245
Петр I Великий 4, 15, 19, 28, 29, 36, 38, 46, 49–52, 55, 62, 78, 123, 129–133, 135–137, 138–140, 154, 175, 177, 186, 192
Петр II 6, 13, 15, 30–35, 38, 40, 55, 58
Петров В. П. 114, 183
Петров Л. А. 22, 23, 24
Петров Н. И. 119, 122
Петровский М. П. 177
Петрулев Я. Ю. 7
Пиксанов Н. К. 241
Платон 187, 188
Платонов С. Ф. 242
Погодин М. П. 141
Погосян Е. 189
Позднеев А. В. 9, 11, 12
Померанц Г. 160, 161
Понтан Я. 159
Поньрко Н. В. 74
Попов В. 173
Поповский Н. Н. 13, 227, 229–231
Пореш В. Ю. 202
Порошин С. А. 201
Постников Т. П. 123
Поторжинский М. А. 50
Проперций 91
Пушлянский Л. В. 113, 119, 125, 127, 128, 157, 178, 180
Пуссен Н. 186
Пуфендорф С. 129
Пушкин А. С. 20, 53, 94, 110, 114, 157, 173, 234
Пушкин В. Л. 160
Пытин А. Н. 233, 236
Радау М. 70, 71
Радищев А. Н. 99, 156–162, 164, 165
Разумихин А. И. 50
Разумовский К. Г. 195–198
Ранчин А. М. 116, 251
Ревелли Д. 5
Резанов В. И. 237, 238
Рейфман И. 179
Рижский И. С. 49, 50
Рико П. 130
Рипа Ч. 186, 187, 189, 192
Ровинский Д. А. 184
Рогов К. 199
Рогович М. Д. 13, 22, 58
Розанов И. Н. 20
Розенцвейг В. Ю. 54, 176
Раманов Б. А. 251
Ромм М. 161
Росси Л. 185
Рубан В. Г. 105, 184
Руссо Ж. Б. 223, 224
Сааведра Фахардо Д. де 29, 32
Савва Рагузинский 129
Савельева Е. А. 189
Савчук О. 16
Саларев С. Г. 111
Салтыков И. 195
Салтыков П. С. 196
Самаренко В. П. 174

- Свиньин П. 167
 Свиясов Е. В. 4, 229
 Сейфуллина Л. 161
 Сенека 73
 Серман И. 3. 133, 136, 152, 175
 Симон Кохановский 28
 Симоли П. К. 168
 Скалигер И. Ю. 17, 18, 20, 21
 Скалигер Ю. Ц. 17, 20, 63
 Смирдин А. 146
 Смит Д. С. 100–102
 Снезирев И. М. 167, 168
 Соболевский А. И. 24, 29, 200, 202, 203, 208, 209
 Соболевский С. И. 56
 Соловьев В. Н. 242
 Сохраненкова М. М. 176
 Спаньоли Д. Б. 72
 Спафарий Н. 186
 Сперанский М. Н. 242
 Станислав Лещинский, польский король 57
 Стенник Ю. В. 152, 174
 Степанов В. П. 173–174, 221
 Степанова Л. Г. 187
 Стефан Яворский 27, 55, 184
 Столыпин П. А. 53
 Стоюнин В. 235
 Стратановский Г. А. 60, 62, 71, 75
 Стрижев А. Н. 174
 Строганова М. Я. 110
 Сумароков А. П. 3, 26, 28, 81, 107, 110, 117, 173, 177, 178, 183, 194, 195, 197–199, 211–225, 227–243
 Сумароков П. П. 238
 Сухамлинов М. И. 142, 233, 236
 Тарковская Л. Р. 250
 Тарковский Р. Б. 250
 Татищев В. Н. 22, 23, 204
 Татищев И. Ф. 209
 Татищев С. С. 209
 Твардовский С. 129
 Теплов Г. Н. 109, 171, 227
 Тетени М. 4, 12
 Тимофеев Л. И. 87, 93
 Тимошенко И. Е. 90, 91
 Тит Ливий 130, 220, 221, 223, 224, 228
 Тов М. Э. 239
 Тодорский М. Ф. 78
 Толстой Л. Н. 185
 Тамашевский Б. В. 245
 Топоров В. Н. 247
 Торгунов И. 161
 Травушкин Н. 173
 Третьяков В. К. 3, 12–14, 51, 57, 60, 87, 93–96, 98, 99, 101, 102, 107–110, 113, 116–119, 122–128, 132, 133, 135–138, 141, 142, 146–180, 183, 188–191, 198–204, 214–219, 223, 227–229, 231
 Третьяцкий С. 105
 Турретин Ж.-А. 22–25, 58
 Тюхменева Е. А. 33
 Уоррен О. 244
 Усова Д. С. 211
 Успенский Б. А. 16, 87, 132, 142, 147, 174, 175, 178, 179, 204, 218
 Успенский Л. В. 21
 Ушаков Д. Н. 53
 Уэллек Р. 244
 Уэст М. 246
 Фенелон Ф. 131, 132, 154, 156, 157, 162, 177, 200, 202, 203, 208, 209, 213–215, 217, 219, 228, 229
 Феофан Прокопович 3, 5–9, 13–33, 44–47, 49–80, 93, 94, 100, 129, 130, 133, 135, 136, 159, 183, 189, 190, 211
 Феофил Кролик 46, 47
 Феофилакт Кветницкий 138
 Феофилакт Лопатинский 30, 31, 122
 Фессар Э. 181, 184, 192
 Фичино М. 188
 Фонвизин Д. И. 183
 Франциск Эмилиан 131
 Харлампович К. В. 122
 Хвостов Д. И. 183, 223
 Хвостова О. 161
 Хемницер И. И. 57
 Херасков М. М. 106, 111, 183, 221, 228
 Хитпислей Э. Р. 32

- Хлебда В. 169
 Хмыров М. 235
 Холиевников В. Е. 116
 Хотеев П. И. 142, 176, 202, 203
 Хрущев А. Ф. 131, 132, 162, 200–204, 206, 208, 209, 215, 216
- Цицерон** 64, 73
 Черниловская М. М. 162
 Чижевский Д. И. 87
 Численко Н. Д. 156, 159
 Чистов К. В. 251
 Чистович И. А. 7, 20, 27, 31, 44, 45, 47, 55, 66, 123
 Чудинов А. Н. 234, 235
- Шарихина М. Г.** 189
 Шарымов А. 161
 Шахматов А. А. 235–238
 Шахнович М. 62
 Шевцов И. 114
 Шендецов В. В. 160
 Шерман Ю. 163, 164
 Шетарди Ж.-И. Т., де ля 203
 Шиповский Г. И. 215, 216
 Шишкин А. Б. 119, 174, 175, 204
 Шишкин И. В. 221–223, 227, 228, 231
 Шипков А. С. 110, 113
 Шкляр И. В. 22–24
 Шляпкин И. А. 233–243
 Шмурло Е. Ф. 137
 Штелин Я. Я. 201
 Шулежкова С. Г. 157
 Шульгин В. В. 49, 52, 53
 Шульгина Э. В. 162
 Шумахер И. Д. 190
- Щеглов Ю. К.** 113
 Щерба Л. В. 20, 21
- Эзоп 63, 64, 250
 Эйдельман Н. Я. 156, 157
 Эразм Роттердамский 63, 72, 89, 171
- Юпп М.** 114, 115
 Юхименко Е. М. 11, 78, 79, 133
 Якобсон Р. О. 169, 170
- Abeille G.** 222
Alekseev A. 171
Allen P. S. 72
- Bailey J.* 14
 Baptista Mantuanus 72
 Barclaius I. 126
 Bauhuysen B. van 71
 Beier Th. G. S. 25
Breitsshuh W. 178
Brogi Bercoff G. 16, 54
Brus J. 6
Budzyński J. 8, 12
Burgi R. 156, 214
Busch W. 4
- Cantemir A.** 104
Carrier C. 178
 Cassius Longinus 223
 Chapoton F. 222
Cherel A. 208
Chlebda W. 157
Čiževskij D. 87
Collard C. 247
Cracraft J. 22, 23, 31, 44, 49, 64
- Demetrius of Rostov** 60
 Derzhavin G. 194
Di Salvo M. 16
Dolskaya O. 14
 Dominique de Colonia 223
Drage C. L. 194
- Egger B.* 222
 Erasmus, Desiderius 63, 72
Estreicher K. 167
- Fénelon F.** 208, 214
 Feofan Prokopovič 59, 61–64, 71, 74, 75
 Feofan Prokopovich 22, 23, 31, 44, 49
Finglass P. J. 247
Friend A. M. 192
- Gesenius W.* 21
 Gottsched J. Ch. 109
Grafton A. 72, 222
Grasshoff H. 108
Green L. D. 70

- Grishchenko A. I.* 60
Guérard J.-A. 24
- Hazard P.* 129
Heithus C. 174
Henkel A. 32
Hildesheim J. Ch. 109
Holmes J. 223
Horaz 4, 8, 9
- Jakobson R.* 169
Jean-Richard P. 185
- Kantemir A.** 104, 106, 108
Kroll W. 31
Krzyżanowski J. 28, 245
- Lachmann R.* 61, 62, 71
Langer D. 59
Levičsky A. 175
Lewin P. 14, 138
Lužny R. 56–58, 106
- Marinelli L.* 16
Mauger 222
Minzloff R. 135
Mokijenko W. M. 157
Morocco W. A. 214
Mortzfeld P. 184
Most G. W. 72, 222
Müller H. M. 8
Müller M. 178
Murphy J. J. 70
Mustard W. P. 72
Maittaire M. 100
- Nikolaev A.* 246
- Page T.* 156
Perkins D. 245
Piepho L. 72
Pozdneev A. 9
- Radyszewskýj R.* 55, 56
Rexfman I. 178
- Richardson N. J.* 247
Richer H. 222
Ripa C. 186
- Saavedra Fajardo D. de 32
Scaliger I. J. 18
Scaliger J. J. 63
Schäfer F. 6
Schadewaldt W. 246
Schöne A. 32
Semenow B. 78
Seneca 8
Serman I. Z. 171, 175
Settis S. 72, 222
Showerman G. 9
Simeon Polockij, Simeon Polotskii 54, 194
Smidt K. F. 126
Smith G. S. 100
Smorzewska H. 6, 15
Spagnuoli G. B. 72
Stanisław I. Leszczyński 59
Stemplinger E. 8, 9
Szarama-Swolkień M. 167
Szulezkowa S. G. 157
- Teofan Prokopowicz 6, 15, 58
Terentius 8
Theophanus Procopovitsch 25
Theophanus Prokopowicz 55
Thomson J. 222
Trediakovskij V. K. 9, 174, 175, 178
- Valerius Maximus 8
- Walde Ch.* 222
Walecki W. 12
West M. L. 246, 247
- Zadura B. 106
Zasodimsky M. 134
- Žera K. 28
Žukowska-Billip K. 28

СОКРАЩЕНИЯ

- БАН — Библиотека РАН (Санкт-Петербург)
- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
- ГИМ ОПИ — Государственный исторический музей, Отдел письменных источников (Москва)
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
- ОИДР — Общество истории и древностей российских (Москва)
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности
- ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Ранее — ГПБ (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
---------------------	---

Феофан Прокопович

К предыстории Горация в России	4
«Лексикографическая» эпиграмма Феофана Прокоповича	17
Эпиграмма Феофана Прокоповича на Ж.-А. Турретина	22
Анекдот в проповеди Феофана Прокоповича	26
«Эмблемы и символы к воротам триумфальным» Феофана Прокоповича (1727)	29
Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 г.? (Об авторстве «Эпода утешительного»).	44
«До чего мы дожили, о россияне?» (от Феофана Прокоповича до Василия Шульгина).	49
Полилингвизм творчества Феофана Прокоповича в науке XX в.	54
Феофан Прокопович — паремиолог.	62
Из комментариев к «Риторике» Феофана Прокоповича («Христианский Вергилий»).	70
О старообрядческой переработке «Риторики» Феофана Прокоповича	74

Кантемир

Трудный Кантемир (Стилистическая структура и критика текста).	81
«Сродный порядок слов» в поэтическом синтаксисе А. Кантемира	95
О переводе похвальной оды М. Метгера 1737 г.	100
А. Кантемир в польском журнале XVIII в.	103
Подражания Кантемиру в русской поэзии XVIII–XX вв.	107

Тредиаковский

Ранний Тредиаковский	118
1. Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя	118
2. К истории «Элегии о смерти Петра Великого»	132

Пометы В. К. Тредиаковского на «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова	141
К истории текста «Феоптии» Тредиаковского	151
«Чудище обло...»	156
«Только у Харьки и собинки» (Поговорки в прозе В. К. Тредиаковского).	166
Тредиаковский в исследованиях последних десятилетий	173

Ломоносов

Ранняя иконография Ломоносова в свете иконологии	181
Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова	194
Переводил ли Ломоносов роман Фенелона?	200

Сумароков

А. П. Сумароков — переводчик с русского языка на русский	211
Отрывок «Из Тита Ливия» А. П. Сумарокова	220
Как и зачем Сумароков переписывал своих современников	225
И. А. Шляпкин в работе над собранием сочинений А. П. Сумарокова	233

***

О филологическом методе (насущенные заметки)	244
Библиографическая справка	252
Указатель имен	254
Сокращения	262

Научное издание

С. И. Николаев

**РАЗЫСКАНИЯ О РУССКИХ ПОЭТАХ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА**

Феофан Прокопович
Кантемир
Тредиаковский
Ломоносов
Сумароков

*Издание утверждено к печати решением Ученого совета
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
протокол № 5 от 12 октября 2023 года*

Научное издательство «Альянс-Архео»

Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 16.11.2023. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 18,5. Усл. печ. л. 17,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 953

ИП Новикова О. Л.
ОГРНИП 319784700175460
194352, Санкт-Петербург, пр. Художников, д. 30, к. 1, пом. 437
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aartheo@mail.ru

Отпечатано в ООО «Контраст».
192171, Санкт-Петербург, Железнодорожный пр., д. 20

ДЛЯ ЗАМЕТОК

